

Из российской истории	
<i>Майя Орлова</i>	Без ума, без чувств, без чести?4
<i>Татьяна Харламова</i>	Покровитель невест62
Сквозь призму времени	
<i>Алевтина Елистратова</i>	Осмеянная бомба 18
<i>Татьяна Кулик</i>	Неотправленное письмо 22
Штрихи к портрету	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Молитва атеиста 27
Это интересно	
<i>Татьяна Комарова</i>	О чем молчат маски? 34
Наши публикации	
<i>Борис Левин</i>	Гид 40
Минувшее	
<i>Денис Логинов</i>	Северный сфинкс46
Открытия «Смены»	
<i>Ольга Займенцева</i>	Волшебник с нашего двора66
Шедевры	
<i>Ирина Опимах</i>	Голицынский триптих Перуджино75
Рассказ	
<i>Джон Боланд</i>	Воплощение зла84
<i>Ирина Лыкова</i>	Хороший немец112
Неизвестное об известном	
<i>Денис Логинов</i>	Красавица идет96
Новое имя	
<i>Артем Омельченко</i>	Смокинг для бродяги106
<i>Елена Кузина</i>	Стихи110
Логунова шутит	
<i>Елена Логунова</i>	Королева Страшной Силы 120
Криминальный роман	
<i>Иосиф Гольман</i>	Пробег126
Кроссворд. Эрудит	
188	

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка Иллюстрации	Константин Мирошник Рябинин Лев Анатольевич
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена»».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»:**
142300, МО, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №3992

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.04.2012

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Сергей Горшков

г. Псков, 49 лет

Я дойду!

Живут воспоминания о сне:
Раскисший снег, проплешины земли...
В шинели нараспашку шел к весне,
Полой цепляя сухостой зимы.

Мне солнце согревало дальний путь,
И ветер растрепал, шутя, вихры,
Лесные птахи наполняли грудь
Руладами разлившейся зари.

Остался за спиною дым боев,
Друзья, которым выпало не встать...
А я иду — мне обещали ждать
И подарить желанную любовь.

Ведет меня надежда: — Я дойду!
Теперь я знаю правильный ответ:
Коль Бог отмерил в жизни столько бед,
То и не грех из счастья зачерпнуть...

Майя Орлова

БЕЗ УМА, ЧУВСТВ, ЧЕСТИ?

Объединенными стараниями современников и историков имя этого человека стало нарицательным — причем с резким отрицательным смыслом. «Аракчеевщина» — это тупость, солдафонство, безграмотность, жестокость... эпитеты можно продолжать до бесконечности. Даже «солнце русской поэзии» «почтило» носителя фамилии Аракчеев эпиграммой:

«Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести...»

Но тот же Александр Сергеевич, повзрослев и поумнев, написал жене о кончине графа Аракчеева: «Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться».

Об эпиграмме знали и знают все, о процитированном выше письме не знает почти никто. Странно, не правда ли, желать «свидеться и наговориться» с мстительным и злобным подлецом, тиранившим всю Россию? Но когда начинаешь изучать жизнь Аракчеева не по каноническим источникам, возникает совершенно иной образ, который не имеет ничего общего с хлесткой пушкинской эпиграммой и который совершенно незаслуженно оплеван и унижен потомками.

Точное место рождения в октябре 1769 года мальчика, крещенного Алексеем, неизвестно: его родители владели несколькими деревнями в Новгородской и Тверской губернии, так что он мог родиться в любой из них. Но хорошо известно, что семья была, мягко говоря, небогатой: первоначальное образование Алексей Аракчеев получил под руководством сельского дьячка и состояло оно в изучении русской грамоты и арифметики. К последней науке мальчик чувствовал большую склонность и усердно занимался ею.

По-видимому, именно этот этап образования имел в виду сам Аракчеев, когда, уже ставши военным министром России, собрал своих подчиненных и заявил им:

— Господа, рекомендую себя, прошу беречь меня, я грамоту мало знаю, за мое воспитание батюшка заплатил четыре рубли медью.

Многие — да практически все! — приняли это за непреложную истину и стали распространять слухи о полной необразованности Аракчеева: якобы он даже читал с превеликим трудом

по слогам. А между тем, граф Аракчев, закончив одно из лучших в России учебных заведений, прекрасно знал немецкий и французский языки, собрал большую научную библиотеку и сам был автором нескольких учебных пособий по артиллерийскому делу. Но ему выгодно было изображать из себя неграмотного, ограниченного солдафона. Почему? Загадка, которую ни один из историков и биографов так и не дал себе труда разгадать.

Хотя путь к вершинам для Алексея Андреевича был, мягко говоря, нелегким. Семья, как уже говорилось, с трудом сводила концы с концами, и обеспечить мальчику военную карьеру не могла: на это требовались деньги. Предполагалось, что юный Аракчев станет чиновником в канцелярии, посему особое внимание уделялось отработке безупречного почерка.

Почерк был выработан, но в возрасте тринадцати лет Алексей случайно увидел соседских мальчиков из богатой семьи, красовавшихся в военных мундирах. И с этой минуты на гипотетической карьере чиновника был поставлен крест. Слезами, уговорами, клятвами он добился того, что отец повез его в столицу, дабы попытаться там поступить в Артиллерийский инженерный шляхетский корпус. Теоретически туда принимали бесплатно, но на месте выяснилось, что нужно дать немалую взятку чиновнику, принимающему документы. Прощение составили сами, передали директору через канцелярию и стали дожидаться ответа. А ответа все не было.

Месяц отец с сыном, терпя жестокую нужду, пытались добиться приема у самого директора училища — Петра Андреевича Мелиссимо, каждый день являясь к училищу. Чтобы не умереть с голоду, даже милостыню на папертях иной раз просили. Тщетно: застать директора или попасть к нему на прием никак не удавалось.

Все решил случай: в один прекрасный день Мелиссимо выходил из дверей училища как раз тогда, когда возле них оказались Аракчевы. И мальчик кинулся ему в ноги с настоящим слезным воплем:

— Ваше превосходительство! Примите меня в кадеты.

Петр Иванович был человеком добрым, слезы подростка его окончательно растрогали, и дворянский сын Аракчев Алексей был принят в корпус на казенный счет личным распоряжением директора.

Из этого случая сам Аракчев на всю жизнь вынес урок: он никогда никого не заставлял ждать ответа на свое прошение больше суток. Если к нему обращались с какой-то просьбой или предложением, вопрос решался практически немедленно. Положительно или отрицательно — неважно, главным было то, что Алексей Андреевич считал абсолютно недопустимым заставлять ждать ответа: так врезался ему в память первый голодный месяц ожидания в Санкт-Петербурге.

Учеником Аракчев был прилежным, делал быстрые успехи в науке — особенно в математике — и очень скоро получил офицерское звание. Но в корпусе преподавали не только военные дисциплины, там учили иностран-

ным языком, танцам, фехтованию и верховой езде, то есть всему тому, что было необходимо светскому человеку. В этих «науках» Алексей Андреевич первым не был, но занимался ими с таким же упорством и тщательностью, как и всем остальным.

Мелиссимо был настолько доволен своим протеже, что рекомендовал его учителем по артиллерии и фортификации к сыновьям графа Николая Салтыкова, человека, имевшего большой вес при дворе Екатерины II, президента военной коллегии.

Но успехов в учебе было мало для того, чтобы сделать хорошую карьеру: требовались еще влиятельные

и компетентный артиллерийский офицер. Мелиссимо немедленно рекомендовал ему Аракчеева, причем рекомендовал с самой лучшей стороны — только бы отделаться.

Алексей Андреевич не подвел своего поручителя: в полной мере оправдал рекомендацию точным исполнением возлагавшихся на него поручений, неутомимой деятельностью, знанием военной дисциплины и строгим следованием установленному порядку не только своих подчиненных, но, в первую очередь, самого себя. Ибо Аракчеев был идеалистом, но не в том понимании, в котором обычно воспринимают это слово. Офицер до

Когда начинаешь изучать жизнь Аракчеева не по каноническим источникам, возникает совершенно другой образ, который не имеет ничего общего с хлесткой пушкинской эпиграммой

родственники или покровители, то есть связи, которых у Аракчеева не было. Он попробовал позаботиться о себе сам и подал прошение принять его на вакантную должность адъютанта Мелиссимо. Но рафинированный и утонченный директор корпуса не пожелал иметь адъютантом неказистого провинциала. Тогда Аракчеев обратился за помощью к Салтыкову.

Отказать президенту военной коллегии Мелиссимо не мог, но решил при первой же возможности избавиться от навязанного ему адъютанта. И случай не заставил себя ждать: великому князю Павлу, наследнику престола, понадобился расторопный

мозга костей, он, не доверяя людям, слепо верил в идеи и полагал, что на языке устава и четких инструкций можно объяснить все, даже то, как жить.

То, что так раздражало вольнолюбивых интеллектуалов, пришлось по душе великому князю Павлу, также воспринимавшему жизнь сквозь призму армейского устава. Из своей постоянной резиденции — Гатчино — он сделал российскую империю в миниатюре: там было свое сельское хозяйство, своя промышленность, своя администрация, своя армия. Причем армия новая, прогрессивная.

Аракчеев оказался идеальной кандидатурой для воплощения в жизнь

Фамильный герб А.А. Аракчеева

простота казармы, вместо праздности — муштра, вместо развлечений — железная дисциплина.

Армейские офицеры по двенадцать часов в день учили солдат строю и прочим военным премудростям. Даже офицеры свиты его императорского величества — элита армии — теперь являлись в Зимний дворец к семи утра и сидели за бумагами до семи вечера. Причем выходить из помещения не разрешалось даже тогда, когда никакого дела у них не было.

Уйти было невозможно еще и потому, что Аракчеев, спрашивавший с себя так же строго, как с других, с утра

Аракчеев никогда никого не заставлял ждать ответа на свое прошение больше суток. Любой вопрос решался практически немедленно. Положительно или отрицательно — неважно, главное то, Алексей Андреевич считал абсолютно недопустимым заставлять ждать ответа

идей наследника и вскоре был назначен комендантом Гатчины — постоянной резиденции Великого князя, а затем — начальником всех сухопутных войск наследника. Не велик чин, но...

Но 6 ноября 1796 года умерла Екатерина II, и гатчинские порядки распространились на всю территорию империи, к величайшему неудовольствию большинства ее подданных. Двор привык к роскоши и праздности, армия — к вольному образу жизни, обыватели подражали и двору, и армии. И вдруг в один момент все переменялось: вместо роскоши —

до вечера находился на службе и мог в любой момент появиться в любом помещении. К лентяям он был беспощаден, причем наказывал не столько физически, сколько морально. Тычки и оплеухи подчиненным раздавали все начальники, дело обыденное, но Алексей Андреевич умел внушать страх, не прибегая к рукоприкладству. Он наказывал провинившегося унижением..

Павел основательно подготовился к реформам, составив огромное количество законов и инструкций. Дело оставалось лишь за жесткими и хваткими исполнителями, способными сделать так, чтобы страна этим ин-

струкциям подчинилась. Кандидатура Аракчеева оказалась идеальной, и по воцелествии на престол Павел сделал полковника Аракчеева комендантом Санкт-Петербурга, а на следующий день пожаловал ему звание генерал-майора, майора Преображенского полка (где по традиции сам император был полковником) и орден Святой Анны Первой степени.

Год спустя Алексей Андреевич получил баронский титул и орден Святого Александра Невского. Кроме того, государь, зная скудность личных средств барона Аракчеева, пожаловал ему две тысячи крестьян с предоставлением выбора губернии. Аракчеев выбрал село Грузино в Новгородской губернии и тем самым сделал его исторической достопримечательностью.

Увы, став майором Преображенского полка, Аракчеев столкнулся с совершенно непонятным ему явлением: отсутствием субординации. Преображенский полк, ведший свою историю с потешного полка Петра Первого, чтит свое уникальное положение, традиции и совершенно не воспринимал аракчеевскую манеру командования. Вспыхнул конфликт, в котором Павел принял сторону преображенцев, не желая слишком уж раздражать общественное мнение. Он отправил своего любимца в деревню — «для поправки здоровья». Фактически это было лишь маневром, император, давший Алексею Андреевичу чин генерал-лейтенанта, в любой момент мог призвать Аракчеева обратно на службу.

Что он и сделал полгода спустя. В декабре 1798 года Аракчеев был назначен генерал-квартирмейстером, а в январе следующего года — коман-

диром гвардии артиллерийского батальона и инспектором всей артиллерии, а также пожалован командором ордена Святого Иоанна Иерусалимского (новая причуда императора Павла, в которой Аракчеев ровно ничего не понимал). В мае Алексей Андреевич стал графом Российской империи «за отличное усердие и труды на пользу службы».

Но император становился все менее предсказуемым и все более противоречивым, а Аракчеев не зря выбрал для своего герба девиз «Без лести предан». Восхищаться тем, чего он откровенно не одобрял, например, увлечением Павла мальтийским рыцарством и желанием передать престол племяннику своей супруги в обход законных наследников, свежеиспеченный граф не стал. И закономерно вышел из фавора: в октябре 1799 года последовал приказ удалиться в Грузино. Больше Аракчеев с Павлом не виделись.

Оказавшись не у дел в своем имении, Аракчеев весь свой темперамент преобразователя направил на превращение своих владений в идеал — для него самого. Он перестроил село Грузино и двадцать девять прилегающих к нему деревень на основании собственноручно составленного генерального плана. На геометрически спланированных абсолютно прямых улицах на равном расстоянии друг от друга были построены совершенно одинаковые дома. И никаких сараев, навесов и прочих «архитектурных излишеств», столь обычных для русской деревни. Зато была построена специальная вышка, с которой Аракчеев, вооружившись сильной подзорной трубой, мог сле-

дить за своими «вассалами». К дальним же деревням были проложены прекрасные дороги, по которым возки с проверяющими добирались чуть ли не мгновенно.

Аракчеев вообще много строил: церкви, богоугодные заведения, парки, каменные дома для крестьян, в которых те... решительно отказывались жить. «Лучше сразу в острог» — обычная мотивировка, острог ведь тоже кирпичный. А за отказ полагалась, как водится, порка.

Граф вмешивался и в матримониальные дела. Причем опять же ничего принципиально нового тут не было: все крепостные российской империи обязаны были испрашивать у барина разрешение на вступление в брак. Но Аракчеев повелел составить списки потенциальных женихов, которых лично экзаменовал на

представить ропот подневольных селян!

Между тем, роптать им, вроде бы, было не на что. Аракчеев создал в Грузино специальный банк для оказания помощи нуждающимся и, главное, из собственных средств заплатил государству причитавшиеся с крестьян налоги на многие годы вперед. Поскольку был искренне и непоколебимо убежден в том, что доходы, получаемые с крестьянских хозяйств, рачительный помещик должен тратить не на себя, а на улучшение жизни своих крепостных. В его имении была бесплатная лечебница, все дети получали начальное образование в специально созданных школах...

Идиллия? Это как посмотреть. От Аракчеева сбегало крепостных не меньше, если не больше, чем от других помещиков. И банковские ссуды,

К лентяям Аракчеев был беспощаден, причем наказывал не столько физически, сколько морально. Тычки и оплеухи подчиненным раздавали все начальники, дело обиденное, но Алексей Андреевич умел внушать страх, не прибегая к привычным наказаниям, то есть рукоприкладству. Он наказывал провинившегося унижением

предмет знания молитв и общего благонравия. Он пекся не только о нравственном облике своих крестьян, а также поощрял браки между молодыми людьми с разным материальным достатком. Зачем? А затем, чтобы достаток всех крестьянских семей был одинаковым, чтобы не было ни богатых, ни бедных. Можно себе

и медицинская помощь казались крестьянам каким-то изощренным непонятным обманом, они привыкли к тому, что погорельцам, например, традиционно оказывает помощь «общество», «всем миром». А тут каждый мог написать прошение и получить помощь. Аракчеев замахнулся на «святое» — крестьянскую общину — за

сто с лишним лет до того, как это сделал Столыпин. Немудрено, что его не поняли.

К тому же, новые условия жизни вводились традиционными способами: надзор, розги и прочие наказания. Плюс вмешательство в сугубо личные дела крестьян.

Аракчеев же искренне недоумевал, отчего его крепостные недовольны. С экономической точки зрения, его хозяйство было более чем рентабельным: за двадцать лет доходы с одного крестьянского двора увеличились в пять раз, причем тратились на строительство новых домов для крестьян, школ, дорог и лечебниц. Младенцы умирали в разы реже, чем в среднем по России, роженицы получали медицинскую помощь, неурожай и стихийные бедствия никак не отражались на уровне жизни крестьян. Формально аракчеевские крепостные были самыми счастливыми и благополучными людьми в России того времени. Фактически — самыми несчастными: менталитет просветителя-педанта был категорически непонятен людям, живущим вековыми традициями крестьянского общества.

Пока Аракчеев занимался крестьянским вопросом, в Санкт-Петербурге решались совсем другие проблемы — коронные. Ненависть высшего общества к императору Павлу пришла к логической развязке: убийству «тирана». И вторая ссылка Аракчеева обернулась для него благом: он оказался в стороне от этого исторического события.

Когда Александр I вззошел на трон, он приблизил к себе старого знако-

мого и верного слугу отца. В мае 1803 года Аракчеев был принят на службу с назначением на прежнее место — инспектора всей артиллерии и командира лейб-гвардии артиллерийского батальона. В этом чине и звании он, кстати, находился в 1805 году при государе в Аустерлицком сражении, о чем и современники, и историки предпочитают умалчивать. Участие Аракчеева непосредственно в военных действиях так плохо сочеталось с навязанным ему образом «тупого канцеляриста», что об этом предпочли «забыть».

Зато страшно возмущались тем, что «не нюхавший пороху» Аракчеев в 1808 году был назначен военным министром. За какие такие заслуги перед царем и Отечеством эта «обезьяна в мундире» заняла столь высокий пост? — вопрошали друг друга завсегда и великосветских салонов. За что произведен в генералы от артиллерии, назначен генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии с подчинением ему комиссариатского и провиантского департаментов? Молодой государь, должно быть, совершенно не разбирается в людях...

Молодой государь в людях разбирался. На посту военного министра Аракчеев издал новые правила и положения по разным частям военной администрации, упростил и сократил переписку, учредил запасные рекрутские депо и учебные батальоны; артиллерии была дана новая организация, приняты меры к повышению уровня специального образования офицеров, упорядочена и улучшена материальная часть. Положительные последствия этих улучшений не замедлили обнаружиться во время Отечественной войны 1812 года.

Еще один штришок к портрету Аракчеева, о котором тоже — вот удивительная последовательность историков! — практически никто и никогда не писал. Удостоившись пожалования портрета государя, украшенного бриллиантами, Алексей Андреевич бриллианты возвратил, а самый портрет оставил. Когда же император Александр Павлович пожаловал мать Аракчеева статс-дамою, Алексей Андреевич отказался и от

этой милости. Государь с неудовольствием сказал:

— Ты ничего не хочешь от меня принять!

— Я доволен благоволением Вашего Императорского Величества, — отвечал Аракчеев, — но умоляю не жаловать родительницу мою статс-дамою; она всю жизнь свою провела в деревне; если явится сюда, то обратит на себя насмешки придворных дам, а для уединенной жизни не имеет надобности в этом украшении.

Без чувств, без чести...? Ну-ну...

Правда, к концу прошлого века отечественные историки «сменили гнев на милость» и стали по другому оценивать деятельность Аракчеева. Например, то, что в годы русско-шведской войны (1808–1809 гг.) Аракчеев прекрасно организовал снабжение войск, обеспечивал пополнением и артиллерией. Своим личным участием и организацией боевых действий он побудил шведов начать мирные переговоры. Победы русской армии 1812–1813 гг. не были бы столь блистательны, если бы в руководстве военного ведомства, тылового снабжения и обеспечения не было Аракчеева. Именно хорошая подготовка армии к боевым действиям еще до 1812 года способствовала успешному разгрому противника.

В январе 1810 года Аракчеев оставил пост военного министра и был назначен председателем департамента военных дел во вновь учрежденном тогда Государственном совете, с правом присутствовать в комитете министров и Сенате. Что, естественно, вызвало очередной всплеск ненависти к нему в высшем свете.

А в июне 1812 года снова был призван к управлению военными делами.

В дни вторжения Наполеона Александр находился в Вильно и хотел возглавить армию. Задачу его удаления из войск решил Аракчеев, убедив Александра, что государь нужен России, а не только армии. Второй раз Аракчеев использовал свое влияние на царя в назначении главнокомандующим Кутузова, к которому Александр после аустерлицкого поражения испытывал стойкую неприязнь.

Весь «отечественный» период войны император был в полном бездействии. Все это время Аракчеев фактически управлял страной. Вся прави-

вых ролей, но оставался руководителем собственной Е.И.В. канцелярии. Александр же назначил себя главнокомандующим и выполнил задачу окончательного изгнания Наполеона из Европы вполне успешно.

31 марта 1814 года русская армия вошла в Париж. Александр хотел присвоить Аракчееву высшее звание фельдмаршала, но он отклонил эту честь, как отказался ранее от пожалованного ему в ордена Святого Владимира и ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Полное отсутствие честолюбивого стремления к орденам и наградам — вот еще одна черта Алексея Андреевича, остав-

Аракчееву было около тридцати лет, а наследнику престола Александру — около двадцати. Никому не доверявший Павел поручил Аракчееву надзор за великим князем, и Алексей Андреевич сумел так поставить себя по отношению к наследнику, что стал ему близок и необходим

тельная почта проходила через него. Но главным объектом его забот было образование резервов и снабжение армии продовольствием. Аракчеев с блеском проявил свои способности требовательного, жесткого руководителя тыла. Армия получала вполне достаточно и вооружения, и фуража, и продовольствия, и одежды.

В начале декабря, когда исход войны был ясен, Александр со свитой, включая Аракчеева, выехал в Вильно. Император стремился к активности после долгого бездействия в трудные дни. Аракчеев был отстранен от пер-

шаяся совершенно незамеченной его современниками.

И, наконец, о порядочности Аракчеева свидетельствуют чистые подписанные бланки указов Александра I, которые оставлял царь Аракчееву, часто уезжая из столицы. Временщик мог использовать эти чистые бланки в своих целях для расправы с неугодными, ибо врагов у него было предостаточно. Но ни один из бланков не был использован Аракчеевым.

Без чувств, без чести?..

После установления мира довели императора к Аракчееву возрос-

Настасья Минкина — единственная любовь Алексея Андреевича

Алексей Андреевич вообще любил образованных и ученых людей, хотя никогда этого открыто не высказывал. Именно через него Карамзин передал Александру свою «Историю Государства Российского». Карамзин писал жене, что Аракчеев произвел на него неплохое впечатление своей любезностью, острым умом, скромностью. «Если бы я был моложе, то стал бы вашим учеником», — тонко и метко показал Аракчеев свое отношение к выдающемуся писателю и историку, о чем мало кому известно. Так что выходу в свет знаменитой «Истории Государства Российского» мы всецело обязаны Аракчееву, показавшему свое преклонение перед талантом автора.

Без ума, без чувств?..

Аракчеев вообще много строил: церкви, богоугодные заведения, парки, каменные дома для крестьян, в которых те... решительно отказывались жить

ло до того, что на него было возложено исполнение высочайших предначертаний не только по вопросам военным, но и в делах гражданского управления.

Без Аракчеева и знаменитый Лицей был бы другим. Директором его был назначен Егор Антонович Энгельгард, глава Педагогического института. Он был широко образованным и начитанным человеком с большим педагогическим опытом. Нашел и назначил его лично Аракчеев.

А теперь — о том, чем больше всего попрекали Аракчеева современники и потомки, и в чем он (как всегда!) был не так уж и виноват. О военных поселениях.

Эта мысль пришла в голову императору Александру Павловичу еще в 1810 году. Причины были очень серьезные — трудности в содержании огромной армии. Александр видел решение проблемы не в развитии экономики, не в повышении грамотности народа, а в военных поселени-

ях. Частые поездки в Европу поразили его чистотой и благоустроенностью тамошних городов и сел. Только одно место в России вспоминалось ему тогда — аракчеевское Грузино.

Александр обсуждал эту идею с военными. У некоторых, даже Баграциона, нашел поддержку. Решительно возражал Барклай-де-Толли. Только свободный крестьянин может эффективно работать на своей земле — его идея. Только грамотный, хорошо обученный солдат может быть хорошим воином. Он писал об этом царю, но впустую.

Показательно, что Аракчеев первоначально не поддерживал идею военных поселений. Но когда решение императором было принято, он твердо, даже жестоко проводил его

Восстания карались жесточайше. Только в 1819 году 275 человек были приговорены к смерти, «милостиво» замененной наказанием шпицрутенами. Александр благодарил Аракчеева за распорядительность. Военные поселенцы — проклинали.

Тем временем, внешняя сторона поселений была доведена до образцового порядка; до государя доходили лишь самые преувеличенные слухи об их благосостоянии, и многие даже из высокопоставленных лиц, не понимая дела или из страха перед немилостью императора, превозносили новое учреждение до небес — на словах. Не остался в стороне и Пушкин, который не разобравшись в сути происходящего, заклеил Аракчеева очередной хлесткой эпиграммой:

Алексей Андреевич вообще любил образованных и ученых людей. Именно через него Карамзин передал Александру свою «Историю Государства Российского», так что выходу ее в свет мы всецело обязаны Аракчееву

в жизнь. Дисциплина ему была так же присуща, как и требовательность.

Практическая работа началась в 1816 году. Дотошный Аракчеев просматривал все документы, следил за передвижением каждого полка. А полки, то есть деревни, перебрасывались из одной губернии в другую, точно это были не живые люди (с женами, детьми, домашним скарбом), а склады амуниции. Этот бесчеловечный эксперимент продолжался 50 лет.

«В столице он капрал,
в Чугуеве — Нерон.
Кинжала Зандова везде
достоин он».

На самом деле, военные поселения были лишь попыткой Александра I создать в России класс, опираясь на который царь мог бы осуществить либеральные реформы. Аракчеев был идеальным исполнителем воли государя, хотя сам подобную идею не одобрял. Честный солдат просто строго выполнял свой служебный долг.

Солдат-хлебопашец был обязан иметь жену, служить государю и не употреблять спиртных напитков. В своем доме он должен был соблюдать чистоту и порядок. Жизнь поселенцев состояла из муштры и сельскохозяйственных работ. При этом они получали от казны небольшое жалование и не платили налогов, государство обеспечивало их орудиями труда и скотом. Дети военных с шести лет начинали учиться в специальных

вания военные поселения сэкономили казне почти пятьдесят миллионов рублей — сумма по тем временам колоссальная — они были упразднены «под давлением общественности» за несколько лет до отмены крепостного права в России.

Личная жизнь Аракчеева также служила объектом недоброго внимания. Еще при императоре Павле, в годы второй опалы, Алексей Андреевич в первый и последний раз в жизни ку-

Аракчеев не принял участие в подавлении восстания декабристов, за что и был отправлен в отставку новым императором. Время его бесповоротно закончилось, а здоровье, подорванное войной, окончательно ослабло. Скончался он накануне Пасхи, не спуская глаз с портрета любимого Александра

учебных заведениях, поселенцы получали страховку в случае пожара или неурожая, а также бесплатную медицинскую помощь.

Но... все это разрушало веками сложившиеся традиции крестьянского быта. Не пить, соблюдать какой-то регламент... при этом не радовали ни собственный дом, ни обеспеченная старость, ни получавшие образование дети, ни резко сократившаяся смертность рожениц и младенцев. Во всем поселенцы видели обман и подвох и естественно, бунтовали. Александр через Аракчеева попытался превратить русскую деревню в образцовое европейское хозяйство — затея, заведомо обреченная на провал. Хотя за годы своего существо-

пил крепостную — некую Настасью Минкину, которая и стала единственной любовью Аракчеева. Он сделал ее любовницей и домоправительницей, даже представил государю-императору Александру Павловичу, когда тот изволил посетить Грузино. Безусловно, красавица, но властная и деспотичная, Настасья вертела графом, как хотела, а с дворовыми обращалась более чем жестоко.

Между тем, Аракчеев был и официально женат. В 1806 году он обвенчался с Натальей Хомутовой, небогатой дворянкой, моложе его на пятнадцать лет. Но через год после свадьбы Наталья Федоровна вернулась к родителям: по-видимому, имело место традиционное «несходство

характеров». Об этой странице в жизни Аракчеева мало что известно.

В роковой для России 1825 год Аракчеев пережил большое потрясение. Настасью Минкину, его фактическую жену, зарезала ее горничная с помощью брата, повара. Десятки слуг, якобы знавших о намерении, были наказаны кнутом и сосланы в Сибирь, а сама горничная с братом — забиты до смерти.

Окончательно же подкосила его внезапная смерть в том же году Александра I.

Аракчеев не принял участие в подавлении восстания декабристов, за что и был отправлен в отставку новым императором. Время Аракчеева бесповоротно закончилось, хотя за ним и было сохранено звание члена Государственного совета. Здоровье его, подорванное войной, слабело.

За год до смерти он внес в Государственный заемный банк 50 000 рублей ассигнациями с тем, чтобы эта сумма оставалась в банке девятью года неприкосновенною со всеми процентами и стала наградю тому, кто напишет к 1925 году (на русском языке) лучшую историю царствования Александра I.

Последним делом Аракчеева на пользу общую было пожертвование им 300 000 рублей для воспитания из процентов этого капитала в Новгородском кадетском корпусе бедных дворян Новгородской и Тверской губерний.

Николай I, узнав о болезненном состоянии Аракчеева, прислал к нему в Грузино своего лейб-медика, но тот не мог ему уже помочь, и накануне

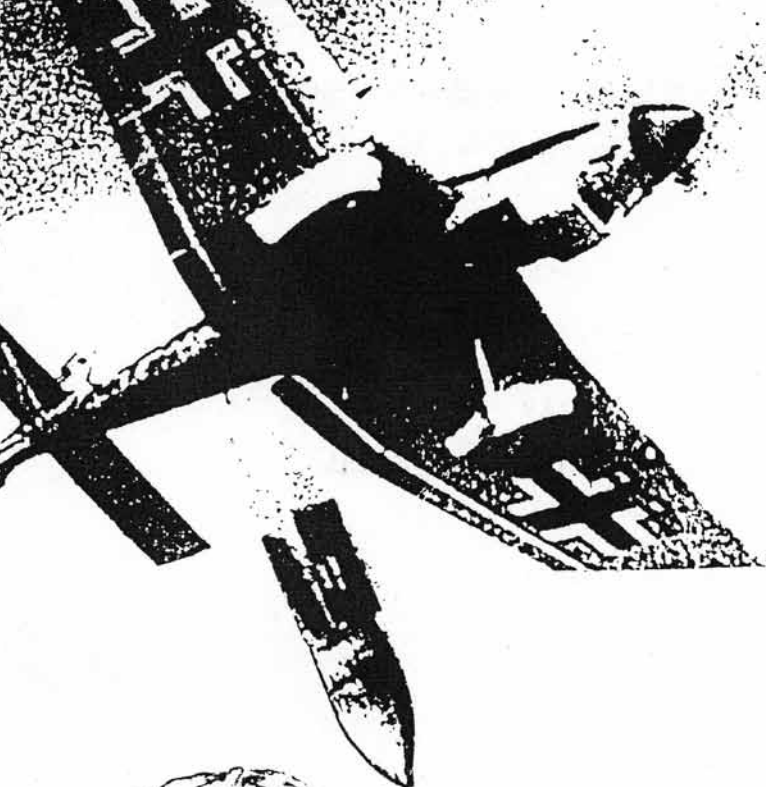
Пасхи 1834 года Аракчеев скончался, не спуская глаз с портрета Александра.

Прах его покоится в храме села Грузина.

Что произошло с наследством — неизвестно, ибо после 1917 года все банки были национализированы и — ликвидированы. Заслуги его забыты, биография — искажена до неузнаваемости, роль в истории России сведена к минимуму.

«Просто фрунтовой солдат...» — так из уважения к памяти... Пушкина переделали его эпиграмму благодарные потомки.

Аракчеев не писал стихов, не стрелялся на дуэлях и не бывал на балах в высшем свете. Он просто служил царю и Отечеству. □

Алевтина
Елистратова

ОСМЕЯННАЯ БОМБА

Памяти моих родителей —
участников ВОВ посвящается

Фронт приближался, но людям не верилось: вдруг обойдется, пройдет стороной...

Был полдень. Теплая дрема струилась, обволакивая все вокруг: и деревья, и дом, где я, девчушка, уже хлебнувшая войны, с трудом приходила в себя, не веря, что вернулась в родную семью.

По пустынной улочке, задумавшись, брел какой-то паренек. Вот он уже с нашим домом поровнялся, как неожиданно раздался звук мотора, вслед за которым появился и сам вражеский самолет ... Паренек вздернул голову и увидел: от брюха самолетного отлипла бомба и несется прямо на него...

Рванул он нашу дверь, влетел в сенцы с воплем:

— Бомба!

И тут разом оглушило все — грохот, крики, дребезг...

Рвануло где-то совсем близко, а у нас больше всех пострадала моя бабушка, сбитая с ног вместе с горячей керосинкой и кипящей большой-цей кастрюлей борща. Да и пареньку досталось.

Как только отец узнал о взрыве, примчался прямо с дежурства — как был, в портупее и с планшетом.

— Все живы? — взволнованно спросил он.

— Бабушка очень плоха, — ответила мама.

Они вместе осмотрели «поле битвы», затем позвали меня, решив сначала сказать, а потом уже показать... Говорили спокойнее, чем всегда. Пропустили вперед, в полупустую комнату, где на грубом темном столе лежала моя единственная любимая кукла, в которую попали два осколка. Я издала какой-то непонятный звук, и родители подумали, что я плачу.

Но когда поняли, что это неподдельный детский смех, папа сильно встревожился и стал что-то показывать маме знаками, чтобы я не услышала. А мама вслух возразила:

— Да нет, она ведь еще ребенок.

Эти слова прозвучали отчетливо и застряли в памяти, хотя смысл их прояснился не скоро.

Папа заблуждался на мой счет, и хорошо, что мама его успокоила. Но и она ошибалась, думая, что дитя по малолетству не в состоянии осознать опасность.

А мне уже было полных четыре с половиной, и за плечами был бомбежный предблокадный Ленинград. Сначала нас вывезли на дачу, с яслями и детсадом — подальше от линии фронта. Уезжая, родные решили, что там безопаснее: все-таки какой-никакой, а тыл. Но кольцо блокады постепенно сжималось, и пришлось под обстрелом отступить — снова в город.

И вот, наконец-то, все вместе, и вдруг... Ну что ж, авось, не привыкать...

...Я приблизилась к столу, не испытывая никакой боязни, потрогала осколки — не холодят, поблескивают на разломе.

Зачем-то в кулачках зажала их и так стояла.

Папа разжал мои ладошки и выбросил эти осколки.

И как это взрослые не поняли, почему я смеялась? А выходило, что целились не в папу с мамой, не в дедушку с бабушкой и даже не в меня с братишками, а в мою куклу. Ради этого и прилетали. И попали! Но война ведь вовсе не игрушечная, она человеческая, настоящая. А бомбят (ну что бы вы думали?) — игрушку. Смех, да и только!

Родители молча стояли за моей спиной, а потом папа сказал:

— Игрушка испорчена, надо выбросить.

— Не надо, — ответила я, — лечить ее буду.

А про себя подумала: «Не всякому доводилось играть в такой госпиталь, где не понарошку, а по-настоящему раненные, где все смешалось: игрушечное и всамделишное».

Но лечить не пришлось. Больше я своего растерзанного пупсика не видела. И больше в куклы не играла — никогда. Даже в ту, что смастерил потом, зимой, братишка, который был на полтора года старше меня.

Он заглянул мне в глаза и сказал:

— Все девочки играют в куклы. Только у тебя — нет.

И пусть война, и папа там, на фронте, а мы остались втроем... С такой несправедливостью братишка все равно никак не мог смириться. Долго бился тайком, все куклу мастерил. Даже укололся толстой иглой, но велел никому не говорить. Наконец кукла была почти готова. Получалось что-то истощенное, вроде меня. Но он не отступал, доделывал ее. А когда подарил, то все спрашивал:

— Тебе не нравится?

Я отвечала:

— Нравится.

Но в руки ее так и не взяла... □

*Фото Алевтины
Елистратовой
с братом,
сделанное перед
войной, с той
самой куклой...*

Татьяна Кулик

Н

неотправленное ПИСЬМО

В предпраздничный день Победы, извлекая из почтового ящика многочисленную корреспонденцию, я обратила внимание на небольшое письмо-треугольник. Вскрыла конверт и от неожиданности... застыла. Прочитала раз, другой, перечитала еще. А там всего-то и читать...

Президент России поздравлял майора запаса Кулика Ивана Васильевича с праздником Победы, благодарил... желал долгих лет жизни...

Глаза мгновенно наполнились слезами.
Я прошла в папин кабинет и села в его кресло.

Строчки плясали перед глазами, руки дрожали. Понимала, что произошла ошибка — вот уже десять лет, как папы нет рядом, но... Спасибо тебе, неизвестный или неизвестная, за «подарок-ошибку» ко дню Победы!

И мне вдруг захотелось написать письмо отцу...

«Здравствуй, папочка! За окном распустился посаженный тобою каштан, и то, что тебя нет рядом, ничего не значит, ты всегда со мной. Ты — мой ангел-хранитель, путеводная звезда и компас, сверяясь с которым, иногда становится стыдно за некоторые свои поступки, ибо ты учил всегда поступать по совести. А это иногда бывает так трудно, папа! Мне все чаще и чаще хочется уткнуться в твоё широкое плечо и, крепко прижавшись к тебе, слушать рассказы о войне.

— За Родину, за Сталина!.. — срывая голос, кричал командир батареи Иван Кулик, пытаясь перекрыть грохот боя, и резко взмахивал рукой. Батарея изрыгала смертоносный огонь, загорелись два вражеских танка... заработали немецкие минометы. Падали осколки...

Когда ты рассказывал об этом эпизоде, я видела все как наяву. И вашу артиллерию, её называли «Прощай, Родина!», потому что боевые позиции были всегда на много впереди линии обороны, впереди пехоты, зарывшейся в землю. Никто не страховал вас, не поддерживал истребителей танков, вы были один на один с врагом в чистом поле и погибали, зная, что на помощь никто не придет...

— По пулемету прямой наводкой, прицел... два снаряда — огоны!

— Левее ноль — двадцать, прицел меньше два...

Я и сегодня помню твои команды на поле боя, помню, как ты, взволнованный, сидел за праздничным столом, рассказывал о сражении на Курской дуге, вблизи станции Прохоровка, где ты получил тяжелое ранение. Авиация противника, стая за стаей налетала на ваши позиции и сбрасывала бомбы. Святую в те минуты нашу русскую «мать — перемать» перекрывал лязг гусениц, рев моторов и скрежет металла. Разгоряченный и возбужденный, ты рассказывал так, что я воочию видела солдат в мокрых от пота, потемневших гимнастерках и, конечно, тебя, моего Героя!

Вспомнилась и командировка в Харьков, где я без труда нашла Театральный ресторан. Тот самый, в котором зимой сорок второго года ты, папа, был контужен.

С охапкой алых гвоздик, я робко приоткрыла дверь фешенебельного ресторана. Навстречу заторопился швейцар, облаченный в ливрею и фуражку.

— Здрасьте, здрасьте, проходите... — гостеприимно приветствовал он.

— Да я...

— Трэба столик заказать, чи шо у вас за мероприятие? — поглядывая на цветы, швейцар не мог понять, что мне надо.

Я оглядела роскошный прохладный вестибюль, сияющий позолотой на старинной лепнине, и мне стало неловко, захотелось извиниться и уйти. Но

тут я увидела ту самую широкую мраморную лестницу с покатыми капризно изогнутыми перилами, о которой ты мне рассказывал.

— Там, на втором этаже, моего папу во время войны контузило, он Харьков освобождал. Я вот хотела цветы положить, позволите?

— Да ты шо, дочка! Конечно, конечно... — засуетился швейцар.

— Спасибо...

Я вышла на солнечную многолюдную улицу и на широкий подоконник высокого ресторанный окна положила цветы. Спешащий народ с интересом поглядывал на меня. Одна бабуля в летней панамке, опоясанной красным, свисающим на морщинистый лоб бантиком, из-под которого выглядывало интеллигентное личико в очках, остановилась.

— На, деточка, возьми... — вытащила она из авоськи пару яблок и протянула мне. — Небось, поминаешь кого?

— Здесь мой папа воевал, но остался жив. А вот многие его товарищи, совсем молодые ребята, полегли тут навсегда.

— Надо обязательно помянуть... — строго велела старушка.

Из массивных дверей ресторана вышел толстый швейцар, с ним мужчина в строгом черном костюме, белоснежной рубашке и при бабочке.

— Здравствуйте, мне наш швейцар Иван Иванович сказал, что ваш отец здесь воевал... — пристально посмотрел на меня элегантный пожилой мужчина.

— Мой папа из этого ресторана выбивал немцев и был контужен, вот тут, на втором этаже. Я хотела посмотреть...

— Как вас зовут?

— Татьяна Ивановна.

— А меня — Александр Николаевич Тулбу, — представился он. — Пройдемте в ресторан. Мы вас приглашаем. Я главный администратор, проходите... — Я глянула на поникшую бабулю, и Александр Николаевич, перехватив мой взгляд, спросил: — Это ваша знакомая?

— Да.

— Так давайте пригласим и ее.

Поднимаясь по лестнице, я думала о том, как ты, папочка, тогда молодой лейтенантик, с автоматом через плечо взбегал по этой самой лестнице, по которой потом тебя снесли на носилках. И, может быть, именно вот здесь, возле этой самой колонны, сидели те самые пьяные немцы в расстегнутых серо-зеленых шинелях. Они стреляли в вас, молодых, неопытных курсантов в упор... И тут ты, папа, не растерялся, выхватил гранату и кинул в них... Тебя отбросило волной в сторону. Очнулся ты уже в госпитале.

— А у меня перед самой войной здесь свадьба была. Это ж надо, сколько лет прошло, а все, как прежде, ничего не изменилось, а ведь ресторан был разрушен... — шептала мне на ухо бабулька.

В сопровождении Александра Николаевича к нам подошел, волоча ногу, небольшого роста мужчина, директор ресторана, и, улыбаясь, представился:

— Скаромод Абрам Давыдович. — Усаживаясь на стул, он вытянул не гнущуюся в колене ногу. — А вы откуда будете?

— Из Краснодара.

— Значит, с Кубани? Так у нас Иван на Малой Земле сражался! Ну-ка, Александр Николаевич, зови его сюда!

Абрам Давыдович внимательно слушал, а я рассказывала о том, как вы, папа, на рассвете прорвались в Харьков. Увидев своих, украинские женщины кричали:

— Хлопчики... хлопчики, скорийше бежите к театральному ресторану, там собрались все фашистские главари! Бейте их, сынки, бейте проклятых гадов!

Я посмотрела на руку Абрама Давыдовича, лежащую на белоснежной скатерти с отчетливым номером концентрационного лагеря. Да... тут все понятно. А по лестнице, сняв фуражку и вытирая потную лысину, уже спешил швейцар Иван Иванович.

— Дочка, ну, як же там Новоросийск поживает, а? Стоит ще? Ох, и гарны у вас там девчатки, особенно одна была, медсестричка... Павлиною звали. Жива ли? — грустно произнес он.

— А моего мужа на войну забрали почти сразу после свадьбы... Я всего-то два дня замужем побыла. Погиб мой Никиточка... А я всю войну шила варежки для наших солдатшек, а в них, в варежки, записочки клала с фамилией Никиточки и просила, мол, если кто услышит или узнает чего, ответьте, добрые люди... Получила несколько писем, два солдата оказались однофамильцами, а другие за варежки благодарили, подбадривали, мол, не грусти, верь, вернется твой Никиток! Я и сейчас жду и верю... — На бесцветные бабулькины глаза набежали слезы, и она поджала трясущиеся тонкие губы.

А молдаванин Александр Николаевич Тулбу уже рассказывал свою историю, как, будучи студентом Кишиневской консерватории, попал во фронтовую концертную бригаду и там без памяти влюбился в балерину, хрупкую, милую Варюшу из Харькова. Война, а у них такая любовь! Потом Варюшу ранило, ее отправили домой. Он каждый день писал ей письма, а фотографию Варюши носил у самого сердца.

После войны приехал к ней в Харьков, но девушка, так мечтавшая о большой сцене, уже с трудом передвигалась. Он настоял, чтобы они поженились. Потом Варя совсем слегла и пролежала почти двадцать лет. Все эти годы Александр Николаевич продолжал любить свою жену, пел ей романсы, преданно заботился. Теперь вот ухаживает за Варюшиной могилкой.

Подошло время обеда. Ресторан постепенно наполнялся людьми. Тепло попрощавшись, мы вышли на улицу. На подоконнике рядом с моими гвоздиками и бабушкиными яблоками на салфеточке лежала белоголовая ромовая баба, поодаль — горстка дешевых сосательных конфет и детский игрушечный синий автомобиль.

А сейчас, папочка, мне вспомнилась наша с тобой поездка в Москву на встречу с твоими однополчанами у фонтана возле Большого театра. Какая-то полная дама, обвешанная в три ряда орденами и медалями, все время тебя обнимала и называла уж больно ласково: «Ванечка, Ванюшенька, Ванек...» Для меня это было неожиданно, мой папа, и вдруг — Ванек, Ванюшка... А мама называла Иван-царевич...

Я даже начала ревновать тебя к этой Елене Алексеевне, которая в ресторане «Прага», после военных трехсот граммов, так врезала гопака, что небу стало жарко! Вот это женщина! Весь огромный зал ресторана смотрел, как она все поддавала и поддавала жару! Иностранные делегации щелкали фотоаппаратами, крутились с видеокамерами. Я стала переживать за нее, мало ли... А она ничего! На «бис» сделала еще пару кругов.

А ты шепнул мне на ухо, что Елена Алексеевна иной раз с поля боя на себе по три раненных солдата тащила. Спасла она и тебя. Конечно, ты для нее Ванька... После твоего рассказа моя ревность сразу куда-то улетучилась.

А вечером мы пошли в Театр Актера, где со сцены под гитару не очень хорошо, но, главное, с душой и слезой в голосе пел чубатый актер Петр Глебов, знаменитый Григорий Мелехов из «Тихого Дона». Читала стихи Симонова вечная Акулиничкина-Быстрицкая, а твой любимый актер Георгий Жженов говорил, что правда войны намного суровей представлений о ней...

Когда вышли из театра, небо уже покрылось звездной шалью, и начался салют. Повсюду Русь святая, православная, богатырская отдавала дань памяти своим сынам и дочерям! И среди них был ты, мой отец — гвардии майор в отставке Кулик Иван Васильевич.

До свидания, папочка. Я тебе еще напишу. Твоя дочь — Татьяна Кулик». □

МОЛИТВА

Говорят, что нет поэта Константина Симонова. Есть журналист, писатель, офицер, но поэта — нет. Есть стихи, в которые было влюблено целое поколение, есть талантливые строки, строки возвышенные, вселявшие надежду. Но поэта — не было. Потому что поэт — это ум, эмоции, воля, невозможность не писать. А поэт Константин Симонов — это любовь. Любовь к одной женщине. И когда закончилась любовь, не стало и поэта... Но было ли это так?

атеиста

Назначить поэтом!

Имя Симонова в умах людей его поколения неразрывно связано с войной. Именно она дала ему возможность развить свой талант, стать тем, кем он стал. На свою первую войну Кирилл Симонов, уже сменивший к тому времени настоящее имя на псевдоним, попал осенью 1939-го — в 24 года. Его

назначили поэтом «Героическая красноармейская» на Халхин-Голе. «Назначен поэтом» — сегодня эти слова звучат забавно, но для молодого еще Симонова не было ничего серьезнее.

Кстати, стоит сказать пару слов о псевдониме. Причина смены только лишь имени довольно проста: Кирилл не выговаривал буквы «р» и «л», поэтому выбрал имя, их не содержащее. Там

же, на Халхин-Голе, он по-настоящему почувствовал себя не только литератором, но и человеком военным. Отныне для него не было ничего ценнее долга военной дружбы, чести и храбрости.

На долю Симонова, родившегося в 1915 году, пришлось две войны, и это было бы невыносимо тяжело, если бы не семья, в которой он вырос. Отец его, Михаил Афангелович Симонов, был полковником Генерального штаба и пропал без вести в Гражданскую войну.

После этого мать, в девичестве княжна Александра Леонидовна Оболенская, переехала в Рязань, где вышла замуж за бывшего полковника царской армии А.Г. Иванишева. Именно он, по словам самого Симонова, и привил ему любовь к армии, повлиял на выбор жизненных принципов и привычек.

После Рязани был Саратов, где Симонов закончил восьмилетку, чтобы поступить в 1934 году в Литературный институт. На том же курсе учились Долматовский, Матусовский, Алигер...

В то время, которое в Европе называют «межвоенным двадцатилетием», Симонов пробовал себя в написании пьес, но сначала большого успеха они не имели. Однако пьеса «Парень из нашего города», написанная уже «повзрослевшим» Симоновым, надолго вошла в репертуар многих театров.

В первые же дни после нападения Германии на СССР Симонов отправился на Западный фронт, но так и не доехал до газеты, куда был назначен военным корреспондентом. А не доехал потому, что 13 июля попал под Могилев, где в эти дни держал оборону 388-й стрелковый полк, и оказался в самом

эпицентре войны. Это произвело на него такое неизгладимое впечатление, что именно над Могилевом он просил развеять свой прах после смерти.

«Я сам пожизненно к тебе себя приговорил»

В начале сороковых годов на сцене Театра имени Ленинского комсомола в спектакле «Зыковы» блистала молодая артистка Валентина Серова. Роль удавалась ей как нельзя лучше, но что-то мешало ей сосредоточиться на игре полностью. И вскоре она поняла, что именно: на каждом спектакле в первом ряду сидел молодой человек с букетом цветов, который внимательно следил за Валентиной.

Однажды, не выдержав, Валентина сама подошла к нему и сунула записку с номером своего телефона, шепнув: «Позвоните...»

Он позвонил. Так и познакомились популярная актриса Серова и молодой журналист, писатель и поэт Симонов.

Серова на момент их встречи уже была вдовой. Ее муж, «сталинский сокол», летчик Анатолий Серов, погиб на испытаниях нового самолета в 1939 году. У них был красивый роман: он мог вечером проводить жену в Ленинград, а потом сесть в самолет и утром с огромным букетом цветов встречать ее уже на Московском вокзале. Он мог всего на несколько минут прилететь к ней с учений в Москву, просто чтобы обнять. Но...он оставил ее, двадцати двух лет, в ожидании ребенка. Сын родился у Серовой уже после смерти мужа, в память о котором она назвала его Анатолием.

был лаконичен: «Константина Симонова». «Вот и я так думаю», — ответил Сталин. Спорить больше было не о чем, и Серова осталась с Симоновым...

Но брак, благословленный «отцом народов», так и не стал по-настоящему счастливым.

Вместе они ездили во Францию, где Симонов собирался уговорить Бунина вернуться в Союз. Ходили слухи, что именно Серова шепнула писателю: «Ни в коем случае не возвращайтесь!»

Их отношения все больше и больше портились. Симонов часто ездил в командировки, а Валентина в его отсутствие начинала грустить чисто русским способом — стала много пить. Сам Симонов видел это, но помочь жене

было не в его силах. Он писал ей: *«Люди прожили четырнадцать лет. Половину этого времени мы жили часто трудно, но приемлемо для человеческой жизни. Потом ты начала пить... Я постарел за эти годы на много лет и устал, кажется, на всю жизнь вперед...»*

Они разошлись, а дочь Машу стала воспитывать мать Серовой — артистка Клавдия Половикова. Обладая железным характером, она даже смогла лишиться родную дочь родителей прав...

Эту историю можно было бы считать законченной, если бы не то, как до конца жизни реагировал Симонов на любые упоминания о Серовой: он

*Валентина
Серова*

сердился или замыкался в себе. Незадолго до смерти, будучи в больнице, он попросил дочь Машу привезти ему архив Валентины, в том числе и его собственные письма к ней. На следующий день она привезла их. А когда через несколько дней вновь приехала к отцу, то не узнала его: он постарел, согнулся и с болью в глазах сказал ей: *«Прости меня, девочка, но то, что было у меня с твоей матерью, было самым большим счастьем в моей жизни... И самым большим горем...»* После этого он уничтожил все письма, так и не узнав, что за ночь Мария успела переписать лучшую часть этих прекрасных признаний в любви...

Теория малых дел

Симонов после войны занялся так называемой «теорией малых дел». Понимая, что «систему» ему не переломить, он старался делать то, что было в его силах. Благодаря Симонову читателю стали доступны Ильф и Петров, «Мастер и Маргарита», «По ком звонит колокол». Он вступился за Лилию Брик, которую хотели «вычеркнуть» из биографии Маяковского. Он «пробивал» спектакли в «Современнике» и «Театре на Таганке», помогал молодым режиссерам, отвечал на письма, ходатайства, просьбы, особенно фронтовиков. Его обвиняли в том, что он «продался» власти, что получает все полагающиеся знаки отличия — Ленинскую премию за трилогию «Живые и мертвые», звание Героя Социалистического Труда к шестидесятилетию. Но эта слава «советского писателя» не приносила ему радости. Он просто понимал, что, будучи на-

верху, может больше помочь тем, кто обращается к нему с просьбами.

После развода с Серовой он вскоре вновь женился — на вдове поэта Семёна Гудзенко — Ларисе Жадовой. В это же время покинул пост редактора «Нового мира» и в 1958 уехал в Ташкент собственным корреспондентом «Правды» по Средней Азии. Именно там, в удаленности и тишине, были написаны «Живые и мертвые». Многие считают этот роман лучшим его произведением о войне, считают, что герои Симонова во многом списаны с него самого. Но писатель, по его собственным словам, всегда только лишь стремился быть таким, как они, считая своих героев много лучше себя...

Константин Симонов умер в 1979 году, пережив свою любовь — Валентину Серову — всего на 4 года. Он не поехал на ее похороны, ограничившись лишь букетом из 58 роз — ей было всего 58 лет...

И после смерти писателя было словно два Симонова. Официально признанный, которого должны были похоронить на Новодевичьем кладбище, но так и не похоронили. И Симонов настоящий, завещавший развеять свой прах на поле под Могилевом, самом памятном месте его жизни. Прах развеяли, но более года об этом не было никаких упоминаний в печати.

На мемориальной доске возле рабочего кабинета Симонова на улице Черняховского написано: «Герой Социалистического Труда». На камне возле Буйнического поля: «Всю жизнь он помнил это поле боя и здесь завещал развеять свой прах...» □

ОДНОПОЛЧАНЕ

Как будто мы уже в походе,
Военным шагом, как и я,
По многим улицам проходят
Мои ближайшие друзья,
Не те, с которыми зубрили
За партой первые азы,
Не те, с которыми мы брили
Едва заметные усы.
Мы с ними не пивали чая,
Хлеб не делили пополам,
Они, меня не замечая,
Идут по собственным делам.
Но будет день — и по разверстке
В окоп мы рядом попадем,

Поделим хлеб и на завертку
Углы от писем оторвем.
Пустой консервную жестянку
Воды для друга зачерпнем
И запасной его портянкой
Большую ногу подвернем,
Под Кенигсбергом на рассвете
Мы будем ранены вдвоем,
Отбудем месяц в лазарете,
И выживем, и в бой пойдём.
Святая ярость наступленья,
Боев жестокая страда
Завяжут наше поколение
В железный узел, навсегда.

* * *

Мы не увидимся с тобой,
А женщина еще не знала,
Бродя по городу со мной,
Тебя живого вспоминала.
Но чем ей горе облегчить,
Когда солдатскою судьбою
Я сам назавтра, может быть,
Сравняюсь где-нибудь с тобою?
И будет женщине другой —
Все повторится сначала —

Вернувшийся товарищ мой,
Как я, весь вечер лгать устало.
Печальна участь нас, друзей,
Мы все поймем и не осудим
И все-таки о мертвом ей
Напоминать некстати будем.
Ее спасем не мы, а тот,
Кто руки на плечи положит,
Не зная мертвого, придет
И позабыть его поможет.

* * *

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что так другие не назвали,
Что в старый дом мой, сломанный
войной,
Ты снова гостьей явишься едва ли.
За то, что я желал тебе и зла,
За то, что редко ты меня жалела,
За то, что, просьб не ждя моих,
пришла
Ко мне в ту ночь, когда сама хотела.
Мне хочется назвать тебя женой
Не для того, чтоб всем сказать
об этом,
Не потому, что ты давно со мной,

По всем досужим сплетням
и приметам.
Твоей я не тщеславлюсь красотой,
Ни громким именем, что ты носила,
С меня довольно нежной, тайной, той,
Что в дом ко мне неслышно приходила.
Сравнятся в славе смертью имена,
И красота, как станция, минует,
И, постарев, владелица одна
Себя к своим портретам приревнует.
Мне хочется назвать тебя женой
За то, что бесконечны дни разлуки,
Что слишком многим, кто сейчас
со мной,

Должны закрыть глаза чужие руки.
За то, что ты правдивою была,
Любить мне не давала обещанья
И в первый раз, что любишь, —
солгала

В последний час солдатского прощанья.
Кем стала ты? Моей или чужой?
Отсюда сердцем мне не дотянуться...
Прости, что я зову тебя женой
По праву тех, кто может не вернуться.

* * *

Я не могу писать тебе стихов
Ни той, что ты была, ни той, что стала.
И, очевидно, этих горьких слов
Обоим нам давно уж не хватало.
За все добро — спасибо! Не считал
По мелочам, покуда были вместе,
Ни сколько взял его, ни сколько дал,
Хоть вряд ли задолжал тебе по чести.

А все то зло, что на меня, как груз,
Навалено твоей рукою было,
Оно мое! Я сам с ним разберусь,
Мне жизнь недаром шкуру им дубила.
Упреки поздно на ветер бросать,
Не бойся разговоров до рассвета.
Я просто разлюбил тебя. И это
Мне не дает стихов тебе писать.

* * *

Не той, что из сказок, не той,
что с пеленок,
Не той, что была по учебникам
пройдена,
А той, что пылала в глазах воспаленных,
А той, что рыдала, — запомнил я Родину.

И вижу ее, накануне победы,
Не каменной, бронзовой,
славой увенчанной,
А очи проплакавшей, идя сквозь беды,
Все снесшей, все вынесшей русскою
женщиной.

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.
Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке,
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,
Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой ее ты в детстве увидал.
Клочок земли, припавшей к трем
березам,

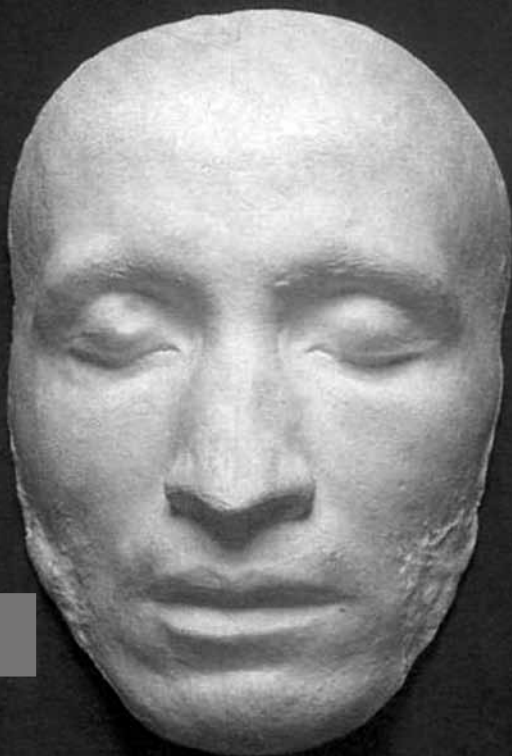
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.
Вот, где посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти,
мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей
земли.
Да, можно выжить в зной, в грозу,
в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать. □

Татьяна
Комарова

О ЧЕМ МОЛЧАТ МАСКИ?

На каталоге
этой коллекции
нет грифа
«секретно»,
но она считается
не экспози-
ционной.
Ее прячут
от посторонних
глаз, и, может
быть, правильно
делают...

... Деревянные ячейки застеклены и зашелкнуты на ключ. Миниатюрные склепы. Распахиваешь дверцу — и сразу веет холодным дыханием смерти и бессмертия. Эти маски запечатлели последние движения лиц гениев —

политиков, писателей, музыкантов, поэтов, актеров. К уникальному собранию посмертных масок, которое хранится в запасниках Государственной Третьяковской галереи, имеет доступ лишь узкий круг специалистов.

Вот крупные, чуть размытые черты трагически погибшего Чкалова. Печальное, почти живое лицо Горького. Последнее выражение лица Дзержинского кажется зловещим. А лицо Маяковского, на удивление, безмятежно-прекрасное — а ведь такая трагическая жизнь и смерть!

Выделяется своей массивностью маска — почти бюст — «отца народов» Сталина. Рядом — слепки его рук. Поражает то, что в сравнении с величественным лицом они выглядят маленькими, пухленькими, почти женственными.

А одна из самых неприятных масок, — для того, чтобы ее увидеть, приходится встать на стул, — из деревянного «склепа» смотрит изможденное лицо великого пианиста и педагога Игумнова. Наводит ужас то, что на его подбородке и голове — настоящая щетина. Я непроизвольно отдергиваю руку...

Трудно работать хранителем такой коллекции. Говорят, что, даже побывав здесь однажды, можно притянуть к себе несчастье. Но научный сотрудник Людмила Квашнина протерпела на этой должности немало лет.

— Сначала и мне было жутковато, — говорит Людмила Яковлевна. — Эту коллекцию передали в Третьяковку в 1953 году, после кончины скульптора Меркурова, автора большинства посмертных масок известных людей. Долгое время маски хранились в подвалах. Когда извлекали их оттуда, пришлось изрядно потру-

диться. Каждую маску скрывала еще одна — толстый слой пыли, пришлось чистить реликвии пылесосом...

А что же тогда должен был ощущать сам скульптор Сергей Меркуров, сделавший десятки слепков с мертвых лиц?

В своих воспоминаниях он описал свои впечатления от первой работы.

... 1909 год. Лунная морозная ночь. Скульптора привезли к подножию горы Арарат, в монастырь, где скончался знаменитый армянский католикос Мкртич Хримян. Монахи втолкнули Меркурова в комнату, где лежал покойник, и заперли двери.

Кровать широкая, до лица покойника добраться трудно. Преодолевая дрожь, Меркуров приподнял мертвое тело, с трудом усадил его. Было жутко и холодно. В открытые окна доносился заунывный волчий вой. От волнения он забыл проложить нитку для разрезания формы на два куска и залил гипсом всю голову. Пришлось разбивать застывший гипс прямо на голове — молотком.

Наконец маска была почти отодрана, вдруг покойник открыл глаза и укоризненно посмотрел на своего мучителя. Скульптор чуть не потерял сознание. Только потом сообразил, что гипс нагрелся, замерзшее лицо под ним оттаяло, и глаза открылись. От нервного шока у молодого скульптора отнялись ноги. Утром его, еле живого, вывели монахи...

А год спустя за Меркуровым пригнали со станции Остапово. Там, на небольшой железной кровати,

прикрытый серым одеялом, лежал Лев Николаевич Толстой. Меркуров, не раздумывая, согласился на эту работу, сочтя ее за особую честь.

Почему же именно Сергею Дмитриевичу Меркурову страна доверяла делать последние маски великих мира сего?

— Меркуров был при правительстве как бы придворный художник, — пояснил мне в свое время известный современный скульптор Юрий Орехов. — Известно, что у него были очень хорошие отношения и с Лениным, и со Сталиным. Он был народным художником СССР, лауреатом Государственных премий. Правда, с натуры сделать бюст Ленина ему так и не удалось — вождь был очень занят. Но именно меркуровская посмертная маска Ленина стала основой для многочисленных памятников и скульптур Владимира Ильича.

Посмертные маски — неприятная, но очень важная работа. Ведь скульптор оставляет потомкам не только документ, но и основу для творчества.

Эстафету от Сергея Меркурова приняли известные скульпторы Матвей Манизер, автор посмертной маски Сталина, Иулиан Рукавишников, делавший посмертные слепки с лиц современных политических деятелей. В его мастерской хранятся маски Леонида Брежнева, Михаила Суслова, Юрия Андропова.

Незадолго до его смерти мне довелось побеседовать с классиком советской скульптуры.

— Иулиан Митрофанович, ясно, что посмертные маски — это исторические реликвии, представляющие, в первую очередь, интерес для историков, писателей, художников. Но ходят, например, слухи, что существует маска Сергея Есенина, которая содержит в себе тайну смерти поэта. И даже такой слух, что человек, попытавшийся разгадать эту тайну, умер не своей смертью.

— Не слышал. Скорее всего, это выдумки.

— Но может ли в принципе посмертная маска помочь следователям и криминалистам?

— Думаю, что да. Ведь посмертная маска передает все движения мышц. По ней можно определить эмоциональное состояние, характер болезни умершего. Мне доводилось видеть маски, запечатлевшие душевные и физические муки, потрясение, опустошенность.

Посмертные маски могут быть и опасными свидетелями.

Профессор кафедры социальной медицины и геронтологии Московского государственного социального университета Евгений Черносвитов давно исследует эту проблему. В его квартире живут вторые копии посмертных масок Пушкина, Достоевского, Гоголя, Свердлова. И даже Петра Первого. Это одна из лучших частных коллекций.

Посмертные маски, по мнению Евгения Черносвитова, дают возможность заглянуть за порог смерти.

*Посмертная маска
Ф.М. Достоевского*

*Посмертная маска
А.М. Горького*

*Посмертная маска
В.П. Чкалова*

Вот, например, маска Александра Сергеевича Пушкина. Такая тяжелая рана, мучительная агония, и такое прекрасное, одухотворенное, спокойное лицо. Маска человека, который не сводил счеты с жизнью, а подошел к своему итогу удовлетворенным. Трудно найти более умиротворенное лицо.

— Допустим, — говорит Евгений Черносвитов, — что в короткий промежуток между клинической и биологической смертью человека, когда мышцы продолжают сокращаться, продолжается и духовно-психическая жизнь. Возможно, в этот короткий период человек и подводит итог своей жизни. Отсюда и последнее выражение лица.

Посмертная маска беспощадно срывает все предыдущие «жизнен-

ные маски». Смерть обнажает сущность человека.

Над ковром висит посмертная маска писателя Достоевского. Современники считали его человеком трудным, порочным. А в «последнем лице» его столько благородства, оно несет мощный заряд нравственной силы.

Работая с масками, Евгений Васильевич сделал одно открытие: посмертная маска абсолютно симметрична. Человек же, когда рождается, асимметричен, но умирает с симметричным лицом, истратив данную ему как бы свыше асимметрию. При этом один человек может «израсходовать» ее в сто лет, другой — всего в двадцать пять.

Решаюсь на эксперимент, протягиваю ученому две свои фотогра-

*Посмертная маска
И.В. Сталина*

*Посмертная маска
Ф.Э. Дзаржинского*

*Посмертная маска
В.И. Ленина*

фии, сделанные с разницей в десять лет. Не без внутреннего содрогания жду ответа, сколько же «шагреновой кожи» мне осталось.

Оказывается, проверить это очень просто и доступно каждому. Квадратное зеркальце ставится перпендикулярно сначала к одной половине лица, потом к другой. Принято считать, чем больше разница в этих ликах, тем больше способностей, талантов дано человеку, тем он сложнее и глубже, и тем дольше ему предстоит жить.

Однажды, обследуя своих друзей на асимметрию, Евгений Васильевич вдруг обнаружил, что у самого молодого из них лицо симметрично. Тот поначалу впал в состояние паники, а потом махнул рукой, дескать, все это ерунда. А через два

дня его убили у подъезда собственного дома.

По мнению некоторых ученых, просчитывая скорость утраты асимметрии, можно вывести формулу смерти для каждого. И никакой мистики в этом нет. □

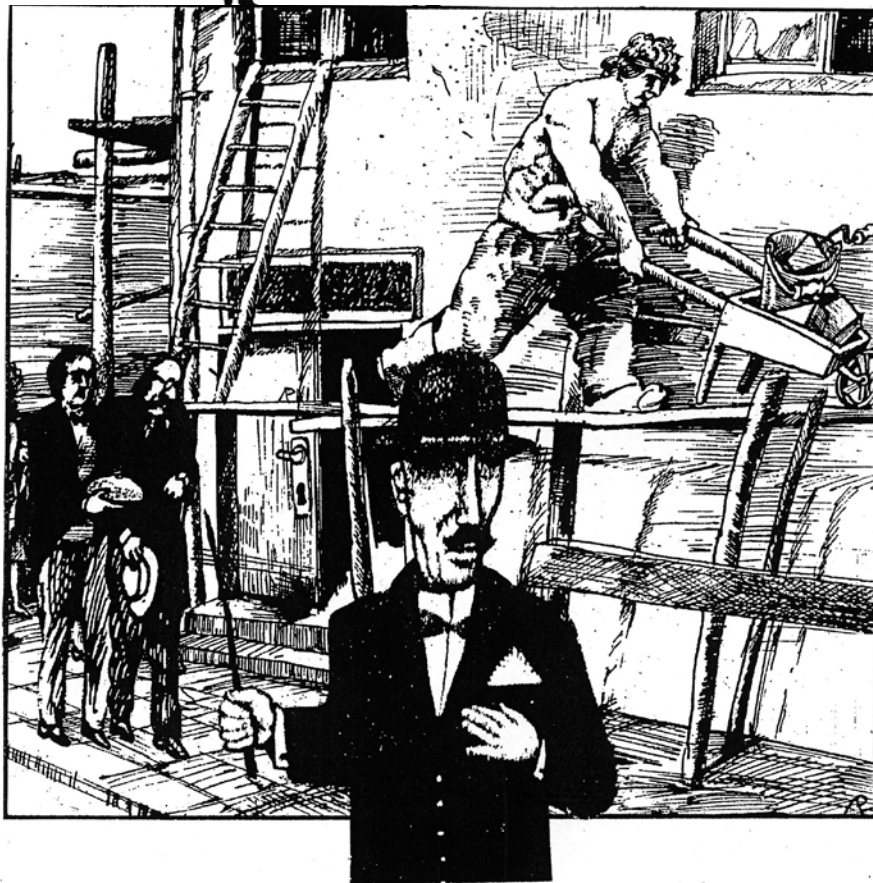
*Посмертная маска
Л.Н. Толстого*

Современному читателю имя Бориса Михайловича Левина (1898\99–1940) мало о чем говорит.

А в 1920-е годы он был одним из наиболее популярных юмористов, наряду с Зощенко, Ильфом и

Петровым, Пантелеймоном Романовым. Родился Левин в деревне Загородино под Витебском, но вскоре после революции переехал в Москву, где окончил географическое отделение университета. Его влекла

журналистика, и он стал литературным сотрудником газеты «Правда». Его рассказы и фельетоны печатались в различных газетах и журналах, а затем выходили небольшими книжками. Борис Левин считал,

что каждый человек должен проявлять себя в поступках и пошел добровольцем на финский фронт. В одном из первых боев погиб. Предлагаемый вашему вниманию рассказ был опубликован в 1930-м году.

Борис Левин

Два иностранца отстали от поезда. Они пили в буфете «дедушкин квас», а поезд тем временем ушел. Иностранцев сразу заметили — белые воротнички, выбритые лица, шляпы и желтые вычищенные ботинки уж очень резко бросались в глаза. Носильщик, он же сторож, кинулся к начальнику станции:

— Товарищ Голубко, два иностранца отстали от «скорого». Они ехали в Тифлис целой шайкой, а эти «Мазепы» отстали.

— Что ж ты их не предупредил? — строго спросил начальник. Он очень не любил всякие недоразумения.

— Проглядел, — признался сторож.

Хотя в его обязанности и не входило следить за тем, чтоб пассажиры не отставали от поезда, он начал оправдываться:

Гид

— Жарище, пылище, а тут еще у меня с утра башка трещит. Не усмотрел, виноват.

— Эх, досада какая! Ну, что же, пойдём, посмотрим.

Они вышли к иностранцам. Те весело улыбались, быстро говорили, показывая на свои часы, и что-то объясняли пальцами.

— Ваш поезд уже — ел! — крикнул начальник станции с таким надрывом, как будто иностранцы были глухие.

Они еще быстрее защелкали языками. Начальник станции каждую фразу выкрикивал по три раза и, наконец, совсем измученный и охрипший, попросил сторожа:

— Отведи их в город. Там они пошамают, и, может, кто-нибудь с ними по-ихнему полопочет. У меня больше нет никаких сил с ними разговаривать.

Носильщик отвел их в уисполком. Там он объяснил, как они пили «дедушкин квас», как ушел «скорый», как они замучили начальника станции своими разговорами.

— А следующий пойдет только в шесть часов вечера, повозитесь и вы с ними, — закончил он и удалился.

В уисполкоме сразу вспомнили про Подгорецкого. В городе всем было известно, что Подгорецкий разговаривает по-французски, по-английски и по-немецки. Когда он напивался, то обыкновенно разговаривал и ругался исключительно на европейских языках. Об этом знали все. Правда, Подгорецкий лишен избирательных прав, как бывший дворянин и помещик, но, черт с ним, пусть говорит с иностранцами.

Еще когда сторож привел иностранцев в уисполком, Подгорецкий их заметил и, тут же поняв ситуацию, со злорадством подумал: «Посмотрим, как они без меня обойдутся».

Сначала решил отказаться, так как он с самого начала Октябрьской революции был не в ладах с советской властью. Она о нем очень мало думала,

хотя знала, что на такой-то улице со своей женой-торговкой живет «тихой контрой» Сергей Сергеевич Подгорецкий. Сергей Сергеевич же о советской власти думал упорно и много. И нехорошо. Он когда-то пел и даже мечтал об артистической карьере. Голос пропил давно, еще до мировой войны, но был твердо убежден, что голос у него исчез именно из-за диктатуры пролетариата. И то, что пьет, и то, что ругается и дерется со своей женой, — во всем виновата советская власть.

— Ах, если бы не советская власть, разве я был бы таким, разве стал бы жить с такой коровой, как ты! — часто говорил он, тяжело вздыхая, своей супруге.

И вот настал момент, когда понадобился и Подгорецкий.

— Иди, тебя требуют в уисполком, с иностранцами разговаривать, — сказал ему прибежавший мальчик, босиком, в трусах и без фуражки.

Подгорецкий очень обрадовался и ответил:

— Скажи, сейчас приду.

Он завязал галстук, достал со шкафа, где вот уже двенадцать лет лежал в запыленной коробке, весь в пятнах, но все-таки черный котелок. Несколько раз примерил его перед зеркалом и несколько раз поплевал и вытер его рукавом серой толстовки. Затем надел чистые носки и женины брезентовые коричневые туфли.

Медленно, опираясь на тросточку, Подгорецкий подошел к уисполкому, где на крыльце сидели иностранцы и кто-то из уисполкомовских сотрудников. Он изыячно снял котелок, поклонился и, улыбаясь, поздоровался с ними по-французски, по-английски и по-немецки.

Иностранцы радостно ответили ему по-французски. И тогда он сообщил им на их родном языке, что поезд уходит только в шесть часов вечера, и что он готов оказать им всяческое содействие.

— Спроси их, може, они хотят кушать? — попросил Подгорецкого уисполкомовский сотрудник.

Подгорецкий спросил и тут же перевел ответ: кушать они не хотят, а хотят осмотреть город.

— Ну, что ж, покажите им, — сказал товарищ из уисполкома.

И Подгорецкий с двумя иностранцами важно зашагал по ненавистным улицам опротивевшего ему города.

— Как я рад, — говорил Подгорецкий, — что на мою долю выпала такая честь. Как я рад, наконец, побеседовать с культурными людьми. Ведь я совсем одичал здесь, среди варварских обычаев и бескультурья... Моя бедная родина так отстала от европейских стран, что мне приходится извиняться перед вами за грязь и за наши порядки.

Французы смутились и попросили рассказать, что это за город.

Гид

— О, это был когда-то веселый город, но, конечно, при советской власти, как и все лучшее, заглох и опустел... Здесь были колбасы, сыры и масла, а сейчас... хе-хе... вы найдете только маслины и гуталин.

Французы нахмурились, потом чему-то улыбнулись. Раскрасневшись и вспотев, Подгорецкий, со съехавшим на затылок котелком, продолжал рычать:

— Вот здесь когда-то был ресторан. Шикарный ресторан «Помпья» с отдельными кабинетами. Вы могли здесь максимум за 15 рублей роскошно поужинать. А сейчас, как видите, здесь уныло и мерзко, площадь занимает какой-то ликбез. На этом же месте, на углу, было кафе. Вы могли посидеть за мраморным столиком, выпить кофе со сдобными булочками и вдоволь поболтать с друзьями. — Он показал на здание городской библиотеки, перед которым стоял постовой милиционер, и, косясь на него, еще громче объяснил иностранцам: — Здесь был купеческий клуб. Лучшие люди города — господин исправник, купцы, крупные чиновники и окрестные помещики — собирались сюда и играли в карты. О, азарт — это одно из благороднейших чувств... Но рабочему правительству не к лицу благородство. — Злорадно хихикнув, Подгорецкий с высокомерием взглянул на постового, мол, я говорю, а ты стоишь, дурак, и ничего не понимаешь.

Возвращались они другой улицей.

— А это что за дом? — спросили французы.

— Это, — прошептал Подгорецкий, — ГПУ, бывшая Чека.

— Давайте зайдем туда, — предложили они.

— Лучше не стоит. Хотя вам, иностранцам, бояться нечего. Это нам...

Он не договорил, так как французы уже направлялись к зданию. Их встретил сотрудник ГПУ в малиновой фуражке.

— Вот иностранцы, — начал объяснять Подгорецкий, — проходили мимо... Захотели зайти, просто так, хе-хе...

Французы злобно посмотрели на Подгорецкого и, показав на него, как можно внятней сказали сотруднику:

— Контрреволюционер...

— Это что значит? — строго спросил товарищ в малиновой фуражке у Подгорецкого и приказал: — Ну-ка, переведи!

И смущенный Подгорецкий перевел:

— Они говорят, что удивлены, как это у нас здесь советские граждане открыто ругают власть трудящихся... Еще говорят, что удивлены, как это таких, как я, терпит советская власть...

— Скажи им, что мы знаем себе цену, и еще скажи, что гражданин, который у них вместо гида, давно уже лишен избирательных прав. Это бывший дворянин, помещик и пьяница. Его злоба для нас совершенно безопасна. Я очень извиняюсь перед ними за происшедшее недоразумение и благодарю за заботу о советской власти.

— Они говорят, что один из них — член французской компартии, а другой — рабочий горняк, — перевел подавленный и испуганный Подгорецкий.

Товарищ из ГПУ улыбнулся и крепко пожал руки иностранцам.

— Всю жизнь, — растерянно пробормотал Подгорецкий и тут же поспешно поправился: — Я хотел сказать, что мне очень не везет в жизни. — После чего незаметно удалился.

Его исчезновения никто не заметил. До вокзала французов провожал уже товарищ из ГПУ.

Они шли, ни о чем не разговаривая, а когда оглядывали друг друга, то чему-то улыбались. Возле вокзала, в садике, все трое даже успели дружно съесть по мороженому... □

Публикация **Станислава Никоненко**

СЕВЕРНЫЙ СФИНКС

Через год и три месяца после бракосочетания цесаревича-наследника Павла Петровича и Вюртембергской принцессы Софии-Доротеи-Августы-Луизы, в святом крещении — благоверной Марии Федоровны, 12 декабря 1777 года родился первенец — здоровый и крепкий мальчик. Радовалась вся Россия: прямое престолонаследие обеспечивалось. Родовались родители новорожденного: их союз, заключенный — редкий случай в царствующих домах! — по любви, был явно благословлен свыше. Родовалась императрица Екатерина, уже приготовившая долгожданному внуку имя — Александр. Но никто и предположить не мог, что на свет появился один из самых противоречивых и загадочных монархов в российской истории.

Восприимчиками при крещении его были император Иосиф II и король прусский Фридрих II: Россия, Австрия и Пруссия соединились у колыбели будущего творца Священного союза. Поэты того времени — Майков и Державин торжественными одами приветствовали рождение будущего повелителя России.

Быстрее всего закончилась радость родителей: Екатерина отобрала у них сына, заявив, что сама займется его воспитанием. Великокняжеская чета не смела противиться, но теплоты в их отношении к императрице это, естественно, не внесло. Только последовавшая вскоре вторая беременность великой княгини немного смягчила горькую обиду. Увы, ненадолго.

Екатерина не обращала на чувства сына и невестки ни малейшего внимания. Она лично руководила его воспитанием, видя в мальчике не только будущего самодержца, но и продолжателя дела, начатого Петром Великим. Властная и волевая государыня была сентиментальной и нежной бабушкой, находившей величайшее удовольствие и в стирке замаранной одежды юного Александра, и в его образовании. Возможно, это происходило потому, что в радостях материнства самой Екатерине было отказано. Сына Павла сразу после его рождения забрала к себе свекровь — императрица Елизавета Петровна, дочь Анна умерла в младенчестве, а заботиться о своих внебрачных детях — от Григория Орлова и Григория Потемкина — она, уже сама ставшая императрицей, естественно, не могла.

А маленький Александр был так обворожителен, так послушен! Екатерина с гордостью писала своим зарубежным корреспондентам, что этот ребенок — настоящий ангел и чудо как умен. По-английски он заговорил раньше, чем по-русски, потом так же легко освоил французский и немецкий. В этом, несомненно, была большая заслуга его воспитателя — специально приглашенного Екатериной II в Россию швейцарца Ф. Лагарпа.

Якобинец по убеждениям, он воспитывал Александра с пятилетнего возраста на протяжении одиннадцати лет, искренне и доходчиво передавая своему подопечному идеи французских мыслителей Ж.Ж. Руссо, Г. Мабли, английского историка Э. Гиббона.

Идеи европейских мыслителей не очень хорошо сочетались с атмосферой двора Екатерины II — роскошного, праздного, далеко не целомудренного. К тому же, и великий князь Павел на дух не переносил ни якобинцев, ни екатерининских нравов, а великая княгиня и вовсе пребывала в ужасе от того, КАК воспитывают ее первенца.

Так что Александру чуть ли не с младенчества пришлось усвоить тонкое мастерство притворства и лицемерия. Отсюда — противоречивость его характера, которую многие принимали за изощренное коварство. Но Александр вовсе не был коварен, он просто не мог твердо придерживаться какой-то определенной позиции.

Екатерина мечтала передать ему престол в обход законного наследника — его отца, и Александр всячески поддерживал в ней убеждение, что он тоже мечтает как можно ско-

Император Александр I

рее стать императором. Но... еще в десятилетнем возрасте при очередном свидании с отцом доложил ему об этих планах и даже присягнул как будущему императору. Почти двадцать лет ему пришлось придерживаться этой сложной линии поведения: поддакивать бабушке и выражать почтение родителям. Это были вещи взаимоисключающие, но Александру блистательно удавалось маневрировать между двумя враждебными партиями.

Впрочем, вряд ли он сам знал, чего на самом деле хочет. С одной стороны, он испытывал искреннее (но тщательно скрываемое) отвращение к

власти вообще, с другой — стремился к ней, руководимый благими порывами переустройства российского государства на европейский лад.

Любящая бабушка торопилась найти внуку достойную жену — будущую российскую императрицу. Она пригласила в Петербург из Бадена юную принцессу Луизу — умницу, красавицу, очаровавшую в октябре 1792 г. не только наследника, но и весь двор и вообще — всех жителей столицы. Воздушная блондинка, слегка меланхоличная и склонная к задумчивости, она, оживляясь, становилась совершенно неотразимой. Александр влю-

бился если не с первого взгляда, то с первой встречи, причем чувство его было взаимным.

23 сентября 1793 г. состоялось бракосочетание пятнадцатилетней Луизы, нареченной в России Елизаветой, с шестнадцатилетним Александром. Елизавета безумно была влюблена в своего молодого супруга. «Два ангела», — шептались допущенные к церемонии бракосочетания придворные.

Первые годы брак этот очень напоминал идиллию: юные супруги были неразлучны, появлялись на людях только рука об руку. Закончились и систематические занятия Александра с Лагарпом: не до того было. Празднества сменялись другими пышными празднествами, и, наконец, Елизавете Алексеевне стало казаться, что они с супругом скованы не только цепями Гименея, но и другими — тоже золотыми — цепями обязательного участия в придворной жизни. А она разделяла тягу своего юного супруга к беседам в узком кругу, а то и к полному уединению.

Александр тем временем переживал тяжелый кризис: Екатерина не скрывала своего намерения оставить ему престол. Щекотливый вопрос о престолонаследии он не отважился решить прямо: в сентябре 1796 года дал Екатерине согласие принять престол, но, в то же время, присягнул отцу как законному будущему императору.

Похоже, что в душе он был на его стороне и намеревался даже скрыться в Америке. Так, во всяком случае, можно понять из намеков Елизаветы

Алексеевны в письмах к ее матери. Супруга Александра, разумеется, собиралась бежать из России вместе с ним: перспектива взойти на трон приводила ее в ужас. Но она молчала и делала вид, что наслаждается жизнью при дворе.

Александр не молчал, но, как почти все слабохарактерные люди, скрывал свои истинные мысли и чувства, притворялся, старался казаться другим, чем был на самом деле. Сначала это делалось из желания угодить одновременно бабушке и отцу, но постепенно стало его «второй натурой».

Внезапная смерть Екатерины II резко изменила ситуацию в стране. Елизавета Алексеевна, пожалуй, раньше других поняла опасные приметы нового режима и острее мужа почувствовала весь ужас создавшегося положения. Веселые вечера в «Эрмитаже» сменились «протокольными» семейными прогулками и невыносимоскучными семейными же приемами во дворце.

Постепенно беспокойство передалось и Александру, который в письме своему воспитателю Лагарпу в сентябре 1797 года написал:

«Мое отечество находится в положении, не поддающемся описанию... Вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев».

Между строк этого осторожного послания прочитывается стремление изменить государственный строй в России путем проведения «револю-

ции сверху», то есть принятия Конституции и создания выборных органов власти. Александр теоретически стремился к конституционной монархии (по примеру Англии), но практически вынужден был выполнять мелкие и унижительные поручения отца-императора, характер которого портился с каждым днем и становился все более непредсказуемым.

Мало кому известно, что первый заговор против императора Павла составил еще в 1799 году. Нет, никто еще не собирался физически устранять «батюку курносого», но планировали учредить при нем регентство, а регентом сделать Александра. Вариант замечательный во всех отношениях, но... почему-то так и не воплотившийся в жизнь.

Зато появление у Александра и Елизаветы долгожданного ребенка — девочки, привело к неожиданному скандалу. Младенец был «не той масти» — темноволосый, с карими глазами, из чего император Павел тут же сделал вывод, что его новорожденная внучка на самом деле «плод греховной связи» невестки с князем Адамом Чарторыйским. Двор охотно подхватил эту версию, и польскому аристократу пришлось спешно покинуть Россию. Александр же потерял близкого друга, к тому же, он лучше других знал, кто отец ребенка.

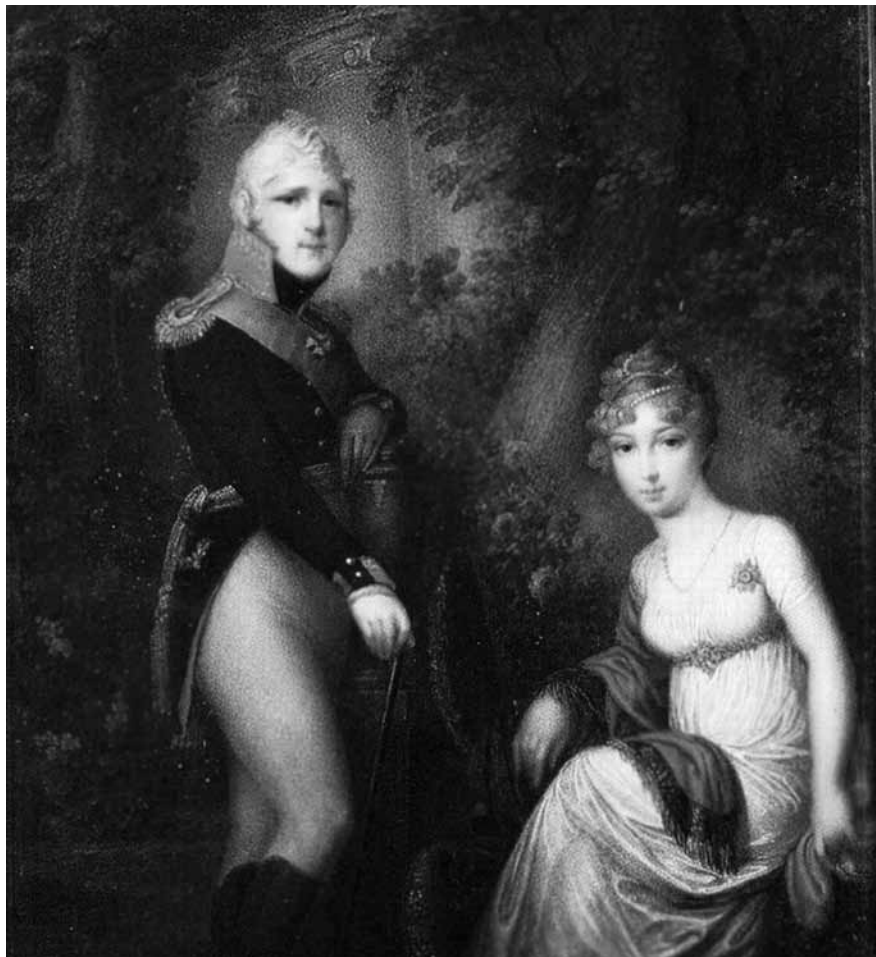
Девочка, окрещенная Марией в честь императрицы, не прожила и года. Елизавета окончательно замкнулась в своем горе, перестала посещать даже обязательные «семейные посиделки». Подлинных чувств Александра не знал никто, но горевал он

о смерти дочери вполне искренне. И, скорее всего, сделал еще один шаг по пути, на который усиленно толкали его заговорщики.

Масла в огонь подлило еще и то, что император внезапно и резко охладел к своей супруге и обоим старшим сыновьям, подозревая их в «измене». Ни слезы Марии Федоровны, ни клятвы в верности Александра и Константина не подействовали: Павел призвал в Россию 13-летнего племянника Марии Федоровны, Евгения Вюртембергского, которого вознамерился сделать своим наследником и женить на великой княжне Екатерине. Это, судя по всему, и переполнило чашу терпения недовольных: новый заговор стал стремительно набирать силу.

Дальнейшее всем хорошо известно: мартовская ночь в Михайловском замке, «апоплексический удар табакеркой в висок», истерики возжелавшей трона Марии Федоровны, малодушные слезы Александра... Гибель отца потрясла его, а угрызения совести с годами преследовали все больше и больше. Ведь он хотел лишь ограничения его деспотической власти. В страшные дни похорон Павла и коронации Александра действительную поддержку новому императору оказала только его жена. И была «вознаграждена» за это последующим охлаждением и отдалением от мужа: Александр не терпел возле себя никого, кто хоть раз оказывался свидетелем какой-то его слабости.

К моменту своего восшествия на престол 24-летний Александр I был уже сложившейся личностью. Внеш-

Александр I

*Принцесса Луиза, будущая
императрица Елизавета Алексеевна*

не красивый, подтянутый, он всегда был подчеркнуто скромен, элегантен. Его любовь к порядку порой доходила до абсурда и была поводом для добрых шуток в первые годы пребы-

вания у власти и для злословия в последние годы жизни.

Многие современники, с детства знавшие будущего царя, отмечали противоречивость его характера; че-

ловек умный и образованный, он в то же время боялся государственных забот, казавшихся ему непосильными. Не случайно А.И. Герцен называл его «коронованным Гамлетом». Это определение было очень метким, если иметь в виду духовную жизнь царя, его нравственные переживания. Но, в отличие от принца датского, он умел проявлять в политике твердость, гибкость, а порой, используя свой артистический талант, и хитрость.

А.П. Ермолов, тогда еще молодой офицер, проходивший службу в Вильно, вспоминал, что многие, находившиеся при Павле I в опале, наслаждались «кротким царствованием Александра I», все благословляли его, и любви к нему не было предела. Тогда-то и начали прибавлять к имени императора определение «Благословенный».

В.О. Ключевский, не склонный к излишним восторгам и достаточно объективный, писал об императоре:

«...он принес на престол больше благих желаний, чем практических средств для их осуществления... Царь не знал ни прошлого, ни настоящего страны, за управление которой брался; кроме того, он не имел достаточно наблюдений и соображений, чтобы по ним составить целесообразный и удобоисполнительный план преобразований».

Александр I совершенно не задумывался о механизме проведения предполагаемых реформ и об их исполнителях, руководствуясь исключительно личными симпатиями, часто достаточно мимолетными. В результате многие задачи оказывались всего

лишь декларативными заявлениями. Уже в первый день пребывания у власти, 12 марта 1801 г., Александр I подготовил манифест, в котором обещал управлять народом «по законам и по сердцу своей премудрой бабки». Одному Богу известно, как он намеревался совмещать екатеринские методы правления с законностью и уважением воли народа. Тем не менее, «популистские» шаги были сделаны в первые же месяцы нового царствования. Практически опустели казематы Петропавловской крепости, примерно двенадцать тысяч опальных при Павле I дворян получили свои прежние права; исчезли виселицы с приколочеными к ним дощечками, на которых писались имена казненных. Было разрешено привозить из-за границы книги, заработали закрытые прежде типографии, военная форма прусского образца была заменена на более удобную — мундиры с высокими и твердыми воротничками.

И — самое главное, пожалуй: навсегда были запрещены пытки при допросах. Только за это следовало благословлять нового императора, ибо кнут и дыба были неизменными спутниками почти любого «дознания» в России на протяжении столетий. Историки исхитрились это забыть, во всяком случае, практически ничего и нигде об этом не писали. Зато прозвище «кочующий деспот», данное Александру I его тезкой-поэтом, не упоминал, пожалуй, только неграмотный, хотя оно абсолютно несправедливо.

А тогда, казалось, для России наступает золотой век. Идя навстречу

обществу, Александр намеревался устранить произвол управления и упразднить крепостное право (!) — о последнем намерении историки тоже предпочитают не упоминать.

Ярче всего «якобинские настроения» императора проявились в Указе от 5 июня 1801 года. В нем Александр декларировал свое положение относительно законов следующим образом:

«...Быть выше их, если бы я мог, конечно бы не захотел, ибо я не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала».

Тем же Указом были восстановлены давно забытые права Сената, который, по замыслу императора, должен был стать самым надежным стражем закона.

«...Умаление прав Сената привело к ослаблению силы самого закона, всем управлять долженствующего».

Это произвело на общество чрезвычайно сильное впечатление: правительство заговорило о законности, значит, можно без опаски рассуждать о «благе народа» и прочих интересных вещах. Именно тогда были посеяны семена вольнодумства, немислимого при предшествующих государях. Именно тогда аристократия решила, что можно безбоязненно игнорировать власть императора и печься о собственных интересах.

В непосредственной близости от либерального государя образовался тесный кружок представителей высшей аристократии (В.П. Кочубей, П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев, А.А. Чарторыйский). Они были людьми в высшей степени честными, не

Медаль в честь Александра I

домогавшимися для себя лично никаких реальных выгод, воодушевленными желанием работать на пользу родины.

Увы, эти достоинства имели обратную сторону: они практически не были знакомы ни с историей России, ни с ее современным положением, а главное — не обладали административными талантами, то есть были чистой воды теоретиками. Немудрено, что к 1806 году император охладел к своим «конфидентам». К тому же, они считали Александра недостаточно решительным, поскольку он не торопился ни издавать Конституцию, ни

давать немедленную и полную свободу Польше. При этом игнорировали то, что за пределами России уже властно заявила о себе новая военнополитическая сила — наполеоновская Франция.

В 1806 году у императрицы Елизаветы родилась дочь, крещеная также Елизаветой. Двор замер в сладком

предвкушении скандала: всем было известно, что император давно не переступает порога спальни своей законной супруги, а почти открыто сожительствует с красавицей-полячкой Марией Антоновной Нарышкиной, супруг которой предпочитает этого не замечать. И императрица-то какова! Согрешила...

Скандала не произошло. Александр, узнав о беременности супруги, тут же признал еще не родившегося младенца своим. И только сказал Елизавете:

— Молите Бога, чтобы у НАС родилась дочь. Только смуты из-за престолонаследия нам сейчас и не хватает.

Дочь и родилась, только прожила всего два года. После чего императрицу крайне редко видели на официальных торжествах и чуть чаще — выезжающей из дворца по делам благотворительности. Елизавета Алексеевна тихо отступила в тень, чтобы там и остаться почти до самой смерти своего венценосного супруга.

Молодой государь вскоре после восшествия на престол обратил внимание на работу одаренного чиновника генерал-прокурорской канцелярии, демократа по убеждениям, М.М. Сперанского. Ему было поручено облекать в юридически обоснованные документы расплывчатые по сути проекты Александра I. Талантливому реформатору это часто удавалось.

Но даже он в 1803 г. в поданной царю записке, в которой подробно рассматривались вопросы государственной реформы, советовал сохранить абсолютную монархию. Новизна его предложений состояла в том, что он рекомендовал создать такие учреждения, которые готовили бы умы к будущей реформе страны. Это были попытки осуществить юношескую мечту Александра Павловича о даровании России Конституции.

Сперанского — «семинариста, подьячего» по определению аристокра-

тов-вольнодумцев — люто возненавидело все высшее общество. Простолудин, выскочка стал одним из ближайших друзей императора! Немыслимое нарушение всех негласных норм и законов двора. Хотя те же придворные прекрасно были осведомлены о том, что настоящих друзей у Александра уже не было и не могло быть: двойственность его характера и мгновенный переход от одного настроения к прямо противоположному исключали даже намек на дружбу.

Тем не менее, в конце 1808 года Александр I поручил именно Сперанскому разработку плана государственного преобразования России. В октябре 1809 года проект под названием «Введение к уложению государственных законов» был представлен императору. Основной задачей этого плана было модернизировать и европеизировать государственное управление путем введения буржуазных норм и форм «в целях укрепления самодержавия и сохранения сословного строя».

Вот эту фразу аристократы-реформаторы почему-то проигнорировали, обвиняя Сперанского в... подрыве основ самодержавия. Проект был принят в штыки сенаторами, министрами и другими высшими сановниками как... «опасно-вольнодумный». Александр I не решился его реализовать, а годом позже, уступая жесткому давлению практически со всех сторон, отправил Сперанского в ссылку. Правда, впоследствии сильно печалился по этому поводу, называя сосланного советника «способным и

полезным» человеком, открыто заявляя о своей вине перед ним.

Тем не менее, М.М. Сперанский долгие годы провел в Нижнем Новгороде и в Перми практически в полном забвении. Хотя именно ему принадлежала идея создания Царскосельского лицея, так что хотя бы поклонники Александра Сергеевича должны быть ему бесконечно признательны.

Несмотря на вялый ход осуществления реформ, а в последующем и отказ Александра I от их проведения, в годы его правления было сделано много для укрепления российской государственности. Победой завершились войны с Турцией (1806- 1812 гг.) и Швецией (1808-1809 гг.), к империи были присоединены Грузия (1801 г.), Финляндия (1809 г.), Бессарабия (1812 г.), Азербайджан (1813 г.). Последние четыре достижения еще аукнуться России, но много позже. Тогда же присоединенные Грузия и Азербайджан испытывали просто чувство облегчения оттого, что прекратились опустошительные набеги турок, и что юных красавиц и красавцев уже не увозят сотнями в заморские гаремы.

Впрочем, Александр Павлович никогда не был одержим планами вмешательства в дела других государств, особенно западноевропейских. Но активная захватническая политика некогда симпатичного ему Наполеона, быстро переродившегося из республиканца в императора, во многом изменила стратегические замыслы Александра I.

В марте 1804 г. по приказу Наполеона был расстрелян герцог Энгинский, последний потомок Конде —

французского аристократического рода, являвшегося боковой ветвью Бурбонов. По этому поводу российский император послал в Париж ноту протеста. Вскоре на нее был получен ответ, в котором обращалось внимание на то, что подобные действия — внутреннее дело Франции. В документе также говорилось, что три года назад, когда в России был безнаказанно убит Павел I, Франция с подобными протестами не выступала.

Это был прямой намек на отцеубийство Александра, и молодой царь запомнил его. Объективно складывавшееся единороство двух держав усугубилось личной неприязнью, хотя впоследствии Наполеон еще делал какие-то попытки наладить отношения с Россией, сватаясь сначала к великой княжне Екатерине, а затем — к ее младшей сестре Анне. Эти непростые отношения, впрочем, не мешали заключению Тильзитского мира — подписанию договоров между Францией и Россией, Францией и Пруссией. В Тильзите состоялись короткие переговоры Наполеона и Александра. Они напоминали блестящий спектакль, разыгранный двумя талантливыми актерами. При встрече императоры обнялись. Называя друг друга братьями, они клялись в вечной любви и дружбе.

Тем не менее, никто уже не сомневался, что война вот-вот разразится.

О ней написано достаточно, так что нет нужды повторять общеизвестные вещи. Стоит только добавить, что, вступив с войсками в Париж в 1814 году, как главный победитель в этой войне, в 1815-м Александр

Герхардт фон Кюгельген. Портрет Павла I с семьей. 1800.

Изображены слева направо: Александр I, великий князь Константин, Николай Павлович, Мария Федоровна, Екатерина Павловна, Мария Павловна, Анна Павловна, Павел I, Михаил Павлович, Александра Павловна и Елена Павловна

вернулся в Россию не тем полным воодушевлением человеком, каким покидал ее, а уставшим и пресыщенным: три года, проведенные в непрерывном напряжении, его совершенно изменили.

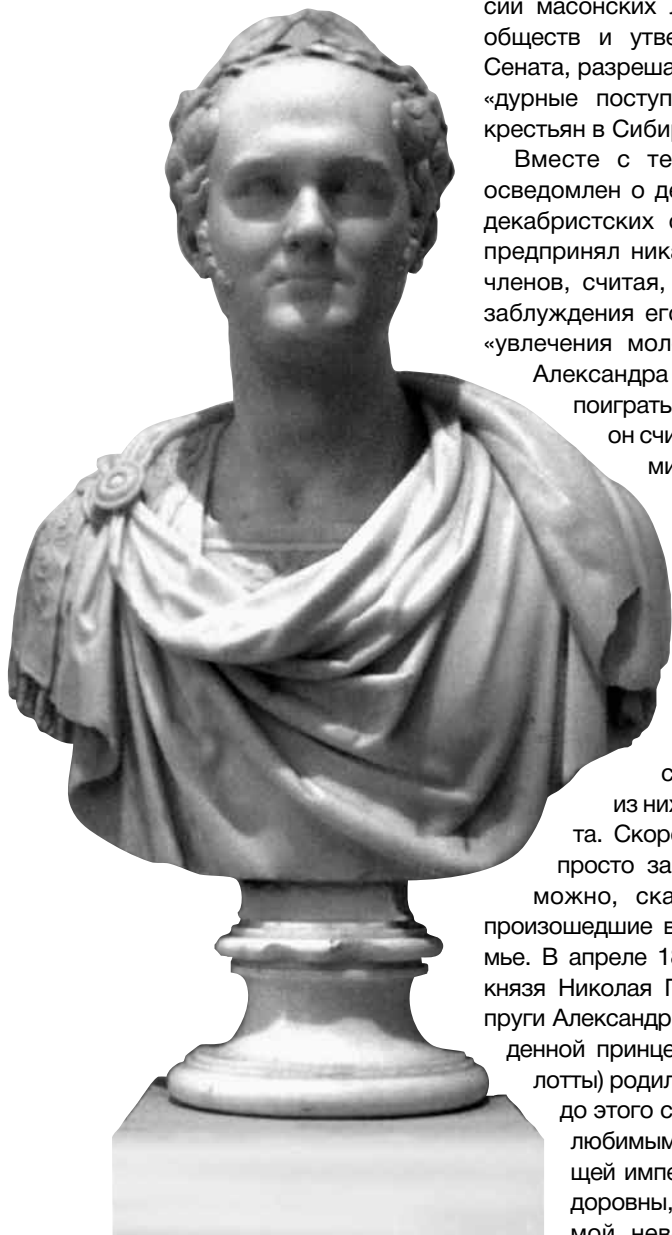
Одним из парадоксов внутренней политики Александра послевоенного времени было то обстоятельство, что попытки обновления российского государства сопровождались установлением полицейского режима, позднее получившего название «аракчеевщины». Ее символом стали военные поселения, в которых сам Алек-

сандр, впрочем, видел один из способов освобождения крестьян от личной зависимости, но которые вызвали ненависть в самых широких кругах общества.

В 1817 году вместо Министерства просвещения было создано Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с обер-прокурором Святейшего синода и главой Библейского общества А.Н. Голицыным. Под его руководством фактически был осуществлен разгром российских университетов, воцарилась жестокая цензура. В 1822 году Алек-

сандр запретил деятельность в России масонских лож и иных тайных обществ и утвердил предложение Сената, разрешавшее помещикам за «дурные поступки» ссылать своих крестьян в Сибирь.

Вместе с тем, император был осведомлен о деятельности первых декабристских организаций, но не предпринял никаких мер против их членов, считая, что они разделяют заблуждения его молодости. Те же «увлечения молодости» побуждали Александра время от времени поиграть в либерала, хотя сам он считал это — серьезными делами. В 1818 году он поручил нескольким своим приближенным разработать проекты отмены крепостного права. Этим проектам, рассчитанным на десятилетия вперед, было несколько, но ни один из них так и не увидел света. Скорее всего, Александр просто забыл о них... А возможно, сказались изменения, произошедшие в императорской семье. В апреле 1818 года у великого князя Николая Павловича и его супруги Александры Федоровны (урожденной принцессы прусской Шарлотты) родился сын Александр. И до этого события Николай был любимым сыном вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а его жена — любимой невесткой. Теперь же

все мечты старой императрицы сосредоточились на том, чтобы сделать наследником трона Николая (который вовсе не жаждал этой чести). На Константина мать давно махнула рукой, тем более, что он категорически отказывался от короны. А теперь и Александр стал для нее лишь неприятным напоминанием о трагической гибели ее обожаемого супруга.

Отраду и отдых Александр находил только в путешествиях, причем откровенно признавался, что именно езда доставляла ему удовольствие, а вовсе не цель поездки. Да и конкретной цели-то обычно не было, кроме желания сбежать от тягостных обязанностей императора, холодной неприязни матери и отчужденности младших братьев. Любимая сестра Екатерина, которую Александр одно время мечтал сделать своей наследницей, овдовев, вторично вышла замуж за герцога Вюртембергского, своего кузена, и уехала за границу. Старшие сестры умерли в ранней молодости — впрочем, с ними Александр никогда не был близок.

В последние несколько лет жизни государь чувствовал себя особенно несчастным, замученным совестью, запутавшимся в жизненных противоречиях человеком. Ему, не желавшему престола в юности, довелось ощутить себя европейским освободителем, но в то же время он не сумел освободить от крепостничества Россию, да и сам не освободился от тяготившей его власти.

Единственным (и довольно неожиданным) утешением стало сближение с императрицей Елизаветой Алексеев-

ной. Как в первые годы брака, они стали находить много приятного в обществе друг друга и обнаружили почти полное сходство во вкусах и стремлениях.

Александр все чаще мечтал о тихой жизни с женой где-нибудь на берегах Рейна «в обществе друзей и в изучении природы». А в августе 1823 года издал секретный манифест, в котором принял отречение брата Константина от престолонаследия и назначил законным наследником младшего брата, Николая Павловича, к великой радости своей престарелой матушки и к неописуемому огорчению самого новоиспеченного наследника и его супруги, которые предпочли бы спокойную жизнь «для себя». Увы, самый младший в семье великий князь Михаил Павлович еще меньше подходил на роль императора, чем Николай. К тому же, у последнего было чрезвычайно высоко развито чувство долга и... преклонения перед волей матушки.

В 1824 году жизнь нанесла Александру Павловичу последний сокрушительный удар: буквально накануне своей свадьбы скончалась от скоротечной чахотки его любимица — дочь от Марии Нарышкиной восемнадцатилетняя Софья. Человека несчастнее, чем Александр, потерявший единственного ребенка, казалось, не было тогда во всей России. И опять же законная супруга поддержала его, проявив самое теплое участие и даже нежность. Хотя сама уже была тяжело больна, и врачи настоятельно рекомендовали ей ехать для поправки здоровья в Италию.

От поездки за границу императрица наотрез отказалась. Вместе с Алек-

сандром Павловичем они решили выехать на лечение и отдых в Таганрог. Почему именно туда, а не в благодатный Крым — вопрос, ответа на который до сих пор никто не нашел.

Первым в начале сентября 1825 года в Таганрог прибыл царь, а спустя несколько дней — и его супруга. Казалось, многое менялось к лучшему: их отношения стали теплее, здоровье шло на поправку. Но в конце октября государь простудился, а 14 ноября, ослабнув к тому времени окончательно, слег в постель.

Утром 19 ноября, не приходя в сознание, он скончался, что стало полной неожиданностью для всех. Когда весть о кончине государя дошла до России, реакция на нее была соответственной: растерянность, недоумение, страх перед неизвестным будущим. Отличился только молодой Александр Пушкин, немедленно пустивший по рукам эпиграмму: *«Всю жизнь свою провел в дороге, простыл и умер в Таганроге»*.

Вскоре, несмотря на имевшиеся официальные акты вскрытия и бюллетени о ходе болезни, появились вдруг слухи о том, что Александр I не умер, а ушел с посохом в Сибирь, а вместо него якобы похоронили другого человека. Эти слухи много раз опровергались, в том числе и видным историком великим князем Николаем Михайловичем. Опровергались и появлялись вновь. Публикации о «старце Федоре Кузьмиче» встречались в литературе очень долго, даже в публикациях 1992 г.

В последние годы жизни Александр действительно иногда говорил своим близким о намерении отречься

от престола и «удалиться от мира», но при этом, скорее всего, имел в виду жизнь частного лица где-нибудь в Германии, вместе с супругой. Трудно поверить в то, что он превратился в стопроцентного «святого старца», да еще в Сибири.

Мощи сибирского старца Федора Кузьмича хранятся в Томской епархии, и вопрос о тождестве его и императора Александра можно было бы сейчас решить путем уже привычной генетической экспертизы. Но охотников заниматься этим до сих пор не нашлось, а вот желающих вновь и вновь описывать «загадку Александра» не убавляется. Легенда оказалась на редкость живучей. Более того, к ней прибавилась и вторая — об умершей вслед за супругом в 1826 году императрице Елизавете Алексеевне, которая якобы тоже инсценировала свою кончину, а сама поселилась в одном из монастырей в окрестностях Тихвина под именем Веры Молчальницы.

Впрочем, Бог с ними, с легендами, — они в России всегда были популярны. Но остается история. История российского государя Александра I, который начинал свое царствование, мечтая с помощью реформ и тайных организаций совершить радикальные перемены в стране, преобразовать, просветить Русь, и отдавшего последнее в своей жизни распоряжение об... аресте выявленных членов тайной организации.

Жизненный круг замкнулся. Северный Сфинкс остался неразгаданным даже после своей смерти.

А жизнь государства Российского продолжалась... □

Церковь Ризположения, находящаяся на территории Московского Кремля, была раньше домовым храмом русских митрополитов и патриархов. Теперь же здесь размещается экспозиция древней деревянной скульптуры, открывающая нам удивительный и малоизвестный мир...

ПОКРОВИТЕЛЬ

Татьяна
Харламова

НЕБЕСТ

...Когда татары осадили Можайск, на стенах города вдруг явилось изображение старца — в одной руке он держал меч, в другой — город с храмом. Татары дрогнули и отступили. С тех пор изображения иконы Николы Можайского есть в каждом городе, ведь это символ защиты городов русских.

На большинстве икон Николай-Чудотворец — строгий старец, но его скульптурное изображение XVII века, долго хранившееся в церкви Николая Гостунского в Кремле, совсем иное: приветливое, готовое к улыбке.

Наверное, это не случайно: ведь святой считался покровителем невест. Как повествует его «Житие», однажды он помог бедному отцу выдать замуж сразу трех дочерей-бесприданниц.

— Большинство юных москвичек на выданье пока не знают о нашем Николае-Чудотворце, а когда узнают, наверное, к скульптуре огромная очередь выстроится, — шутит Ирина Михайловна Соколова, хранительница коллекции деревянной пластики. — А если серьезно, — продолжает она, — то вполне возможно, что скоро возникнет традиция: новобрачные будут приезжать к нашему Николаю Можайскому, чтобы помолиться о своем счастье и семейном благополучии, оставить заступнику цветы...

...Расцвет деревянной скульптуры на Руси выпал на XVII век, а до той поры христианство не принимало деревянную пластику, «идолы» были запрещены, скульптуры уничтожались.

Тем, что наши современники сегодня могут любоваться искусством

старых резчиков по дереву, мы обязаны прежде всего историку и археологу Николаю Николаевичу Померанцеву.

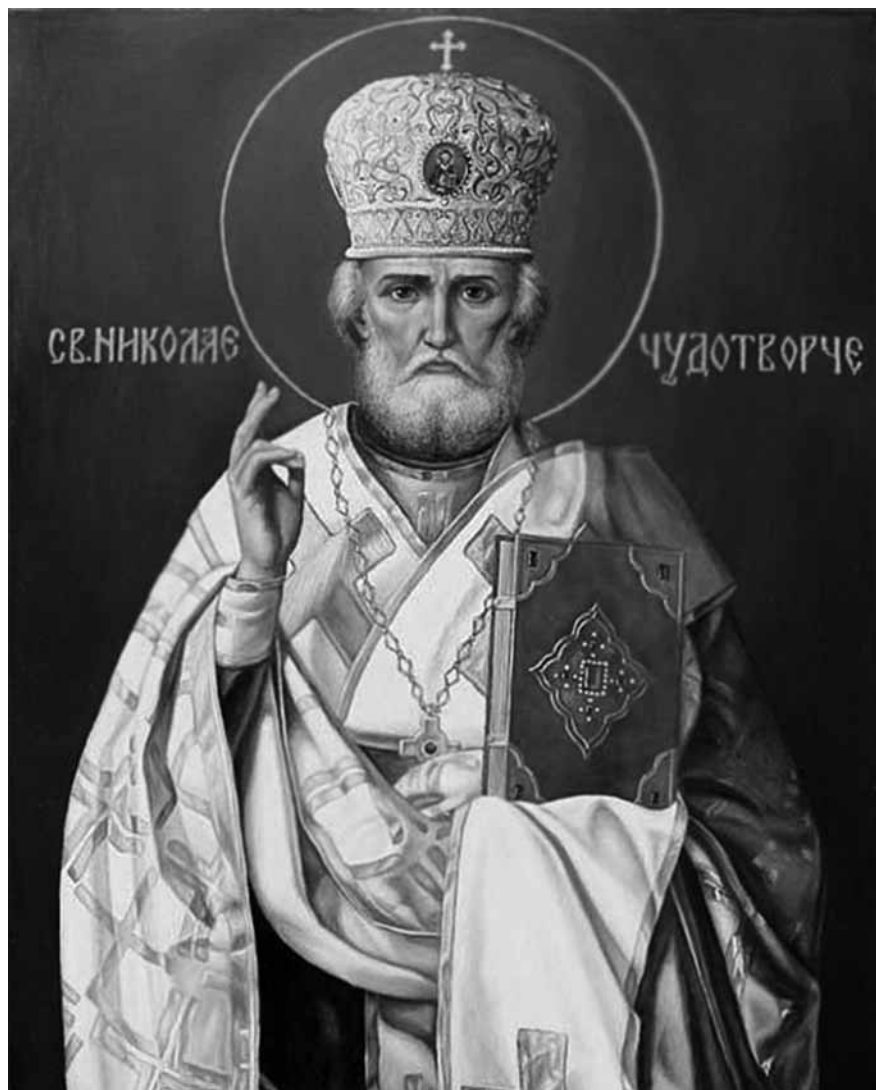
В должности секретаря реставрационной комиссии он работал при первой советской реставрационной мастерской по соседству с бывшей Синодальной конторой в Кремле.

Померанцев писал: «...*Обстановка помещения невольно заставила меня вспомнить об указе Святейшего Правительствующего Синода 1722 года, требовавшем изымать из церквей скульптуры и направлять их в Синод и Синодальные конторы для уничтожения... Вместе с тем, я также вспомнил о некоторых случаях, когда ревностным хранителям старины удавалось уберечь древние скульптурные изваяния, спрятав их подальше, в самых, казалось бы, неподходящих местах — чуланах, рухлядных и чердаках...*»

Эта мысль не давала ученому покоя. Ведь для того, чтобы уберечь скульптуру от костра, достаточно было спрятать ее на чердаке Синодальной конторы.

Но как туда попасть? О специальном разрешении нечего было и мечтать. Оставался один путь: тайно проникнуть на чердак.

Добыв ключ, ученый тайно проник на чердак. Вокруг были тучи хлама и пыли. Померанцев уже ругал себя — его любопытство могло стоить ему не только свободы, но и жизни. И вдруг в глубине под самой крышей он увидел что-то большое, похожее на человеческое тело, прикрытое мешковиной, потемневшей от

толстого слоя грязи, песка и пыли. А приподняв мешковину, чуть было не закричал от радости. Там лежало изваяние древнего воина в доспехах и плаще, вырезанное из липы...

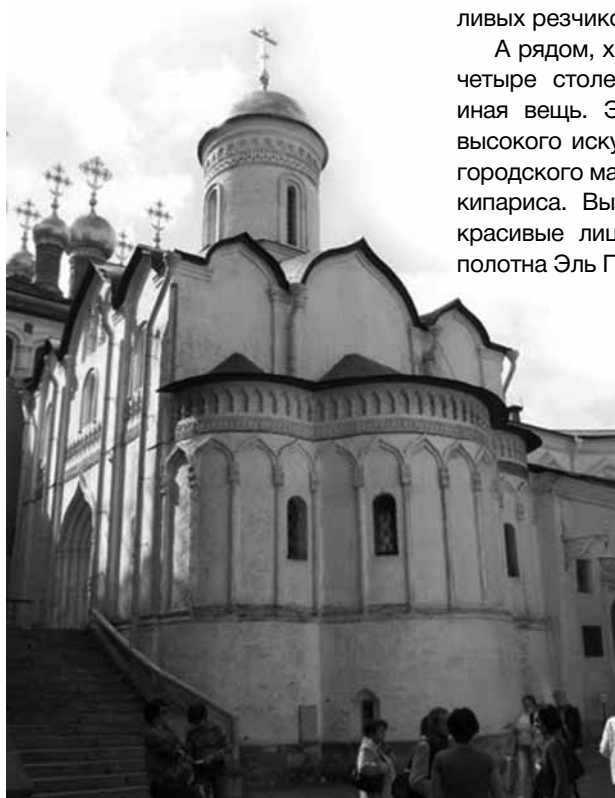
Так был найден один из самых древних памятников русской деревянной пластики — скульптура святого Георгия-воина. Мастер вырезал ее из цельного ствола липы с помо-

щью ножа и топора в XIV веке. Немало превратностей судьбы испытала эта фигура. Нет одной руки, обрубки ног, кое-где дерево обожжено огнем. Но, видимо, образ был столь почитаемым, что его не выбросили, не пустили по реке, как делали иногда с иконами, а завернули и спрятали. Как он попал на один из кремлевских чердаков, сколько времени пролежал там, до сих пор неизвестно. Сегодня уникальную экспозицию открывает именно эта древняя, потемневшая от времени скульптура.

— Чаще всего русские мастера пользовались липой, — поясняет Ирина Соколова. — Это очень пластичный мягкий материал, сучков мало. Но в больших мастерских могли позволить себе и привозной кипарис. Из этого твердого плотного дерева можно вытачивать самые мельчайшие детали.

Вот маленький иконостас с Севера. Наивные фигурки святых, надписи с ошибками. Видно, что в дело пошел материал, который был под рукой. Ученые предполагают, что автор этого произведения — крестьянин. Среди крестьян было немало талантливых резчиков по дереву.

А рядом, хоть и вырезанная тоже четыре столетия назад, — совсем иная вещь. Это уже произведение высокого искусства. Иконостас новгородского мастера, выполненный из кипариса. Вытянутые скорбные, но красивые лица святых напоминают полотна Эль Греко.

*Церковь
Ризположения*

Обращает на себя внимание и деревянное рельефное полотно «Распятие с разбойниками». Мастером XVII века, видимо, вдохновила картина Рубенса. Но, копируя западноевропейского мастера, русские резчики отразили в ней свое представление об евангельских событиях. Крест развернули и сделали фронтальным, появились пейзаж и детали одежды. Более двух столетий рельеф хранился в Чудовом монастыре. Когда было принято решение об уничтожении обители, ученые бросились спасать, что можно. Уже начали снимать великолепные фрески, но не успели — однажды утром увидели на месте храма груды обломков. Взорвано было все, даже то, что смогли снять, но

еще не спрятали. «Распятие с разбойниками» повезло, его удалось перенести в музейные запасники, а совсем недавно оно было восстановлено по фотографиям.

Коллекция деревянной пластики Кремля пополняется редко. А ведь этот пласт древнерусской культуры до сих пор не оценен по достоинству. Кроме того, не хватает квалифицированных мастеров-реставраторов по дереву. В запасниках же томятся великолепные скульптуры наших предков, нуждающиеся в серьезной помощи. Пока они могут рассчитывать лишь на «профилактический ремонт». Возможно, положение изменится, когда при музеях Кремля откроется реставрационный центр, где будут трудиться мастера всех профилей, и мы снова сможем восхищаться творениями старых мастеров, дошедшими до наших дней... □

Волшебник с нашего,

«Сон»

Юрий Олеша лукавил, ведь он сам был потрясающим сказочником! Нет, не прошли времена волшебников! В этом я убедилась, заглянув в мастерскую художника Василия Красникова — студента художественного факультета ВГИКа.

Здесь рождаются удивительные миры. Здесь живут герои сказок «Три толстяка», «Алиса в зазеркалье» и повести «Собачье сердце», совсем не похожие на тех, которых мы видели в кино. Да и сам художник, наверное, умер бы от тоски, не будь его фантазия так богата. Его воображение создает ирреальные миры, в которых можно держать за веревочку с якорьком средневековый остроносый корабль-дирижабль, как воздушный шарик, который завис в воздухе, готовый отправиться в далекие странствия. В этом мире кораблей и старинных потрепанных карт несуществующих государств живет молодой человек. И мы сейчас тоже отправимся в сказку, рожденную в совершенно обычной московской квартире

«Время волшебников прошло. По всей вероятности, их никогда и не было на самом деле. Все это выдумки и сказки для совсем маленьких детей. Просто некоторые фокусники умели так ловко обманывать всяких зевак, что этих фокусников принимали за колдунов и волшебников».

Юрий Олеша «Три толстяка»

— Как ты почувствовал в себе потребность творчества?

— Яркое воспоминание детства — атмосфера театра «Школы Драматического Искусства», где у Анатолия Васильева работала актрисой моя мама. Театр находился в полуподвале красивейшего доходного дома И.С. Кальмеера, №20 по Поварской улице, жили мы в театральном общежитии этажом выше. Я учился в художественной школе «Старт» у Е.А. Дурново, параллельно посещал детскую студию анимации. «Старт» — уникальная школа. Она не просто готовит будущих архитекторов и дизайнеров, а формирует новое мышление. Идея проста: серьезные архитектурные стили представляются как конструктор, как игрушки с характером, (готика — острая, барокко — волнистое). При этом каждый день педагог приносил необычную, редкую книгу, откуда мы черпали новые формы, будь то средневековые буквы или архитектурные фантазии Якова Чернихова. Здесь учат работать с формой, сочетать фактуры, мастерить костюмы из подручных материалов и резать совершенно безумные макеты.

«Гаспар Арнери»

Справа: «Три толстяка»

Потом я учился в МКАСИ, по специальности «архитектура». Получил хорошее техническое образование, которое решил не продолжать, а заняться живописью и мультипликацией. В течение года занимался рисунком и живописью в мастерской К.П. Опухлого, прекрасного, тонкого мастера композиции, благодаря которому я за год стал рисовать вполне достойно.

— *Над чем ты работаешь сейчас?*

— Я работаю на студии «Мастерфильм», ассистентом Сергея Гаврилова, художника-постановщика полнометражного мультфильма «Тайна Сухаревой башни». Режиссер — Сер-

гей Серегин. Рисую фоны, воссоздаю атмосферу Москвы 18-го века, и вместе с Сергеем мы придумываем фантастические миры, по которым предстоит путешествовать главным героям.

А в следующем году буду защищать диплом во ВГИКе. Тема моей дипломной работы — «Алиса в Зеркалье» Льюиса Кэрролла.

— *Ты уже приступил к работе, а о чем, по-твоему, эта история?*

— Об условности принятых обществом понятий, тех правил, по которым живут люди. Несвязанный набор слов Шалтая-Болтая обретает

тот смысл, который он в них вложил, не больше и не меньше.

— *Кэрролла много экранизировали, есть и мультипликационный и игровые фильмы. Почему ты не берешься за что-то новое? Почему не думаешь о коммерческой составляющей проекта?*

— «Алиса» уникальна, темы, которые поднимает Кэрролл, не поднимаются больше нигде. И из того количества литературы, которую я перечитал для диплома, меня больше ничего так не зацепило. Я стараюсь делать только то, что мне интересно, иначе — сплошное разочарование.

— *Ты иллюстрировал «Трех толстяков» — это было учебное задание?*

— Да, «Три толстяка» — учебная работа, это эскизы к мультфильму. Я учусь у Сергея Александровича Алимова. Наши курсовые работы представляют собой серию эскизов по произведению русского или зарубежного классика. За время обучения во ВГИКе поработал над такими темами, как «Собачье сердце» М.А. Булгакова, «Мюнхгаузен» Распе, «Три толстяка» Ю.К. Олешы, «Левша» Н.С. Лескова, «Ночь перед Рождеством» и «Мертвые души» Н.В. Гоголя.

— *А как это — иллюстрировать классику, которую экранизировали и много раз иллюстрировали? Не мешает?*

— Если произведение много иллюстрируют, значит, оно волнует ху-

дожников и открыто для тракторов. У меня есть свой взгляд, и для зрителя он будет понятнее на примере известной темы. Но я бы не стал рисовать заново Мумий-Троллей или Маленького Принца — их изобразили сами авторы, и иначе их не представишь.

— Действительно, у каждого художника свое видение персонажей, он живет с героем, пропускает его через себя. Хотя трудно, наверное, было пропускать через себя таких упитанных господ, как знаменитые толстяки...

Как я понимаю, художник твоей направленности может работать и в мультипликации и как иллюстратор. Тебе приходилось иллюстрировать книги?

— Пока только одну — и она вышла буквально на днях. Это руководство для родителей — призыв к импровизации в чтении сказок. И советы, как, рассказывая их на ночь, не подогревать интерес к сюжету, а убаюкать ребенка. Автор — Артемий Лебедев, главный редактор интернет-журнала «Батя». Издатели планируют распространять эту книгу в православных храмах.

— Наверное, сказки время от времени нужно читать и самим. Я, с твоей подачи, решила перечитать сказку «Три толстяка» — получила огромное удовольствие.

— Очень рад, Олеша, по-моему, незаслуженно забыт.

— Что тебе ближе всего в искусстве?

слева: «Злодеи»

«Мир Суок»

— Меня восхищает искусство средних веков, восхищает стремление художников тех лет создать цельное произведение — свой космос. В качестве примера — готический собор, который выстроен как модель мира: снаружи — мрачный и острый, кишасший химерами, словно человеческими страстями, а внутри — несоразмерно пустой и ритмичный, пространство которого переливается цветными стеклами витражей, величественно звучит орган, человек чувствует ничтожность своих страстей, смиряется перед Богом. Эти соборы строились

всем городом, но помогали каждому в отдельности выстроить свой личный духовный «дом». Притча о Ноевом ковчеге, поиске дома, проецируется на человеческую жизнь, у каждого из нас собственный ковчег, бороздящий океан неопределенности, страхов, условностей. Мифические звери на его борту — наши мечты, у Босха, например, это — белый жираф, грифон, крылатые люди и рыбы. Ной обрел дом, значит, для каждого из нас он тоже есть.

— *Корабли и старинные карты в твоём творчестве — это желание*

перейти в иное пространство? Жажда дальних странствий?

— Жизнь и есть путешествие, старинные карты рассказывают о непознанных вещах, о том, как человек воспринимает вроде бы знакомый, но спрятанный от него мир. Замечательна в этом отношении книга о странствиях Святого Брендана, в которой описывается морское путешествие ирландских монахов, отправившихся на поиски Эдема. С ними происходят чудеса, они встречают Рождество на ките, сталкиваются с ангелами и демонами, высаживаются на необитаемые земли. Сейчас это звучит наивно, но нельзя воспринимать текст буквально, рассказчик должен преувеличить, чтобы зритель понял, о чем идет речь, и извлек из текста заложенную эмоцию.

В современном мире человека сложнее «обмануть сказкой», чем тысячу лет назад. Волшебники... то есть фокусники, искушены трехмерными технологиями, они трудятся над созданием иллюзий для зевак. А вот книги все равно читают — ведь в них ты сам себе проводник.

— Твоя реальная жизнь устраивала бы тебя, если бы не было возможности войти в иные миры, созданные твоей фантазией?

— Я согласен со словами фотографа Анри Картье-Брессона, что мир — бесконечная россыпь фактов, а отбор этих фактов и есть творчество. Прошедшие события спустя время обретают важность, но память размывает детали и окрашивает прошлое в новый, фантастический колорит, напоминающий сказку. Некото-

рые воспоминания уже как легенды, и, рассказывая их, начинаешь сомневаться: а было ли оно вообще? Наша память монтирует события, расставляет иные акценты и тем самым усиливает впечатление о былом. Память — это кино.

Хочется вцепиться в момент, в настоящее и определить, что происходит сейчас, какой смысл несет данный момент? — и его зафиксировать. Когда снимаешь на пленку, пока не проявишь ее, мысленно рисуешь себе отснятый кадр, ожидаешь, каким он будет... Объективная реальность гораздо сюрреалистичнее, чем наша фантазия. Фантазия лишь то, какой мы хотим видеть реальность.

— А ты сам живешь прошлым, настоящим или будущим?

— Время едино. В космосе понятие времени вообще отсутствует. Можно сказать, мы — это опыт прошлого, руководствуясь которым, совершаем поступки в настоящем, и эти поступки определяют будущее.

— Я знаю, что ты мечтаешь сделать мультипликационный фильм «Три толстяка», уже готово большое количество эскизов. Как ты думаешь, это будет поддержано продюсерами? Есть ли сейчас потребность в этой сказке?

— Эта удивительная история актуальна как никогда. Основной конфликт «Трех толстяков» — подмена живого искусственным, идея разлуки со своей жизнью и проживание чужой. Но обычно в «Трех толстяках» для нас подчеркивают мотивы революции, борьбы с обжорами и богачами..

«Аленка»

Из наследника Тутти упорно растят тирана, он живет почти в Колизее, окруженный механизмами и дикими зверьми. Сценарий его жизни не предполагает любви, чувств вообще. И кукла не может о них рассказать или спеть, как это изящно делает Су-

ок. И если любовь случилась, никаким толстякам не внушить, что твое сердце — механическое. Разлученные близнецы, Тутти и Суок, теперь вместе, гармония восстановлена. Это счастливый случай, сказка заканчивается большим праздником, но не

без нотки грусти: миллионы людей до сих пор ищут «свою жизнь», и искренне жаль тех, кто не живет, а проживает ее.

— Мы с тобой много говорим о детской литературе, а что ты думаешь о самих детях?

— Соглашусь с Кэрроллом, который в «Алисе в Зазеркалье» выразил мысль, что нужно всегда немного оставаться ребенком. От лица Шал-тай-Болтая:

«— Вот тебе вопрос! Как ты сказала, сколько тебе лет?

Алиса быстро посчитала в уме и ответила:

— Семь лет и шесть месяцев!

— Семь лет и шесть месяцев, — повторил задумчиво Шалтай. — Какой неудобный возраст! Если б ты со мной посоветовалась, я бы тебе сказала: «Остановись на семи!» Но сейчас уже поздно.

— Я никогда ни с кем не советуюсь, расти мне или нет, — возмущенно сказала Алиса.

— Что, гордость не позволяет? — поинтересовался Шалтай.

Алиса еще больше возмутилась.

— Ведь это от меня не зависит, — сказала она. — Все растут! Не могу же я одна не расти!

— Одна, возможно, и не можешь, — сказал Шалтай. — Но вдвоем уже гораздо проще. Позвала бы кого-нибудь на помощь — и прикончила б все это дело к семи годам!»

Дети богаче и эмоциями, и фантазией. Они восторженно смотрят на мир, видят то, что недоступно взрослым. Может, оттого, что они ближе к тайне рождения, и еще помнят, откуда пришли?

— А ты открыт миру? И какой он в твоём восприятии?

— Постепенно открываюсь. Мой мир — это города-утопии с высохшими морями, на дне которых спят ржавые корабли, а под потолком застыли дирижабли. Сплошное декадентство.

— А я увидела по-другому. Увидела замечательный мир, в котором воздушный шарик может удерживать корабль за веревочку с якорем, а можно отпустить, и он улетит в далекие края, этот мальчик-повелитель. А ты говоришь, что это кладбище кораблей, на котором хранятся старые разорванные карты...

— Есть путь «необходимости и разума», в котором нет места бесполезным изобретениям, безумной, «навороченной» архитектуре, сказочным городам-утопиям, потому что это не рационально. Людям порой кажется, что их материальная Вселенная — единственная, и существовать можно только в ней. Но если довериться себе, создать собственный мир — то я смогу в нем существовать. Воображаемый мир станет самостоятельным и будет способен дать ответ. Например, классическая музыка, говорят, она способна лечить людей. Вот и нам говорят — здесь сказка, а здесь реальность... Но их нельзя разделять. Если ты во что-то веришь, значит, оно уже существует, иначе ты бы о нем и не узнал.

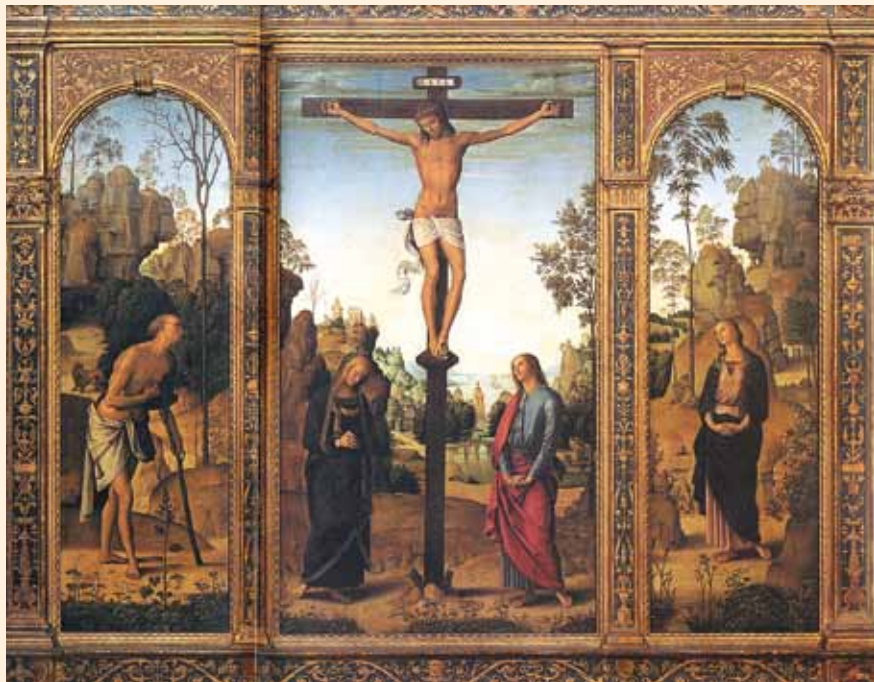
— Выходит, ты веришь в чудеса?

— Когда угодно мы можем быть друг для друга волшебниками. Для чуда много не надо: достаточно доброго слова или хотя бы улыбки знакомого человека... □

Беседовала **Ольга Займенцева**

Ирина Опимах

ГОЛИЦЫНСКИЙ ТРИПТИХ

Перуджино

История этого шедевра удивительным образом переплелась с историей нашей страны. Созданный одним из величайших художников раннего Возрождения, когда-то он принадлежал семейству князей Голицыных, позже украсил коллекцию Эрмитажа, а теперь хранится в вашингтонской Национальной галерее...

«Распятие с Девой Марией и предстоящими святыми» по праву стоит в ряду лучших и наиболее известных творений прославленного художника раннего Возрождения Пьетро Перуджино. Этот триптих так хорош, что долгие годы его приписывали Рафаэлю, историки искусства утверждали, что эту божественную живопись мог создать только божественный Рафаэль! Однако позже выяснилось, что триптих принадлежит кисти его учителя — Пьетро Перуджино.

Пьетро ди Кристофоро Вануччи, прозванный Перуджинцем (Перуджино), родился в небольшом городке Читта делла Пьеве. Когда произошло это знаменательное событие, точно не известно — где-то между 1445 и 1452 годами. Вазари, повествуя о Перуджино, говорит, что семейство Вануччи было очень бедным, а потому, мол, юный Пьетро был вынужден учиться и завоевывать себе место под солнцем, живя в страшной нищете. «Не имея другой кровати, ночевал в ящике» и всеми силами старался «подняться со ступени столь жалкой и низкой если не до верхней и наивысшей, то хотя бы до такой, на которой он мог бы себя прокормить». Однако Вазари слегка преувеличивает степень нищеты родителей будущего художника — они были вполне состоятельными людьми и занимали в городе весьма почтенное положение. Но чтобы учиться живописи — а, видно, этого юному Пьетро хотелось более всего, — ему при-

шлось покинуть отчий дом и отправиться в Перуджу. Скорее всего, там, в мастерской Бартоломео Капорали, одного из местных художников, он и получил первые уроки живописи. И однажды его первый учитель, наоборот, сказал: «Дорогой Пьетро, больше я тебя научить уже ничему не могу. Тебе нужно ехать во Флоренцию». Совет был понятен — в то время именно там, во Флоренции, по словам Вазари, «более, чем где-либо, люди достигают совершенства во всех искусствах, и особенно в живописи, ибо самый дух Флоренции таков, что в нем таланты рождаются свободными по своей природе, и никто, как правило, не удовлетворяется посредственными творениями, но всегда ценит их ради красоты и добра больше, чем ради их творца».

Столица Тосканы в конце XV века была действительно центром культурной жизни Европы. Тут рождалось новое искусство, искусство, пропи-

танное, с одной стороны, христианскими идеалами, а с другой — духом античности с ее представлениями о сильной, самостоятельной личности, о ценности человека. Во Флоренции работали Брунеллески, Донателло, Мазаччо, фра Анжелико, Филиппо Липпи, Учелло, Кастаньо, Гирландайо и многие другие замечательные художники. Каждый на свой лад, они решали чисто художественные задачи — перспектива, колорит, композиция, а также насыщали свои произведения совершенно новыми

смыслами. Оказавшись во Флоренции, Перуджино жадно впитывал в себя это новое искусство, новые идеи. Он нашел лучшую школу — мастерскую знаменитого живописца, скульптора и ювелира Андреа Вероккьо, и поступил к нему учеником, а рядом с ним овладевали секретами мастерства Сандро Боттичелли и Леонардо да Винчи. Отец Рафаэля Джованни Санти в своей «Поэтической хронике» писал о «двух юношах, равных по возрасту и пылкости, — Леонардо да Винчи и Перуджино».

*Слева:
Пьетро
Перуджино*

*«Мадонна с младенцем
в окружении ангелов,
св. Розы и св. Екатерины»*

*«Мадонна
с младенцем
и святыми»*

Уже в 1472 году имя Перуджино появляется в списках членов гильдии Святого Луки, объединявшей флорентийских художников. Наверное, ему было нелегко среди этих талантливых, амбициозных мастеров, но он не отчаивался, и вскоре его талант был вполне оценен, причем не только во Флоренции, но и в Риме — в 1479 году его приглашают расписывать одну из капелл базилики Святого Пе-

тра (к сожалению, росписи не сохранились). Видно, фреска понравилась, потому что вскоре Перуджино снова приглашают в Рим — теперь расписывать алтарную стену Сикстинской капеллы. (Эта работа тоже не сохранилась — ее уничтожили в XVI веке, освобождая место для «Страшного суда» Микеланджело. В эпоху Возрождения к шедеврам относились не очень-то бережно — гениальных ху-

дожников было хоть отбавляй.) В 1481 году Перуджино снова приезжает в Рим — на сей раз расписывать боковые стены Сикстинской капеллы. Он создает удивительные по красоте композиции — «Путешествие Моисея в Египет», «Крещение Христа и передачу ключей апостолу Павлу», одну из этапных в живописи раннего Возрождения. Эта монументальная композиция, построенная по законам симметрии и равновесия, удивительно гармонична и совершенна.

Постепенно слава Перуджино распространилась далеко за пределы Тосканы. Вазари писал: «Он себе завоевал такую известность, что работами его были заполнены не только Флоренция и Италия, но и Франция, Испания и многие другие страны, куда их посылали. И так как работы эти приобрели известность и ценность величайшую, их начали закупать купцы и рассылать за границу в разные страны с большой для себя пользой и выгодой».

В 1486 году Перуджино обзаводится во Флоренции мастерской на территории больницы Санта Мария Нуова. У него появляются ученики — они помогают ему в выполнении огромного количества заказов, в которых он уже давно не испытывает недостатка. И среди заказов не только большие композиции для храмов, но и частные заказы. Примерно в это время, в середине 1480-х годов (точная дата не известна), появляется триптих «Распятие». Заказ был сделан весьма важным лицом — доминиканцем Бартоломео Бартоли, епископом города Кальи и духовником

папы Александра VI. Перуджино создал настоящий шедевр. Центр триптиха — «Распятие с предстоящими девой Марией и Иоанном Евангелистом». На боковых створках — Иероним и Мария Магдалина. Пейзаж словно перетекает из одной части триптиха в другую, объединяя всю композицию в единое целое. В 1478 году во Флоренцию привозили знаменитый «Алтарь Портинари» Гуго ван дер Гуса. Конечно же, Перуджино видел творение вели-

«Мадонна с младенцем и ангелами»

*«Пьета» 1494–95,
Флоренция,
Галерея Уффици*

кого голландца, и в его триптихе явно чувствуется восхищение и преклонение перед талантом ван дер Гуса. Кстати, именно художники Северной Европы познакомили итальянцев с масляными красками, и Перуджино с успехом использовал это новшество.

Герои его триптиха — не земные люди, они обитатели горного, священного мира. И все рядом с ними приобретает высший смысл: маки символизируют кровь Христа, ирис и гладиолус — страдания и скорбь, а скромная фиалка — смирение перед ударами судьбы и волей Господа. На дальнем плане художник изобразил корабль, плывущий в прозрачных водах, и это тоже не случайно: корабль — раннехристианский символ спасения, недаром позже Церковь стали называть «кораблем спасения». Струящийся

сверху свет преобразует все, окрашивая в нежные, почти пастельные тона, играя на складках одежды и зелени деревьев, и на фоне этой, казалось бы, идиллической картины еще острее ощущается трагизм Распятия. В «Путеводителе по картинной галерее Эрмитажа» А.Н. Бенуа пишет о триптихе Перуджино: «...О Перуджино, со слов Вазари, сложилась невыгодная для него молва, будто бы он был человеком неверующим, и будто бы все благочестие его произведений — притворство, подлаживающееся к религиозным чувствам заказчиков. Однако, едва ли это так. Стоит взглянуть на лики Перуджиновых святых на триптихе (являющемся едва ли не самым прекрасным из его станковых картин), на их подлинную умиленность и благочестие, чтобы убедиться, какое светлое

ясновидение, какое неземное вдохновение пропитывали творчество мастера. ...Святые Перуджино ... поставленные рядом со святыми Андреа дель Сарто, Фра Бартоломео или самого Рафаэля, должны казаться исполненными самого трепетного экстаза».

В самом начале XVI века, в 1500-х годах, Перуджино становится первым художником Италии. Вазари писал, что «его манера так нравилась в то время, что многие приезжали из Франции, Испании Германии и других стран, чтобы ей научиться». Так, как он, никто не рассказывал о страданиях Христа, о той высокой жертве, которую Он принес во имя людей. Перуджино подражали, им восхищались, восхищались гармонией, красотой картин, их особенной чистотой и совершенством.

Весной 1511 года Перуджино решил вернуться в родную Перуджу. Наверное, он понимал, что пришло время новых художников, и с ними ему уже трудно конкурировать. Ведь он давал уроки живописи Рафаэлю, позднее затмившему своего учителя, был свидетелем состязания Микеланджело и Леонардо за право называться лучшим художником Флоренции (они соревновались, кто лучше изобразит битвы на стенах зала Большого совета в Палаццо Веккья).

В Перудже он создал еще много замечательных картин, но они уже были все-таки не столь хороши, как рожденные во времена расцвета его таланта. Пьетро Перуджино скончался в 1523 году, в Фонтиньяно, недалеко от Перуджи. Говорили, умер художник от чумы, унесшей тогда множество жизней и не столь прославленных. Умер,

пережив своего гениального ученика Рафаэля на три года...

А его замечательный триптих ждала долгая и насыщенная жизнь. В 1497 году Бартоломео Бартоли, незадолго до своей кончины, решил сделать добрый поступок — пожертвовал творение Перуджино церкви небольшого тосканского городка Сан Джиминьяно. Триптих установили в алтарь капеллы, посвященной Имени Божью.

Прошло почти три века. В 1796 году Наполеон привел свои войска в Италию. И вот кто-то из этих доблестных французов оказался большим ценителем прекрасного — в один прекрасный момент прихожане церкви в Сан Джиминьяно не увидели в алтаре перуджиновский триптих. Понятное дело, они сильно расстроились, но сделать ничего было нельзя, кроме как заменить шедевр плохой копией.

По некоторым сведениям, первым владельцем «Распятия» стал Антонио Моджи, занимавший при французах пост вице-префекта Флоренции. Затем Моджи продал триптих некому эскулапу (то ли хирургу, то ли дантисту) по фамилии Буцци, зарабатывавшему себе «на хлеб с маслом» продажей картин. Буцци, отреставрировав картину, в 1800 году продал ее жившему в то время в Риме князю Александру Михайловичу Голицыну (русские дворяне относились к большой нежностью к солнечной Италии, и многие имели там недвижимость). Это приобретение обошлось князю в немалую сумму — 15 000 флоринов. В 1809 году князь умер, и триптих перешел по наследству его сыну Федору Александровичу. Тогда еще все считали, что триптих написан Рафаэлем.

В 1840 году, при посещении римского дворца Голицыных, «Распятием» любовался итальянский историк искусств Родзини, который уверенно высказался в пользу авторства Рафаэля.

В 1862 году Федор Голдицын умер, и все его имущество было перевезено в Москву. «Распятие» стало украшением знаменитого Голицынского музея, в котором разместились сокровища, собранные членами семейства Голицыных. Музей открыл свои двери для публики в 1866 году. Это был первый в Москве частный общедоступный музей зарубежного искусства. Он сыграл огромную роль в культурной жизни города — ведь Голицыны приобретали только творения выдающихся мастеров, и теперь простые москвичи получили возможность приобщиться к шедеврам мирового искусства. Однако музей просуществовал недолго — спустя двадцать лет, в 1886 году, голицынские коллекции были проданы в Эрмитаж. Дело в том, что Голицыны тратили свои деньги не только на приобретение шедевров мирового уровня, но и на содержание больницы, где вечно не хватало средств на медикаменты, инструменты, жалованье врачам и сестрам. И когда на больничные нужды в очередной раз потребовались большие деньги, Сергей Михайлович Голицын, последний владделец голицынской коллекции, решил продать ее — бросить больных и страждущих ему не позволяли понятия о чести и благородстве.

Итак, «Распятие» Перуджино оказалось в Эрмитаже. Триптих снова подвергли реставрации — известный реставратор А. Сидоров пере-

вел красочный слой с дерева на холст. И снова ученые спорили — кто же все-таки автор этого шедевра? До начала XX века «Распятие» числилось как творение Рафаэля, но в 1910 году ученые окончательно решили, что его создатель — Перуджино. Как выяснилось, Бартоломео Бартоли, заказчик триптиха, скончался в 1497 году, когда Рафаэлю было всего тринадцать лет, и получить такой заказ, да и писать так, он в те годы, конечно же, не мог.

Казалось бы, «Распятие» нашло в стенах Эрмитажа покой, но жизнь в России никогда не была спокойной. В 1917 году к власти пришли большевики, и после страшной Гражданской войны стало понятно — нужно срочно восстанавливать хозяйство, разрушенную экономику страны. Началась индустриализация. Требовалось огромное количество денег — валюты — для покупки за границей тракторов, станков. Но где ее взять? И советские вожди нашли выход. Уже при подготовке первого пятилетнего плана Совнарком принял постановление, по которому торговля предметами искусства из рук музейных работников переходила к чиновникам Наркомата внешней торговли, возглавляемого Анастасом Микояном. Поначалу продавали только конфискованные после 1917 года у «буржуев» ценности, но вскоре добрались и до основных музейных фондов. Конечно же, музейщики сопротивлялись, но как бороться со сталинскими комиссарами? Искусствоведы хорошо знали — государственная машина умела бороться с непокорными.

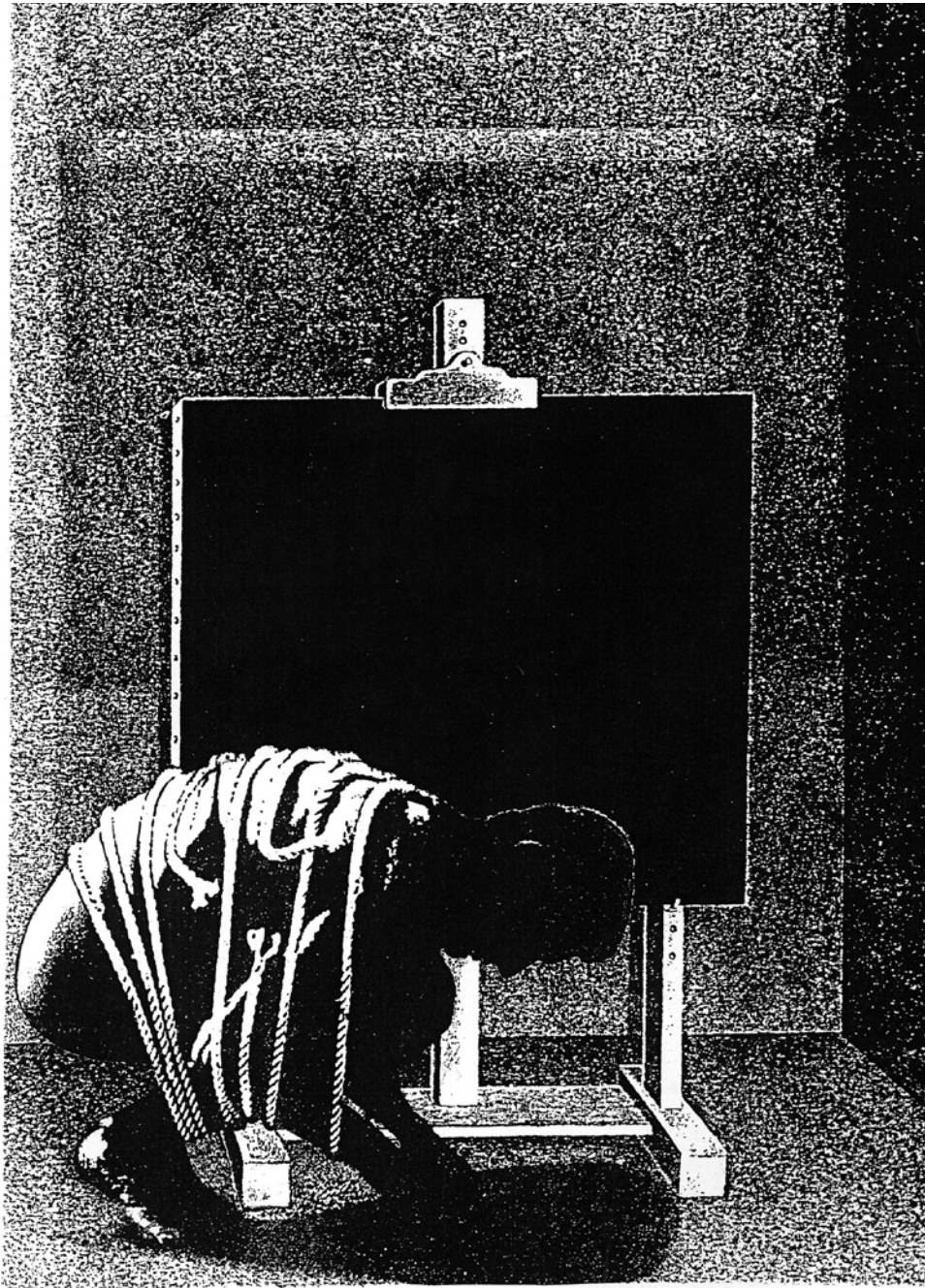
Предметы искусства превратились в удобную разменную монету.

Так, например, когда нужно было объединиться в борьбе с англичанами и американцами за бакинскую нефть, большевики договорились с иракским нефтяным магнатом и страстным коллекционером Галустом Гульбенкяном: тот им — помощь, а русские в благодарность — возможность приобрести несколько картин из Эрмитажа, к примеру, рубенсовский «Портрет Елены Фоурмен», рембрандтовскую «Афину Палладу».

Однако главным «ценителем» и покупателем эрмитажных сокровищ стал Эндью Меллон (1855–1937), известный финансист и глава финансово-промышленной империи Меллонов. Меллон был настоящим магнатом — он возглавлял несколько финансовых и промышленных корпораций (угледобывающих, нефтяных, алюминиевых) и даже основал город в Пенсильвании, где построил крупный сталелитейный завод. Кроме того, он всегда играл важную роль в правительстве США — был министром финансов при трех президентах — У. Гардинге, К. Кулидже и Г. Гувере. А еще он любил старое искусство. В его коллекцию ушли многие шедевры, хранившиеся в Эрмитаже. Среди них — «Благовещение» Ван Эйка, картины Рафаэля «Мадонна Альба» и «Святой Георгий», «Поклонение волхвов» Боттичелли, «Венера перед зеркалом» Тициана, «Портрет папы Иннокентия X» Веласкеса и — «Распятие» Перуджино. За Перуджино Меллон заплатил 194 тысячи 602 доллара, смешная по нынешним временам сумма. Всего Меллон приобрел в Эрмитаже 21 картину кисти старых мастеров, заплатив,

в общей сложности, 6 млн 654 тысячи 53 доллара. Чем было вызвано решение советских властей продать картины Меллону? Тут ясности нет, хотя ровно через год после того, как Эрмитаж лишился этих картин, США официально признали Советский Союз и установили с нами дипломатические отношения. В 1932 году Меллон, под угрозой импичмента, ушел с поста министра финансов. А потом, в 1935 году, американские газетчики провели о тайных сделках по покупке эрмитажных полотен, и Меллона привлекли к суду по обвинению в даче ложных показаний при уплате подоходного налога. Изворотливый делец быстро нашел выход из создавшейся скандальной ситуации — он тут же подарил свое собрание народу! Понятное дело, — американскому. И сейчас эти картины украшают вашингтонскую Национальную галерею. Галерею, чье строительство Меллон, кстати, сам и субсидировал.

В 2004 году в Государственном музее изобразительных искусств проходила выставка «Голицынский музей на Волхонке». Сотрудники Пушкинского музея попытались снова собрать воедино сокровища голицынской коллекции. Приехал в Россию из Америки и знаменитый триптих Перуджино. К сожалению, ненадолго, еще раз напомнив нам о замечательном итальянском художнике, преданных любителях искусства и настоящих патриотах князьях Голицыных и о горьких, невозвратимых потерях, понесенных российскими музеями в сталинские годы. □

ВОПЛОЩЕНИЕ

Джон
Боланд

Картина привлекла внимание Макса Стоунера на шестой день его добровольного затворничества на маленьком горнолыжном курорте. Она висела в баре «Медвежья берлога» на окраине деревушки, где по вечерам собиралась шумная компания любителей слалом, дабы похвастать друг перед другом новыми спортивными «подвигами». Впрочем, Стоунера заинтересовал отнюдь не сюжет (обычная буколическая сценка: полутемный скотный двор с сонной коровой), а неподражаемая техника и цветовые сочетания. Чувствовалось, что художник постигал свое ремесло под присмотром опытного мастера. С окружающим пейзажем он вытворял настоящие чудеса, используя краситель из льняного масла насыщенного серовато-желтого оттенка, казалось, насквозь пропитавшего эти скованные зимней стужей холмы.

Стоунер, прилетевший из Нью-Йорка, чтобы поработать в спокойной обстановке, невольно ощутил укол профессиональной ревности.

— Хороша, правда? — подмигнул ему бармен.

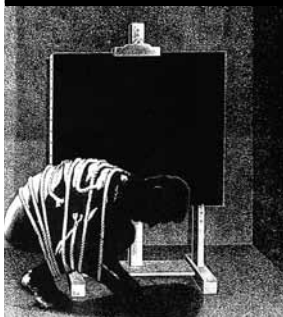
— Кто-нибудь из местных талантов? — с напускным безразличием поинтересовался тот.

— Родился и вырос здесь, в Уистле.

Небрежно потеснив соседа по стойке, Макс подался вперед и прищурился. В нижнем правом углу холста виднелась расплывчатая подпись, выведенная голубой краской: «Уэбстер Льюис».

Усевшись на столик возле сложного из огромных валунов камина, он заказал ростбиф и глубоко задумался, позабыв о царившем вокруг веселом гвалте. Местный художник — надо было отдать ему должное — блестяще владел профессиональной техникой, но по менталитету был куда

ВОПЛОЩЕНИЕ

ближе к иллюстратору настенных календарей или поздравительных открыток, нежели к настоящему живописцу. Макс не сомневался, что какой-нибудь эстетствующий нью-йоркский критик из «*Palette Monthly*» тотчас поддержал бы его. А когда ты занимаешься этим всерьез, то, по общему мнению, искусство — это то, что продается. Приятно, что один из старейших борзописцев «*Palette*», несостоявшийся подражатель Матиссу, имел слабость к польхающим сумасшедшими красками абстракциям Стоунера.

На следующий день он наткнулся еще на одну картину Уэбстера Льюиса, украшавшую вестибюль «Банка фермеров и торговцев». На ней была изображена завешанная шкафчиками для посуды бедная фермерская кухня и две фигуры: бледной женщины в красном шарфе и дородного мужчины с ястребиным носом в синем костюме — надо полагать, «дружелюбного» деревенского банкира, пришедшего требовать выплаты ссуды по закладной. Макс подумал, что банку стоило бы пригласить ретушера, ибо Синий Костюм выглядел слишком уж зловеще.

Стиль напомнил ему об одном популярном когда-то художнике, блеклые фрески которого покрывали стены почти каждого почтового офиса... Как же его звали?.. Так и не вспомнив имени, Стоунер пожал плечами и получил деньги по чеку.

Пополнив запас продуктов, он на попутке добрался до своего коттеджа, который снимал на краю деревни.

Остаток дня Макс провел, заканчивая полотно под рабочим названием «Недвижимая Сила, Непреоборимый Объект», представлявшее собой бесформенное пятно ярких красок, создававшее, как он надеялся, «иллюзию внутреннего конфликта». В любом случае, от него должны были вылезти глаза на лоб у всех, назвавших его прошлогоднюю выставку «лишенной динамики».

Он отмывал кисти в скипидаре, когда зазвонил телефон.

— Привет, Макси!— Даже сквозь шум помех на линии голос Сида Хадсона звучал, словно пожарная сирена. — Как работа? Мне бы не хотелось в ближайшее время видеть стены моей маленькой галереи голыми!

— Все идет по плану. — Макс покосился на «Недвижимую Силу», представляя, какой она вызовет эффект — даже в Нью-Йорке! — Сижу дома и вкалываю.

— Я и не сомневался, что ты будешь сидеть дома, но рад слышать о работе. Кстати, ко мне заглядывала симпатичная блондинка по имени Джанин — выпытывала, куда ты пропал.

— О, Боже! — простонал Стоунер. — Надеюсь, ты не сказал, где я?

— Даже не подумал. Я не хочу, чтобы моего парня отрывали от дела.

— Спасибо.

— А теперь окажи мне любезность. Закончи все поскорее. В этом году мне понадобится больше времени, чтобы оформить выставочный зал.

В голосе Хадсона Макс уловил скрытую угрозу. Стало быть, он должен постараться — и как следует. Тогда за этот месяц Хадсон выжмет из Стоунера все что можно, а затем устроит пробный показ работ какого-нибудь новичка.

— Если я не свяжусь с тобой через шесть недель, считай, что я сгинул в горах.

— Не смейся! Мы уже это проходили. Однако Уокеру Кенту это не помогло.

— Кому? — настороженно переспросил Макс.

— Кенту. Уокеру Иерониму Кенту, тоже художнику.

Тревожный «звоночек» в голове у Макса стал чуть громче.

— Это, часом, не он расписывал фресками почтовые офисы?

— Ого, оказывается, и ты помнишь?! Одна из главных фигур авангарда соцреализма. Бесследно исчезнувший герой. — За время, проведенное в «галерейном» бизнесе, Сид Хадсон превратился в настоящего историка-искусствоведа. — Он как-то отправился в отпуск — кстати, как раз в те же края, что и ты, и пропал. Насколько я помню, даже тела не нашли.

— Постараюсь быть осторожнее, — пробормотал Макс.

Когда он положил трубку, его охватил леденящий холод. Если эта выставка не принесет успеха...

Тогда, возможно, этот двуличный щелкопер из «Palette» может решить, что пришла пора вынести ему смертный приговор. «Всегда больно и обидно наблюдать, как художник, которому едва перевалило за тридцать, полностью исчерпал свой талант. Помните Макса Стоунера?»

Конечно, помним. Как и Уокера Кента, когда тот выдохся. Оставалось только «похоронить» его и протолкнуть наверх очередного «новатора».

ВОПЛОЩЕНИЕ

Правда, парень, которого «списали», уже не продаст ни одной своей картины и не сможет позволить себе просторную студию в Сохо, но это уже его проблемы.

Именно так произошло и с Уокером Кентом.

Макс нахмурился, почти уверенный, что это — не просто совпадение, ибо сходство работ Уэбстера Льюиса и «почтовых фресок» Кента было слишком явным. Что, если Уокер Кент вовсе не погиб в снежном буране, а преспокойно «ушел в отставку», осев в маленькой глухой деревушке, где можно продолжать творить под новым именем? Чем больше Макс об этом думал, тем сильнее верил в то, что подобная тайна была вполне способна принести ее обладателю немалый доход.

Прогулка по деревне позволила ему обнаружить еще полдюжины очередных «Уэбстеров Льюисов», развешанных в самых заметных местах.

Тщательно порывшись в архиве деревенской библиотеки, он наткнулся на заметку в издававшейся в Кингстоне газетке «Journal».

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

«Сент-Сир (спец. выпуск). — Полиции штата до сих пор так и не удалось обнаружить следов Уокера Кента, художника из Нью-Йорка, снимавшего здесь хижину и пропавшего в прошлый четверг во время сильной метели. По мнению капрала Ларри Доджа из Кингстонского управления полиции, Кент (36), судя по всему, отправился на этюды и был застигнут снежной стихией врасплох. «Боюсь, что теперь мы найдем его не раньше весны!» — таков был мрачный прогноз капрала Доджа».

Макс попросил у библиотекаря карту округа и мигом отыскал Сент-Сир — по сути, хутор в пяти милях к северу от Уистла.

Все оказалось проще простого! В Уистл приезжает незнакомец по имени Уэбстер Льюис. Кто заподозрит, что это и есть пропавший Уокер Кент? Через несколько лет он (к тому же — неплохой художник) завоевывает прочную репутацию в местном обществе. Настолько прочную, с улыбкой подумал Макс, что даже бармен из «Медвежьей берлоги» свято убежден, что он «родился и вырос здесь».

Выходя из читального зала, Макс заметил еще одного «Уэбстера Кента»... и застыл. На первый взгляд, это был типичный зимний пейзаж — заснеженное полуночное поле, девственную белизну которого лишь в одном месте нарушала цепочка следов. Прямо по диагонали его пересекала присыпанная снегом изгородь, видимо, служившая границей меж участками. На пригорке в окружении нескольких деревьев стоял небольшой домик, из окон второго этажа которого лился бледно-желтый свет.

Стоунеру понадобилась почти целая минута, чтобы осмыслить свою реакцию на увиденное — дурное предчувствие! Свет из окон растворялся в густой темноте, еще не успев достичь ближайших деревьев. Поле и изгородь, отражавшие голубоватое мерцание звезд, источали неземной холод. Но даже не это указывало на то, что в картине кроется нечто таинственное — нечто, выдающее... воплощение зла!

А потом он понял. Зло и впрямь было тут как тут! Окинув цепочку следов наметанным глазом художника, Макс сразу уловил кое-что неестественное, даже гротесковое! Расстояние меж отпечатками ног шедшего слева, не превышало фута — вполне нормально при таких сугробах. Но одинокий след справа?! Что сие должно было означать? Третью ногу? Он попытался представить рост существа, каждый шаг которого по длине превышал обычный почти вдвое. Мало того, снег на изгороди оставался нетронутым, хотя следы по-прежнему вели к дому.

Макс неуверенно улыбнулся. Либо «Уэбстер Льюис» позабыл о пропорциях, либо так было задумано с самого начала, и его персонаж просто-напросто переступил через изгородь высотой по пояс обычному человеку.

Стоунер перевел взгляд на дверь дома, и ему показалось, что она осталась слегка приоткрытой, словно «гость» даже не удосужился плотно прикрыть ее за собой. Тяжело вздохнув, Макс глянул на подпись. «Уэбстер Льюис».

Вечер и большую часть следующего дня он провел в коттедже, стараясь скопировать странную манеру Льюиса, пока, наконец, не отшвырнул кисти в сторону, вынужденный смириться с неудачей и решив просто прогуляться по деревне.

Проходя мимо банка, он открыл стеклянную входную дверь и заглянул в вестибюль. Освещение было скудным, и ему оставалось лишь гадать, все ли он

ВОПЛОЩЕНИЕ

рассмотрел, впервые увидев висящую на стене картину. Она приснилась ему накануне, причем простая деревенская кухня почему-то вновь вызвала дурные предчувствия. Макс представил себя в роли беседующего с женщиной банкира, не замечающего, что дверцы шкафчиков для посуды чуть-чуть приоткрыты, и оттуда на них пялятся какие-то затаившиеся там зловещие твари.

Стоунер преодолел остаток пути до центра, ни разу не услышав звука автомобильного мотора. В витринах многих магазинов уже опустили жалюзи.

Адрес Льюиса нашелся в местной телефонной книге. Когда Макс добрался до дома на холме, куда вела единственная узенькая тропинка, его ботинки промокли насквозь. Свет горел только на третьем этаже — в четырех окнах и венчавшем его куполе, но едва он постучал, дверь открыли почти сразу.

Хозяин, давно разменявший седьмой десяток, и ростом около пяти с половиной футов, идеально вписывался в версию Стоунера. Оправив потраченную молью блузу, он вопросительно уставился на Макса.

— Если у вас забуксовала машина, можете позвонить от меня в гараж Коппеля.

— С машиной все в порядке. Я — Макс Стоунер, художник. Возможно, вам доводилось обо мне слышать? Хотел выразить восхищение вашими картинами.

— Серьезно? — улыбнулся старик.

— Вы — гений!

— Благодарю за комплимент, — вежливо кивнул Льюис. — Входите. Как насчет рюмочки, чтобы согреться?

— Почему бы и нет? — усмехнулся Макс.

Когда они расположились на старомодной, чисто прибранной кухоньке, Льюис выставил на стол пузатый графинчик абрикосовой настойки.

— Надо же! — мотнул он головой. — Художник из большого города навестил своего деревенского коллегу, чтобы похвалить его скромные достижения.

— Тем не менее, в Уистле у вас репутация более чем солидная, — подмигнул Макс.

Старик поднял стакан дрожащей рукой.

— Ничто не дается даром. Все должно быть честно заработано! Вы знамениты в Нью-Йорке?

— Кое-кто меня знает, — пожал плечами Макс. — Слишком капризная профессия. Сегодня тебя любят все, на завтра о тебе никто не помнит.

Льюис понимающе хмыкнул, и Макс усмотрел в этом добрый знак.

— Вообще-то, я снял здесь коттедж, чтобы выиграть время и попытаться создать новый стиль. Увы, из этого ничего не вышло. Но когда я увидел ваши картины, мне в голову пришла одна идея.

— Любопытно.

— Дело в том, что мы могли бы стать партнерами.

— Партнерами? — Старик поставил свой стакан. — Не совсем вас понимаю, молодой человек.

— Все очень просто. Вы продолжаете работать, как обычно, но ваши картины мы выставляем в Нью-Йорке. Под моим именем. Разумеется, потребуется внести кое-какие изменения...

— Это абсурд!

— ...и мне придется отказаться от прежнего стиля, но в этом-то и вся прелесть. Макс Стоунер отправляется в горы, где перерождается и возвращается убежденным реалистом.

— И что же я получу в итоге этого смехотворного соглашения?

— Пятьсот долларов за картину.

— Пятьсот?!

Макс кивнул.

— Будем брать обычный гонорар — две тысячи. Реализм сейчас в моде. Владелец галереи получает свою долю, я — свою.

— Мне ни разу не платили больше двухсот пятидесяти! — присвистнул старик.

— Стало быть, вы согласны?

— Боюсь, что нет. Я уже давно решил ограничиться окрестностями Уистла. Несмотря на бедность, мне живется отнюдь неплохо. Кроме того, если мои работы и впрямь стоят таких денег, то зачем мне вы?

— Получите мою известность.

— Хм!

— И молчание. Я никому не скажу, что стало с Уокером Кентом.

ВОПЛОЩЕНИЕ

Льюис побледнел столь внезапно, что Макс испугался, как бы старика не хватил инфаркт. Однако через секунду тот решительно мотнул седой головой.

— Вы не можете этого знать!

— Если мы договоримся, — вкрадчиво произнес Макс, — этого не узнает никто.

Домой он возвращался в приподнятом настроении, насвистывая популярный мотивчик. Под конец Льюис выпросил у него день на раздумья, но Макс не сомневался, что добьется своего. И пока старикан не протянет ноги, можно будет спокойно рассчитывать на непрерывный поток великолепных, пусть и вселяющих некоторое чувство тревоги полотен. Даже если они не произведут сенсации в мире искусства, его имя постоянно будет на слуху... пока не подвернется что-нибудь новенькое.

Единственный риск заключался в том, что некто, знакомый с работами «Уэбстера Льюиса», мог случайно оказаться на одной из выставок Макса, однако тот считал это маловероятным, прекрасно зная, что провинциалы выбирают в крупные города от силы раз в десять лет.

Проходя мимо «Банка фермеров и торговцев», он остановился. Давно утраченный Кентом уникальный дар воплощения зла явно свидетельствовал о прогрессирующем душевном расстройстве. Ибо даже сейчас, не видя банкира и покорную домохозяйку, Макс был уверен, что за ним следит некто, вынашивающий коварные планы.

Все это наводило на мысль о том, что за столько лет, по-настоящему вжившись в избранную им роль, художник и в самом деле вполне мог лишиться рассудка.

Стоило ему включить свет, как он понял, что у него побывал незваный гость. Цепочка мо-

крых следов вела от входной двери в студию, образовав большую лужу перед мольбертом с листами ватмана, на которых он тщетно пытался скопировать манеру Уокера Кента. Еще непросохшие листы были смяты в огромный ком, а по всей комнате разбросаны кисти и тюбики краски...

Так и не снявший пальто Макс резко повернулся на каблуках и решительно зашагал к двери. За это старому козлу придется ответить! Какую бы для него выбрать кару позабористее? Пригрозить, что он отказывается от своего предложения и собирается вывести этого «затворника» на чистую воду?

Разумеется, Макс не собирался этого делать, однако считал, что на будущее Уокер Кент просто обязан уяснить, кто его настоящий хозяин!

Дом был погружен в темноту, и на его требовательный стук никто не отозвался. Вчера старик наотрез отказался продемонстрировать ему как незаконченные, так и готовые картины, еще не выставлявшиеся в городе. Что ж, подумал Макс, если этот упрямец позволяет себе такие выходы, то чем он хуже?

Не заперев квартиру, Кент существенно облегчил ему задачу. Повинуясь некому инстинкту, Макс сначала поднялся на самый верх, и лишь потом включил свет. Внутренние перегородки были снесены, и студия занимала весь этаж. Четыре окна, массивная дверь в дальнем углу, голые стены...

Центр комнаты занимали два мольберта, окруженные столами, загроможденными тюбиками красок, банками с кистями, огромными кипами бумаги для эскизов, мелками и угольными грифелями... Прямо на полу вдоль стен были расставлены десятки картин на бытовые темы: ведро на краю колодца, поймавшее лучик света... спящий на крыльце пес... женщина, выглядывающая во двор, чтобы проверить бельевую веревку с простынями, перекрученными внезапным порывом ветра...

И в каждой из них присутствовал маленький подвох — наиболее точное слово, объединявшее все эти работы. Ибо, подойдя поближе, Макс сразу разглядел ряд поистине омерзительных подробностей. «Демоны» проявились во всей своей красе! На одном из мольбертов стояла картина, завешенная куском ткани. Шагнув к ней, Макс обо что-то споткнулся и, глянув под ноги, увидел винченное в пол кольцо с замочком — похоже, от «браслетов»...

— Решили не дожидаться моего ответа?

От неожиданности Макс подскочил. Льюис, все это время наблюдавший за ним с лестничной площадки, ухмыляясь, спустился в студию.

Стоунер вновь повернулся к картинам.

— Не скажу, что я в восторге, но критикам может понравиться. Мы выставим их в Нью-Йорке, в галерее на 57-й улице, и все сразу решат, что это — новый Сальвадор Дали или Макс Эрнст.

ВОПЛОЩЕНИЕ

— Но вся слава достанется вам, не так ли?

— Зато я сохраню вашу тайну.

— Сколько вам лет? — оценивающе прищурился Льюис.

— Тридцать четыре, — машинально буркнул Стоунер.

— Такой молодой? Но я думаю, вы правы. Нам стоит стать партнерами. У нас с вами много общего.

— В каком смысле?

— В том, что мы стремимся присваивать чужие работы. Можно сказать, что я обокрал Уокера Кента.

— Но Уокер Кент — это вы!

Старик покачал головой.

— Меня зовут Уэбстер Льюис, и я прожил в этом доме всю свою жизнь. Окончил арт-колледж, но успехов так и не добился. Пока тридцать лет назад не нашел подходящего партнера. Едва я узнал, что знаменитый художник Уокер Кент остановился в Сент-Сире, то примчался к нему, чтобы показать свои картины. Он поднял меня на смех, назвав их «безнадёжно любительскими». На следующий день я устроил возле его хижины засаду, а когда он вышел, стукнул по затылку и сунул в багажник машины, после чего учинил в доме настоящий разгром. То же самое я проделал сегодня и в вашем коттедже.

По мере того, как до Макса начал доходить смысл сказанного, ему становилось все более неудобно.

— Я вас познакомлю. Видите вон ту дверь? — спросил Льюис, указывая в дальний угол комнаты дрожащей рукой, которой явно было невозможно работать кистью. — Она ведет в купол. Вот и полюбуйтеесь.

Дверь, сколоченная из толстенных досок, имела узкое оконце. Заглянув внутрь, Макс увидел захлавленную круглую комнату и ее обита-

теля — похожего на пугало седого старца, скорчившегося у стены на куче тряпок. Одну его лодыжку охватывал металлический «браслет», соединенный короткой цепью с ввинченным в стену кольцом — подальше от окна. Точно такой же, о который Макс споткнулся возле мольберта.

— У нас бартерная система. Мистер Кент пишет то, что приказываю я, и получает кормежку.

— И сколько?.. — выдохнул Макс.

— Тридцать два года. Понятно, что постепенно он выжил из ума, что сказалось на его творческой манере. Не могу же я показать такое, — Льюис, не оборачиваясь, ткнул большим пальцем себе за спину, — поклонникам моего таланта в Уистле? Селяне предпочитают пасторали, отражающие их повседневную жизнь. Если честно, их запросы мне куда ближе, чем... извращения вашей нью-йоркской элиты. — Из кармана свитера Льюис достал маленький вороненый револьвер. — Сегодня я подмешал стрихнина в ужин мистера Кента. Полагаю, он уже мертв.

— Это чудовищно!

— Думаю, нечто подобное не раз происходило и в прошлом, — хмыкнул Льюис. — Взять тех же пропавших художников и писателей. Большинство обожают выставить себя напоказ, но некоторые избегают поклонников.

Отперев дверь, он втолкнул Макса внутрь и, быстро пригнувшись, со щелчком захлопнул у него на лодыжке «браслет», снятый с Уокера Кента.

— Завтра все узнают, что вы бесследно исчезли. А вы — приступите к делу. Учтите, Макс, у меня очень консервативные вкусы. Вам придется здорово попотеть, чтобы заслужить свою пайку.

— Но я же абстракционист! — завопил тот. — Я не смогу работать в вашем стиле!

— Есть захочется — научитесь в два счета! — пообещал его новый хозяин. □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

Самая известная и, возможно, самая красивая из первых леди древнего Египта, она была не только царицей, ее почитали как богиню.

Учитывая роскошь, в которой жила Нефертити, можно было бы предположить, что и погребена она будет по-царски.

Однако привычных для умерших фараонов и их главных жен величественных пирамид с наполненными сокровищами усыпальницами и золотыми саркофагами у нее нет. Все признаки царского статуса после смерти Нефертити более 3300 лет назад бесследно исчезли...

КРАСАВИЦА ИДЕТ

Сенсационная находка

Недалеко от современного Луксора находится место, известное любому школьнику. Гробниц фараонов в Долине царей, гигантском некрополе правителей древнего Египта, оказалось так много, что им для простоты присваивали порядковые номера, в зависимости от даты обнаружения. Первой была гробница фараона Рамзеса VII, известная с глубокой древности, а последней, 63-й по счету, — гробница Тутанхамона, найденная в 1922 году Говардом Картером и лордом Каверноном.

Одна из самых загадочных гробниц кладбища египетских царей — это склеп под номером 35, открытый в 1898 году известным французским археологом Виктором Леро.

Гробница принадлежала фараону Аменхотепу II, скончавшемуся после 25 лет своего правления в 1401 году до н.э. В нее ведет высеченная в скале крутая лестница, а, пройдя длинный коридор и ритуальный колодец, попадешь в просторный красивый зал, стены которого расписаны изображе-

КРАСАВИЦА ИДЕТ

ниями фараона и богов и погребальными текстами, а невысокий свод поддерживают шесть торжественно высвещающихся колонн.

В этой комнате Виктор Лоре и нашел украшенный гирляндами мимоз саркофаг великого фараона-воина. В находке мумии Аменхотепа не было ничего удивительного, как и в том, что французского археолога опередили грабители могил, успевшие вынести все ценности.

Станным было другое. Спустившись вниз, Виктор Лоре обнаружил, что Аменхотеп был не один. Через какое-то время после его смерти — позже археологи пришли к выводу, что произошло это примерно в 1057 г. до н.э. — его гробница была вскрыта и использована как хранилище для мумий, которые по каким-то причинам лишились своих могил.

В большом помещении перед усыпальницей Аменхотепа Лоре нашел среди обломков лодки мумию, а в маленькой комнатушке около юго-западного угла — еще девять высушенных тел. Одни покоились в гробах, другие просто лежали на пыльном полу.

Еще больше французского археолога удивила соседняя комната, на полу которой он увидел еще три мумии, двух женщин и мальчика. Спустя какое-то время египтологи установили имена девяти мумий, а те три, находившиеся в соседней комнате, так и остались неопознанными. Их Лоре назвал Пожилой женщиной, Молодой женщиной и Мальчиком.

В 1907 году их самым внимательным образом осмотрел, описал и сфотографировал австралиец Графтон Элиот Смит, профессор анатомии Каирского университета, составлявший знаменитый каталог «Царские мумии», который был издан в 1912 году.

Смит предположил, что лежавший в центре мальчик был сыном Аменхотепа II, царевичем

Вебенсену, пожилая — скорее всего, царицей Тией, главной женой Аменхотепа II, а вот мумия молодой женщины вызвала особый интерес. Рядом с ней лежала оторванная чуть ниже плеча правая рука. Голова была гладко выбрита, а находившиеся на лице глубокие следы жестоких побоев придали ему жуткую ухмылку...

Специалист по древним прическам

В начале 90-х гг. прошлого века на сцене появилась студентка археологического факультета Манчестерского университета Джоанна Флетчер. Древним Египтом она увлеклась еще в школе. В университете Джоанна выбрала очень редкое направление своей будущей работы. Молодой египтолог решила посвятить свою жизнь изучению... волос и париков, которые носили в древнем Египте и Риме.

Во время работы над докторской диссертацией настольной книгой Джоанны был каталог Смита. Ее заинтересовали неопознанные мумии из 35-й гробницы и особенно обрывок парика с длинными волосами, найденный около мумии молодой женщины, фигурировавшей в каталоге под номером 61072.

Джоанне не составило труда установить, что парик относился к периоду XVIII династии, то есть был изготовлен значительно позже времени правления Аменхотепа II.

Узнав, что он находится в одном из египетских музеев, Джоанна специально поехала в Каир. После внимательного изучения парика Флетчер пришла к выводу, что это так называемый «нубийский» парик, относящийся к периоду правления фараона-еретика Эхнатона и его сына Тутанхамона.

Вернувшись домой, она вновь принялась изучать черно-белые фотографии загадочной мумии из каталога Смита. В подробном описании австралийского ученого она обратила внимание еще на одну интересную особенность. В мочке левого уха молодой женщины (правое ухо отсутствовало) оказались два отверстия. Догадка Джоанны, что молодая женщина жила во времена Эхнатона, получила еще одно подтверждение, поскольку ни в какой другой период истории древнего Египта женщины не носили в ушах по две сережки.

Так как у пожилой женщины и мальчика с руками все было в порядке, можно было предположить, что оторванная рука принадлежала загадоч-

КРАСАВИЦА ИДЕТ

ной незнакомке. Самым интересным оказалось не то, что она была оторвана, а то, что она была слегка согнута в локте. Мысленно вернув руку на место, Джоанна поняла, что она должна была лежать на груди.

Положение рук мумий в древнем Египте, как и все остальное, определялось строгими правилами. Руки мумий простых смертных были вытянуты вдоль туловища. Только руки небожителей, к которым приравнивались фараоны и их главные жены, покоились у них на груди.

Не ускользнуло от внимания британского археолога и то, что пальцы оторванной руки, как следовало из описания Элиота Смита, были слегка сжаты, как будто она что-то держала.

В том, что держала в руках мумия, у Джоанны Флетчер сомнений не было. Наверняка это был скипетр, символ царской власти в древнем Египте. В пользу царского происхождения мумии говорил и тот факт, что ее голова была гладко выбрита. Египетские царицы нередко делали это, чтобы было легче носить тесные короны.

Итак, таинственная незнакомка была царицей, но кем именно? Зная примерные годы ее жизни, Джоанна сделала еще одно смелое предположение. В боковой комнатке гробницы Аменхотепа II лежала самая известная египтянка, жена Эхнатона, мачеха и теща Тутанхамона, царица Нефертити.

Теперь было необходимо найти физическое сходство между знаменитым музейным бюстом и мумией, но сделать это, учитывая плачевное состояние останков, оказалось нелегко. В пользу теории Флетчер говорила очень тонкая и длинная шея, вмятина на лбу от повязки, которые носили царицы, и два прокола в ушах. Позже Джоанна установила, что по две серьги в ушах носили только Нефертити и одна из ее шести дочерей.

Прежде чем опубликовать свою смелую теорию, основывавшуюся лишь на умозрительных заключениях, Джоанна, конечно, хотела воочию взглянуть на саму мумию, но получить разрешение египетского правительства оказалось очень трудно.

Такое разрешение египтяне дали только в 2002 году. В июне Флетчер впервые увидела три таинственные мумии в гробнице Аменхотепа II, а в феврале 2003 года вернулась в Долину царей с несколькими учеными, вооруженными самым современным оборудованием.

Нефертити могла править Египтом

Нефертити полностью соответствует своему имени, означающему «красавица идет». Родители ее неизвестны, хотя некоторые историки считают, что отец был главным министром при дворе Тутанхамона Эйе и позже даже сам занял трон. По другой версии, в Египет она приехала из Месопотамии.

В главные жены молодому правителю, ставшему фараоном примерно в 1352 г. до н.э., Нефертити выбрали, когда ей было 12 лет. Она обладала почти такой же властью, как ее супруг, и вместе с ним правила страной с 1351 по 1338 гг. до н.э. На двенадцатом году 17-летнего правления Эхнатона ее имя неожиданно исчезло из официальных документов, а место главной жены заняла старшая дочь Меритатен. По одной из версий, Нефертити попала в опалу и была удалена от двора или умерла. Однако никаких свидетельств ее смерти нет. Что же касается опалы, то и это маловероятно, потому что на многочисленных фресках Эхнатон и Нефертити изображены нежно любящими друг друга супругами.

Гораздо логичнее другое предположение — за пять лет до смерти Эхнатон сделал жену соправительницей. Сторонники этой версии в качестве доказательства указывают на то странное обстоятельство, что в конце правления облик Эхнатона неожиданно начал меняться, приобретая женоподобные черты и все больше становясь похожим на... женщину с короной на голове.

Археологи нашли несколько фресок, на которых Нефертити изображена в царских регалиях. В свойственной только фараонам манере она казнит на них преступников, схватив одной рукой их за волосы, а другой — бронзая кинжалом.

КРАСАВИЦА ИДЕТ

После смерти Эхнатона в 1334 г. до н.э. в Египете начались кровавые смуты. Этот период до сих пор вызывает у историков горячие споры. Одни считают, что на трон взошел, вернее, был посажен мачехой Нефертити 9-летний сын Эхнатона от второй жены, позже ставший фараоном Тутанхамоном, которого она, кстати, любила и женила на одной из своих дочерей. Другие полагают, что целых три года после смерти мужа до Тутанхамона страной правила сама Нефертити.

В древнем Египте женщины обладали равными правами с мужчинами. Они торговали, получали за работу ту же плату, что представители сильного пола; воевали и владели собственностью. Наверное, поэтому в истории Египта известны имена, как минимум, шести женщин-фараонов.

После своей смерти Нефертити, скорее всего, была с почестями погребена в семейной гробнице, которую построил муж. После возврата к политеизму гробницу разграбили. Историки считают, что жрецы спасли мумии, но их дальнейшая судьба почти три с половиной тысячелетия оставалась неизвестной.

У теории Джоанны Флетчер, как и у большинства других смелых теорий, много противников. По мнению Захи Хавасса, много лет руководившего Советом египетских древностей, археолог из Великобритании ошибается. Искать сходство мумий с изображениями правителей большая ошибка, потому что египетские живописцы всегда, и особенно в период XVIII династии, приукрашивали своих фараонов и их жен.

Несколько лет назад З. Хавасс сканировал мумию и пришел к выводу, что ею могла быть царица Кия, биологическая мать Тутанхамона. Что же касается слегка согнутой руки, то ее могли привести в такое положение во время пере-

носа мумии из одной гробницы в другую. К тому же, Хавасс не исключает, что оторванная рука принадлежала не мумии молодой женщины, а какой-то другой.

Конечно, по прошествии стольких лет установить личность молодой женщины из гробницы фараона Аменхотепа II со стопроцентной гарантией невозможно. Джоанна Флетчер считает, что без химических анализов и анализов на ДНК не обойтись, однако египетские власти трогать мумии категорически запретили.

Оставалось только любоваться знаменитым бюстом, приписываемым Нефертити и хранящимся в Египетском музее в Берлине.

Бюст раздора

Женщины не раз становились причинами войн. Достаточно вспомнить самый, пожалуй, хрестоматийный пример — прекрасную Елену, из-за которой греки пошли войной на Трои.

Причиной новой войны, на этот раз, к счастью, лишь музейной, может стать царица Нефертити. Несколько лет назад египтяне попросили дать им бюст царицы на 3 месяца, на время празднований по случаю открытия в 2011 году в Гизе Большого Египетского музея. Музей из-за известных событий в срок открыт, конечно, не был. Его открытие перенесено на 2013 год.

Из Берлина пришел отказ.

«Нефертити не поп-звезда, — написал Дитрих Вильдунг, директор Египетского музея, — чтобы отправляться на гастроли».

Вильдунга поддержал министр культуры Германии Бернд Ньюманн и Комитет по культуре бундестага.

Главный довод немцев заключался в том, что хрупкий бюст царицы не выдержит путешествия. В Каире от этого объяснения отмахнулись. Немцы, считающие, что Нефертити по праву принадлежит им, просто боятся, уверены египтяне, что, отдав бюст, они его больше не увидят.

В Германию бюст, вызывающий уже несколько десятков лет столько споров, попал осенью 1913 года. Его, вместе с почти 5 тысячами других находок, привезли Людвиг Борхардт, профессор археологии, и Джеймс Саймон, купец из Берлина, большой поклонник археологии и древнего Египта, финансировавший две экспедиции в Амарну.

Бюст Нефертити был найден 6 декабря 1912 года в мастерской древнеегипетского скульптора Тутмоса. Изображенная Тутмосом женщина с не-

КРАСАВИЦА ИДЕТ

обыкновенно длинной шеей, безупречным лицом, высокими скулами и изящным носом на долгие годы стала эталоном женской красоты.

Сначала Людвиг Борхардт назвал находку просто: «раскрашенный бюст царевны», но он немедленно признал его историческую ценность.

«Бесполезно описывать этот бюст, — написал вечером в день находки в своем дневнике Борхардт. — Его красоту не передать словами. Его нужно увидеть собственными глазами!»

Версии египтян и немцев относительно того, как Нефертити попала в Германию, естественно, диаметрально противоположны. Немцы утверждают, что все находки, и бюст царицы в том числе, разрешил вывезти директор уже существовавшего тогда Совета египетских древностей. Несмотря на то, что Египет находился под протекторатом Великобритании, его почему-то до середины 20 века возглавляли французские археологи.

Египтяне утверждают, что Борхардт с Саймоном просто обманули директора Совета.

В любом случае, после того, как началась «египетская» лихорадка, вызванная находкой гробницы Тутанхамона, египтяне потребовали вернуть бюст, который к тому времени уже стоял в Египетском музее в Берлине.

По иронии судьбы, единственным за семь десятилетий высокопоставленным немецким чиновником, который согласился вернуть бюст Нефертити, был... Герман Геринг. Среди множества постов и должностей, которые он занимал, был и пост премьер-министра Пруссии, на территории которой находился Берлин. Главный «искусствовед» Третьего рейха пообещал в 1933 г. вернуть бюст королю Фауду I в обмен на политический союз. Но в дело вмешался еще один любитель древностей — Гитлер. Он отменил решение Геринга и оставил Нефертити в Германии.

Египтяне обиделись на немцев. Археологи из Германии несколько десятилетий являлись в этой стране персонами «нон грата», а так называемый «Немецкий дом» в Луксоре, который ученые из Германии превратили в свою базу, был в 1915 году даже взорван...

Бюст семь лет стоял на каминной полке дома Саймона, а в 1920 году он подарил его столичному Египетскому музею. Бюст Нефертити был впервые выставлен через четыре года. Берлинцы полюбили его с первого взгляда, и вскоре у Нефертити появилось новое имя — берлинская Мона Лиза.

Во время Второй мировой войны бюст хранился сначала в подвале банка, затем в бункере Берлинского зоопарка и, наконец, в соляной шахте в восточной Тюрингии. После войны американские военные держали его на базе в Висбадене и только в 1956 году передали западноберлинским музеям. Министерство культуры ГДР осталось очень недоволено этим решением, потому что в восточной Германии надеялись на возвращение бюста на Музейный остров, расположенный в Восточном Берлине.

Сейчас бюст Нефертити является жемчужиной коллекции Нового музея, открывшегося после длительной реконструкции в октябре 2009 года. Львиная доля туристов, посещающих Новый музей, а их число превышает 1 миллион человек в год, приходит полюбоваться бюстом древнеегипетской царицы, который стоит в зале с высоким куполовидным потолком и залит мягким светом электрических ламп.

Революция отвлекла египтян от археологических древностей, но можно не сомневаться — после президентских выборов они обязательно вспомнят об украденном (по их мнению) бюсте красавицы Нефертити... □

Артем Омельченко

СМОКИНГ **для бродяги**

День Бочинского начался с брани. Вначале прислуга принесла холоднющий кофе, потом опоздал Вадим — личный шофер. Шестое опоздание за месяц — так не работают!

Наконец Бочинский сел в машину и, уткнувшись в окно, наблюдал за медленным продвижением автомобилей. Пробка... Но это его мало беспокоило — спешить было некуда. Излишним пессимизмом он не страдал, но по утрам никогда не просыпался в хорошем настроении и ждал, когда кто-нибудь его развеселит. После этого он излучал радость в течение всего дня.

— Марк Эдуардович, телефон, — вернул его к жизни водитель.

Бочинский нехотя взял трубку:

— Слушаю...

— Приветугли, Марик, представляешь, вчера такое платье купила! — послышался радостный женский голосок. — Но... чуток подшить надо. У тебя так хорошо шьют. Я заеду днем, а?

— Куда?

— Как, куда? Спишь, что ли? В офис к тебе, Маркушик, ты же — лучший в мире модельер. Я не просто хочу платье подшить, а сделать это у самых-самых!

— Ладно, заезжай, распоряжусь — сделают.

— А сам чего шить перестал? У тебя ведь ручки золотые!

— Когда мне? Постоянно встречи, дела. Я уже года два... как не шью сам.

— Зря! Такой красоты мир лишаешь!

Слово за слово, но своими комплиментами Маринка все же смогла развеселить Бочинского. Положив трубку, он уже улыбался. Через минуту начал ерзать на сиденье, а спустя еще минуту, проклиная пробку, бросил Сергею:

— Ну и что так долго?

Начались звонки: всем был нужен известный модельер. То банкир женится, то концерты у поп-див или день рождения миллионера — всех нужно было одеть как можно покруче.

— Але, связь что-то барахлит! Нет, Леночка, с англичанами не хочу. Капризные они — достанут. Нарисуешь им кучу идей, а окажется — нужен обычный смокинг. Скажи... я очень занят — готовлю юбилей губернатора.

— Но ведь платят, — возразила Лена, — и довольно прилично.

— Малышка, не дави на меня! Или, может, ты уже генеральный директор? Короче, англичанам не шью!

После таких отказов у Бочинского обычно сразу поднималось настроение. Продолжая разглядывать медленнодвигающиеся машины, он подумал: «А что, если пробку выкрасить в розовый цвет?»

Снова заверещал мобильный:

— Марик, выручай! У нас премьера. Нужно несколько костюмов, — звонил бывший одноклассник, теперь директор театра. — Знаю, у тебя обвал, но по дружбе, иначе — конец света!

— Ради дружбы, конечно... А что, театры нынче богатые стали? Одежду у кутюрье заказывают. А как с оплатой?

— Сделаю все что смогу, только выручи!

Наконец подъехали к главному входу офиса и припарковались. Бочинский вышел из салона, огляделся — день обещал быть солнечным,

отчего настроение еще больше улучшилось. Захотелось выкинуть что-нибудь... эдакое...

Куривший у входа охранник вежливо поздоровался.

— Что это за бомж? — показал Бочинский на бродягу, стоявшего в двадцати метрах от офиса. Рядом с ним лежала шляпа для сбора подаяния, правда, пустая... — Гони его! Я плачу и за здание, и за землю.

— Эй, дед! — окликнул нищего охранник. — Вали отсюда!

— Чего? — оживился дед.

— Вали, говорю! Генеральный сказал...

— Я не могу.

— Че?

— Я из налоговой, — прохрипел дед, — налоги собираю.

— Ты че, больной? — И охранник «подарил» бродяге увесистый пинок.

Бочинский еще раз обернулся, посмотрел на чистое небо, на разгоровшееся солнце и вошел в офис.

— Давай быстрее! — толкал охранник бродягу.

— Не могу, налоги не собраны... А вы, уважаемый, тоже ничего не кинули в шляпу.

— Щас не в шляпу, а в морду получишь! — Охранник сильнее подтолкнул бродягу.

— Ладно, ладно, сам уйду. Мне здесь сразу не приглянулось... не дежное место. Одни буржуи ходят — жлобы! — заковылял дед по улице.

— И чтоб я тебя здесь больше не видел! — крикнул охранник вслед. — Увижу — прибью!

«Розовый или желтый? — маниакально думал Бочинский, поднимаясь по лестнице. — Какую кофточку к этой матово-ультрамариновой юбке?»

— Марк Эдуардович, здравствуйте, — оторвалась от телефона секретарша Леночка. — Голландцы жалуются, что хотели молодежный стиль, а вы... так их одели...

— Привет, — поздоровался Бочинский, продолжая размышлять: «И все же — розовый или желтый? Розовый... желтый... как бомжей, бомжей одели!» И вдруг обратился к секретарше со словами: — Сделай кофе и позвони Анисиму, пусть деда приведет.

— Какому Анисиму?

— Он у нас один — охранник.

— А какого деда?

— Он знает... бомжа.

Через пару минут вбежал запыхавшийся Анисим:

— Марк Эдуардович, простите, не понял... какого деда?

— Ну, бомжа... ты же его выгнал.

— Того, что налоги собирал?

— Да-да! И быстрее, не то уйдет!

Анисим выбежал из парадной, увидел в конце улицы ковыляющего бомжа и громко окликнул его:

— Стоять!

Людей на улице почти не было. Дед оглянулся и заковылял еще быстрее...

— Стой, урод, тебе говорю! — Нагнав деда, Анисим схватил его за плечо: — Фу, ну и вонь... Пошли!

— Убивать решил? — опешил дед. — За что?

— Ты че... не понял? Генеральный сказал, тебя привести.

— Генеральный сказал, — проворчал бродяга. — А сам что скажешь?

— Заткнись... идем.

— Я только налогов мальчика насобирал, — оправдывался дед, входя в приемную. — Но могу и отдать. Тридцать восемь рублей за все утро, — добавил он, протягивая Леночке горсть мелочи.

— Зачем его притащили? — спросила Лена.

— Генеральный приказал, — ответил Анисим, подталкивая бомжа в кабинет шефа.

— Посмотрите... эти лохмотья... Он же на Арбате. Тут офис известного кутюрье! Оденьте его в хороший смокинг, а сверху — шляпу желтую... И поставьте его перед входом, — сходу заговорил Бочинский и повернулся к бродяге:

— Голоден?

— Немного... Я ведь говорил — здесь хорошее местечко!

Теперь у входа в офис постоянно стоит нищий, в живописном смокинге и желтой шляпе, которые больше не оскорбляют изысканный вкус знаменитого кутюрье. □

Елена Кузина

Любимый, не сжигай мостов,
Людей хороших в жизни мало.
Быть может, через сто веков
Мы сможем все начать сначала.

Конечно, легче без оков —
Лети себе, куда попало,
Но, знаешь, не сжигай мостов —
Людей хороших в мире мало.

Застыл кружок луны лимоном в чашке кофе,
И полукружья рук на полосах колен,
Как глупо не нужны измученные строфы,
Я ощутила вдруг печали сладкий плен.
На веки мне кладет персты свои усталость,

И гладит по плечам почти прошедший день.
Вот-вот, и он уйдет, уйдет, а я останусь.
Со мной моя печаль и ласковая лень.

Мне снилось: я тебя целую,
И ты уже навеки мой,
И позабыл давно другую, —
Как будто не было другой.

Ты пил так нежно и прохладно
Горячий шелест губ моих,
В глазах лучистых, шоколадных
Мой восхищенный взгляд затих.

Но я проснулась — было поздно,
И свет струился из окна,
Уже давно погасли звезды,
И я опять была одна.

Где о золоте, о славе
Жизнь подумать не заставит,
Где одни лишь чувства правят,
Изливаясь в бурной лаве,

Бриллианты слез, улыбки,
Мягкость нежная касаний —
Вот венец моих мечтаний,
Мир, где места нет ошибке.

Я ловко расставляю сети —
Я мастерица их плести,
В них попадают как дети,
Все, кого встречу на пути.
Но тот, кто всех нужней на свете, —
Вне зоны действия Сети... □

Ирина Лыкова

Хороший НЕМЕЦ

— Значит так, товарищи, вопрос должен быть безотлагательно решен... И дело не только в том, что получен приказ командования, который не выполнить мы не имеем права — не менее важно, я бы сказал, архиважно, что политическая ситуация в районе требует немедленных и активных наших действий. Немцы повсюду трубят об успехах на Восточном фронте, о разгроме партизан. Именно поэтому, в наступающий праздник — 1 мая, мы должны громкой акцией утереть им нос и поднять у населения авторитет советской власти!

В штабной землянке было адски накурено, душно и сыро. Затяжной дождь, превративший леса в сплошное болото и сделавший непроходимыми даже звериные тропы, проникал и сюда — в виде частых потегов на бревенчатых стенах и склизкой противной грязи на полу. Единственная масляная лампа, переделанная из гильзы 45-мм снаряда, выхватывала во мраке две высокие фигуры, топчущиеся вокруг небольшого столика с разложенной на нем картой — верстовкой, и еще одну, флегматично развалившуюся на топчане, с чадающей самокруткой во рту. Красноовато-желтые отблески превращали всю троицу в апокалипсических персонажей не то Иеронима Босха, не то Брейгеля.

Возлежащий, а это был политрук отряда Иосиф Штерн, продолжал:

— Настаиваю на атаке железнодорожного полотна на участке Дерябино — Рогов. Это будет реальная помощь нашей армии, которую... — здесь он сделал многозначительную паузу, — которую должным образом оценят в Москве...

— Но вы ведь знаете не хуже меня, Иосиф Давидович, что отряд не в силах провести подобную операцию сейчас! Люди измотаны, боеприпасы наперечет, немцы обложили нас со всех сторон — во как! — Оппонент про-

вел ребром ладони по горлу. — Это будет самоубийственное решение, совершенно невыполнимое. В такую распутицу, в голом лесу, мы будем неизбежно обнаружены, а затем истреблены еще до выхода к намеченному рубежу!

— Так что же, Михаил Игнатович, вы намерены проигнорировать приказ?! — повысил голос политрук до уровня звенящей бронзы, нервно отбросил недокуренную папиросу и уселся на своем ложе, скрестив руки на груди.

Командир отряда, бывший первый секретарь райкома Шахов, ничего не ответил. Он отвернулся и с тоской посмотрел куда-то в темноту, где угадывались двухъярусные нары, застланные овчиной, добраться до которых было в эту минуту пределом его мечтаний.

— Есть еще одна задумка, скажем так — вариант... — раздался голос начальника штаба Безручко. Засунув руки глубоко в карманы галифе, он стоял подле светильника и словно рассматривал что-то интересное в нем. — Только довольно рискованный и... деликатный.

— Ну... — одновременно внимательно посмотрели на него и командир, и политрук.

Начштаба постучал зачем-то ногтем по гильзе, повернулся к столу.

— Возможно устроить диверсию в Рогове — в солдатской столовой работает кухаркой Акулина Сергеева, мы с ней имеем контакт... По счастью, с подпольем она не была связана, поэтому осталась цела после провала. Знаю, знаю: вопрос — как доставить ей взрывчатку... — Безручко снова отвернулся. — В этом главная заковыка и... деликатность. Помните нашу связную с Пчелиного хутора, Анюту Семакину?

— Да ты что, Прохор, она же совсем девчонка, ей едва ли четырнадцать, а выглядит и того меньше, да еще и сирота, и братишка у нее на руках, малой совсем! Нет! — возмущенно замахал руками командир.

— Товарищ Безручко, вы-то должны знать, что отец Анны Семакиной осужден перед войной как враг народа, а мать является дочерью белогвардейского попа, расстрелянного еще в Гражданскую, — добавил с лезжанки политрук.

— Мать Анюты убили немцы...

— А это достоверно не известно! Может быть, и не убита, а живет припеваючи где-нибудь...

— Анюта Семакина неоднократно выполняла наши задания, бывала в Рогове, ее там знают... Часто ходит за продуктами вместе с братом. А главное... — начштаба прокашлялся несколько раз, словно выталкивая из горла нечто неприятное, гадкое на вкус, — что она ни разу не бывала в расположении отряда. В случае неудачи... в случае неудачи, она не сможет

выдать нашу базу. Это главное, потому что другой, запасной, базы у нас нет, как вы сами понимаете.

Все замолчали на некоторое время, полные противоречивых мыслей и чувств. Шахов живо представил себе Анюту, которую помнил еще угукающей в люльке. Ее родителей, Петра Семакина, главного инженера мехзавода, и Веру Федоровну, он знал близко — дружили семьями. До тридцать девятого...

Политрук снова закурил, добавив в поистине «венерианскую» атмосферу землянки еще одну порцию сизо-багрового дыма.

— А в этом есть резон... Детям легче проникнуть сквозь кордоны немцев. И, к тому же, прекрасная возможность Семакиной доказать свою преданность Родине. Я — за!

Шахов и Безручко почти одновременно глубоко и болезненно вздохнули.

По обочине безнадежно раскисшего проселка медленно шли двое. Худенькая девочка в длинном латаном пальто, закутанная до глаз старушечьим платком, неся за плечами тяжелый вещмешок, часто и простужено дышала. Рядом топал малыш лет шести, в ватничке, порыжевшей солдатской ушанке и сапожках, туго обмотанных просмоленной бечевкой, чтобы не расползлись дорогой. Мальчик тоже имел поклажу: увесистый не по возрасту школьный ранец, набитый доверху.

Из хутора они вышли затемно, но до сих пор не выбрались на большак по причине вынужденного изрядного «крюка» и распутицы. Войти в Рогов Анята и Петя Семакины хотели со стороны железнодорожной станции, так как именно оттуда, согласно легенде, они с братишкой несли накопанную в брошенных огородах картошку. Только часов в девять дети оказались на шоссе и прибавили шагу. Петя уже явно устал, но сестра подтягивала его за собой, понимая, что достигнуть цели нужно как можно скорее.

Между тем, распогодилось. Солнце освободилось от мрачно-тягостных туч, весело заиграло на бесчисленных водных зеркалах, заискрилось, рассыпалось всеми цветами радуги, так что даже глазам становилось больно. «Весна! Весна!» — запела природа всеми звуками и красками, словно и не было горя и войны, бесконечных, изнуряющих голода и страха.

Но страх с новой силой сжал сердце девочки, когда они начали спускаться с косогора к мосту, переброшенному через буро-пенистую от дождей реку. Небрежно опершись о перила, с угрюмыми черными винтовками в руках, там стояли два полица. Еще несколько вояк спали на сене в телеге, видневшейся неподалеку на сухом пригорке. Распряженная лошадь паслась среди прошлогодней серой и пробивающейся кое-где зеленой травы.

Когда Аня и Петя вышли на мост, оба полицаи настороженно выпрямились, лица их, до этого скучающие, приняли одинаковое угрожающее выражение.

— Куда топаете, мелочь?

— Мы со станции, дяденьки. Там бомба в заброшенный амбар попала, а в нем картошка зарыта была, так ее и разбросало. Все собирали — и нам досталось немного...

Один из полицаев, повыше и грузнее, давно не бритый, подошел сзади к девочке и через ткань вещмешка пощупал содержимое. Другой вдруг, безо всякой причины, больно щелкнул мальчика по носу. Петя спрятался за спину сестры, от резкого движения ранец расстегнулся, и несколько картофелин покатались по дощатому настилу моста. Полицай пнул их сапогом и со смехом наблюдал, как они, кувыркаясь, полетели в коричневый поток.

Второй тоже хмыкнул, подтолкнул девочку прикладом, лениво ругнулся и приказал:

— Давай быстро куда шли!

Аня почти побежала, не оглядываясь, таща за собой плачущего от обиды брата. Только за поворотом рощи они смогли перевести дух. Солнце сияло все так же радостно и вольно, свежий воздух наполнял легкие, и им хотелось дышать и дышать.

Впереди был Рогов. Город девочка знала хорошо, поэтому они прошли боковыми улочками, почти не встретив немцев. Один только раз мимо них промчался, разбрызгивая во все стороны лужи, мотоциклист в черном плаще и огромных очках, но он не обратил на детей никакого внимания. Примерно через полчаса они выбрались к той самой столовой. Предстояло самое трудное, и Аня почувствовала, как у нее пересохло в горле, а сердце неудержимо забилось. Она сжала зубы крепче, собралась с духом. «Может быть, отправить куда-нибудь Петьку? Но куда? И что он будет делать один? Уж лучше вместе, если что...»

Дети пересекли неширокую площадь, плотно заставленную грузовиками, мимо снующих туда-сюда фрицев, зашли со двора, где огромными кучами были навалены дрова, а также высились штабеля пустых ящиков и коробок. Надо было подойти к заднему крыльцу, позвать Акулину...

В это время короткий и такой знакомый окрик заставил их застыть на месте:

— Halt!

Не замеченный ими раньше солдат-часовой вышел из-за поленницы, держа направленную на них винтовку со штыком. «Наверное, все...» — почему-то совершенно спокойно подумала девочка и крепче прижала к себе брата. Немец приблизился к ним вплотную. Это был невысокий, пол-

новатый, немолодой уже человек, в круглых с золотой оправой очках под рыжеватыми бровями. Такие же густые светлые волосы покрывали его толстые, совсем не страшные пальцы, сжимающие оружие. Шинель сидела на нем мешком, топорщась в самых неожиданных местах.

— Что — есть — там? — указал штыком на поклажу детей часовой.

— Картошка. Мы картофель несем со станции...

— Kartoffeln? Снимайт, показывайт!

Анюта сняла с себя вещмешок, стянула ношу и с брата. Медленно, как во сне, развязала свой мешок, потом расстегнула застёжки ранца. Немец наклонился, поставил ружье прикладом в землю, взял одну картофелину в руку. Она была уродливая — вся замороженная, сморщенная, черная от гнили. Девочка, не поднимая глаз, так и сидела на корточках. Вдруг, как будто извне, посторонние, но полные надежды, пришли на ум слова молитвы: «Господи, помилуй!» Тянулись неимоверно мучительные секунды...

Наконец она решилась взглянуть вверх. Солдат все так же держал несчастную картофелину, но смотрел на мальчика. Глаза его, до этого грозные и строгие, казалось, затуманились и были почти нежными.

— Guter Junge. Wie ist seiner name? (Хороший мальчик. Как его зовут?)

Анюта поняла слово «name» и дрожащим голосом ответила:

— Петя его зовут, то есть Петр...

— Пиотр? Peter? Ich gleichfalls hat Sohn... (Точно так же, как и моего сына.)

Немец осторожно, ласкающим движением руки дотронулся до головы мальчика, потом полез за пазуху и достал что-то завернутое в газетную бумагу. Это оказалась приличная краюха хлеба с прилипшим к ней кусочком сала. Он разломил хлеб на две неравные части, меньшую сунул в карман, остальную часть, завернув в газету, положил в ранец мальчика.

— Gut, kinder, иди дом!

Не веря такому счастью, Анюта взвалила вещмешок на плечи, в левую руку взяла ранец, правой — Петьку за воротник, и собралась уже уходить, как неожиданно снова прозвучало: «Halt! », но уже не страшно, скорее просительно. Девочка обернулась. Солдат подошел к ней, закинув ружье на ремень, и, смущенно улыбаясь, протянул Анюте губную гармошку, покрытую красивыми узорами и какой-то немецкой надписью.

— Fraulein, bitte.

— Спасибо, что вы... — Она хотела отказаться, но солдат молча сунул гармошку ей в карман и пошел быстро прочь.

Анюта смотрела ему вслед несколько мгновений, потом тоже отвернулась, и они с братом направились в сторону крыльца. Подойдя ближе, они увидели в окошке искаженное от страха лицо Акулины Сергеевой, которая,

очевидно, наблюдала всю сцену от начала до конца. Она впустила детей в сени, тут же забрала опасный груз и зашептала полумертвыми губами:

— Вот Бог милывал! Времени у вас час, чешите, как можете! В Рогов потом ни шагу, а попадетесь — смерть!

Еще через некоторое время дети благополучно покинули город, выйдя другой окраиной. Анюта из последних сил тянула за собой брата, который канючил, прося хлеба.

— Потерпи немного, милый, скоро дойдем до леса...

Уже вступая под спасительную крону густого ельника, девочка остановилась, оглядываясь на широко раскинувшийся позади них город. Отсюда, с горки, он казался таким мирным, по-домашнему добрым и уютным. Немного в стороне, среди серебристо-серых тополей, виднелся куполок кладбищенской церкви.

Надо было уходить. Но вспомнились Анюте толстые, с рыжеватыми волосками, пальцы немецкого солдата, его добрая улыбка, «преломленный» хлеб, а также представилось, что случится с этим человеком через несколько минут при ее, Анюты, полном соучастии... Снова взглянув на церковь, словно сквозь пелену, девочка вспомнила давнюю мамину фразу: «Когда будет особенно трудно, припади к стопам Царицы Небесной, Она поможет».

Сложив пальцы щепоткой, Анюта перекрестилась в сторону храма и прошептала от всего сердца:

— Божия Матерь, спаси хорошего немца!

В один из майских дней, сразу после утреннего развода Анюту Семякину вызвали в штаб отряда. Она вбежала туда, запыхавшись, полная тревожных мыслей. С облегчением увидела, что кроме командира в землянке больше никого нет.

— Заходи, садись, — прервал Шахов начавшую докладывать девочку. — Чай будешь?

Он налил в кружку кипятка из огромного латунного чайника, стоявшего на буржуйке, подвинул к Анюте коробочку с пиленым сахаром. Анюта достала два кусочка, мраморно-твердых на ощупь, и положила рядом с собой, для брата. Командир заметил ее колебания, улыбнулся:

— Ты клади сахар-то. Для Петьки, вон, целый кулек карамелек приготовлен, подушечки... Захватишь. — Потом сел напротив нее, возвышаясь, как огромный сенбернар над котенком, и продолжил: — Вот что, Анна... прежде всего, от лица командования выражаю тебе благодарность за успешно проведенную операцию. Такое, что вы с мальцом сотворили, не каждому взрослому по плечу...

Девочка хотела вскочить и ответить, как положено: «Служу Советскому Союзу!», но что-то защемило у нее в груди, и она только ниже склонила голову над кружкой.

— В общем, молодцы вы. Только... — Михаил Игнатьевич слегка замялся, будто собираясь добавить к сказанному ложку дегтя, — одна закавыка вышла. Едва заряд ваш заложили, да время пошло — тут наши доблестные соколы тоже, видать, решили фрицев с 1 мая поздравить... Само собой: «Ахтунг, ахтунг, воздушная тревога! », немчура по укрытиям разбежалась, а фугас и рвани, да так, что кастрюли и тарелки по всему Рогову разлетелись! Испортили мы, значит, фашистам обед... — усмехнулся командир. Заметив в глазах девочки слезы, он положил свою широкую ладонь ей на голову и успокаивающе добавил:

— Да ты не переживай, не зазря вы ходили! Возле столовой машины с гестаповским архивом стояли, так им полный каюк! Такого подарка мы не ожидали! В общем, подали мы на тебя, Анна, наградной лист. До лета здесь пообитаете, а потом на самолет — и на Большую землю, учиться... Ну, чего разревелась?

Анюта уже плакала, что называется, в три ручья, но на душе было так тепло и радостно, как никогда, наверное, еще не бывало в жизни. Она нащупала гармошку в кармане пальто, снова, как воочию, увидела кладбищенскую церквушку среди тополей, крестик над куполом, весеннее солнце в тысяче луж, голубое небо — и тихо, одними губами, прошептала, одной ей известно Кому: «Спасибо...» □

Елена Логунова

КОРОЛЕВА

Страшной Силы

(сказка для взрослых)

Гору не зря назвали Ведьмина Шляпа: она была высокая, остроконечная, с гладкими, как шелк, ледяными склонами, обвитыми вуалью тумана. На голых скалах глазу зацепиться было не за что, хотя для рук и ног имелись вполне удобные крючья. Альпинист на подъеме лениво считал их:

— Две тысячи десятый, две тысячи одиннадцатый, две тысячи двенадцатый...

Про то, что тринадцать — число несчастливое, он забыл, а напрасно. Потому что именно две тысячи тринадцатый крюк вывалился из скалы прямо под его рукой! А в следующую секунду и нога соскользнула с надежного, казалось бы, крюка № 2012, и альпинист, совершавший восхождение, превратился в парашютиста, совершающего затяжной прыжок! С той разницей, что за спиной у него был не парашют, а обыкновенный рюкзак.

Холодный ветер, ударивший снизу, подхватил отчаянный крик «Спасите!» и подбросил его к вершине горы, откусив при этом половинку слова, отчего Дракон в своей пещере услышал только «Спа...» и сердито заворчал:

— Надоели уже с рекламой, глупые люди! То СПА, то солярий, то маникюр-педикюр!

Пыхнув дымом, он высунул из норы Левую Голову, которая была ближе к выходу, рывкнул вниз:

— Не нужны мне ваши клубничные маски для лица! — и только благодаря этому увидел падающего Альпиниста.

— Помогите! — выкрикнул тот, и ветер снова съел половину слова, но на этот раз Дракон догадался, что долетевшее до него «Пома...» — это не реклама губной помады.

Надо сказать, что Дракон был очень сообразительный и именно поэтому дожил до наших дней — один-единственный из всего вида Драконов Трехголовых Обыкновенных. Таким образом, он сделался необыкновенным, из-за чего постоянно чувствовал назойливое внимание к себе людей, особенно работников кино, телевидения и рекламы. А также космонавтов на орбите и пограничников на вышках.

Стоило только Дракону выбраться наружу, как об этом немедленно узнавал весь мир, потому что его показывали во всех телевизионных новостях, причем, не в лучшем ракурсе (вид снизу, на теплое нижнее белье). Политики начинали спорить, связано ли появление Дракона с военным конфликтом на Востоке. Кутюрье решали, соответствует ли расцветка драконьей шкуры модным тонам сезона. Метеорологи по высоте его полета прогнозировали погоду, а военно-воздушные силы окрестных стран объявляли повышенную боеготовность. Последнее раздражало Дракона больше всего. Он был неуязвим для стрел, пуль и мелкокалиберных снарядов, но ракеты класса «земля-воздух» оставляли на бронированной алмазами шкуре некрасивые шрамы. А замена драгоценной чешуи в ювелирной мастерской влетала в копеечку.

Внедрению Интернета в его пещерную жизнь Дракон противился, поэтому почту ему время от времени доставлял Альпинист. Против регулярного получения кучи писем, газет и журналов Дракон не возражал, потому что никакого «горючего» в его пещере давно не осталось, а бумага была неплохим топливом.

Сложив крылья, Дракон головами вниз ухнул в крутое пике. Позже восхищенные телезрители наблюдали на экранах, как за секунду до встречи с землей он дыхнул огнем и поднялся вверх на реактивной тяге. Из трех пастей, как из сопел, вырывалось пламя, тело серебрилось, как ракета, а на самом кончике вытянутого в струнку хвоста, точно рыба на крючке, нелепо болтался выхваченный из воздуха Альпинист.

— Уфф! — сказал он, оказавшись в пещере. — Я уж думал, это был мой последний спуск. Спасибо, что спас меня! Век не забуду.

— Веком больше, веком меньше — какая разница, — угрюмо пробормотал древний Дракон, аккуратно расправляя на входе маскировочную занавеску из плюща. — А вот хорошая репутация — она дорогого стоит! — Он посмотрел на гостя с недобрим прищуром и добавил: — Из-за тебя я сегодня выпал из дома немывтым, небритым, непричесанным, с нечищенными зубами, и теперь мною снова будут пугать детей!

— Не ешь меня, и я всем расскажу, что на самом деле ты большой аккуратист и чистюля! — пообещал Альпинист и сбросил рюкзак. — Кстати, сегодня я принес тебе кое-что интересное.

— Неужели? И что же на этот раз? — Дракон с тоской покосился на грудку макулатуры. — Просьбу о пожертвовании благотворительному Обществу охраны тритонов? Приглашение на чемпионат по скоростному надуванию воздушных шаров? Научный труд «Образ дракона в средневековой литературе»?

— Не угадал! — улыбнулся Альпинист и протянул Дракону глянцевого журнала.

— Моя родная мама! — охнул тот, едва взглянув на обложку.

— Неужели похожа? — удивился Альпинист и тоже посмотрел на обложку, украшенную фотографией красавицы в скудном наряде из короны, тубелек, купальника и ленты с надписью: «Мисс Дракон».

Он перевел взгляд на портрет родной драконьей мамы, затем на портрет родной драконьей бабушки, а вот родную драконью прабабушку разглядеть уже не смог, потому что в дальнем углу пещеры было совсем темно. Но и по маме с бабушкой было видно, что сходства с журнальной красавицей у драконьих родственниц очень мало.

— Кто это?! — кипятился Дракон, сверля глянцевое фото трижды гневным взглядом. — Зачем?! И почему?!

— Потому что каждый уважающий себя Дракон обязан хотя бы раз в жизни пленить прекрасную принцессу, — напомнил ему Альпинист. — Ты же не думал, что в наше прогрессивное время тебе позволят пленять, кого попало? Разумеется, был проведен конкурс, и вот, пожалуйста, жюри выбрало Мисс Дракон!

— Но мне нравятся головастенькие! — жалобно протянул трехголовый Дракон.

— Тебе ее недолго терпеть! — успокоил его Альпинист. — Ведь конкурс заявлен как регулярный, так что через год почетное звание перейдет к новой Мисс!

— И каждую я должен буду пленять?! — ужаснулся Дракон. — Но я не могу! Это противоречит традициям и моим моральным устоям! В конце концов, мне не позволяют жилищные условия!

Он раздраженно пыхнул пламенем, и гость ловко подставил под струю огня жестяной чайник. Из носика повалил пар.

— Все, успокойся! — сказал Альпинист, когда чайник засвистел. — Ты спас мою жизнь, а я спасу твою. Обещаю, мы что-нибудь придумаем.

Он расставил на обеденном камне чашки, вынул из рюкзака конфеты, печенье и банку тушенки, ловко вскрыл ее, вывалил мясо в миску и, как бы между прочим, поинтересовался:

— Ты все еще вегетарианец?

Левая голова Дракона в этот момент загляделась на печенью, Правая уже потянулась к конфетам, но Средняя заметила, что, интересуясь драконовыми принципами питания, гость посмотрел не на миску, а на Мисс.

— Не буду я ее есть, такую костлявую, даже не надейся! — огрызнулся Дракон, помотав всеми тремя головами.

— Ладно, подумаем еще, — согласился Альпинист. — В конце концов, мало ли способов избавиться от какой-то там принцессы?

— Смерти моей хотите?! Убить, искалечить, маникюр мне испортить?! — визжала Принцесса, которую поднимали к вершине на веревках.

Дракон осторожно высунулся из норы, услышал: «А какая у него пещера, всего лишь двухкомнатная? И потолки невысокие? И без балкона?! И даже без лифта!» — и снова спрятался.

— Ты уверен, что она Принцесса? — хмуро спросил он у Альпиниста.

— Бери выше — она Королева красоты, — также хмуро ответил тот.

Оказавшись внутри и внимательно оглядев Дракона, красавица бросила с недовольством:

— Хм! Дракон, говорите? А, по-моему, обыкновенная гигантская ящерица!

— Так уж и обыкновенная! — обиделся Дракон.

— Обыкновеннее некуда! — кивнула Принцесса. — А ты знаешь, кто я? Я — Королева красоты! А ты знаешь, что такое красота? Красота — это страшная сила! То есть, я у нас, получается, кто?

— Королева Страшной Силы! — смекнул Дракон.

Как уже говорилось, он был очень сообразительный.

Потом красавица решительно оборвала плющ на входе, а через минуту рядом с вершиной завис вертолет, и с него в пещеру полетели мешки, тюки и коробки.

— Ну, мне пора! — поспешно откланялся Альпинист.

Дракон забился подальше в угол — к портрету прабабушки, и оттуда слушал, как Принцесса за грудой тюков шуршит шелковыми юбками, конфетными фантиками и страницами модного журнала «Идеальный дом». Уснула она только после того, как составила длинный, в шесть локтей, список самых нужных ей вещей.

Среди ночи Дракон проснулся от щекотки. Бормоча: «Бриллианты — лучшие друзья девушки!», Принцесса настойчиво тыкала в драконий бок острой пилочкой для ногтей.

— Где камушки взял? — требовательно спросила она, увидев, что он проснулся.

— Там, — Дракон постучал хвостом в пол. — Прямо под нами алмазная жила...

— И долго ты еще будешь тут валяться, бездельник?! — возмутилась Принцесса.

Оттоптав Дракону лапу, она перебралась через гору вещей и энергично заскрипела пером. Дракон осторожно протянул над баррикадой Правую Голову и увидел, что Принцесса дополнила свой длинный список, написав: «№413 — хорошая крепкая кирка». Потом покачала головой, зачеркнула написанное и жирно вывела сверху: «№413 — ДИНАМИТ!!!»

А утром Дракона в пещере не оказалось.

Принцесса обнаружила это, когда захотела горячего чая, и так расстроилась, что от ее визга и крика по склону сошла лавина, накрывшая грузовик с очередной партией самых нужных вещей. То ли от буйства Принцессы, то ли сам собой обвал случился и в глубине горы. Алмазную жилу засыпало напрочь, а на краю непроходимой преграды спасатели нашли торчащий из-под завала драконий хвост.

В тот же день Принцессу эвакуировали из пещеры, и уже к вечеру она давала интервью о своей жизни с Драконом. По всем каналам показывали его последнюю спутниковую фотографию в траурной рамке. В окрестных странах приспустили государственные флаги, по радио передавали грустную музыку, по телевидению транслировали балет.

Цивилизованный мир достойно прощался с Последним Драконом.

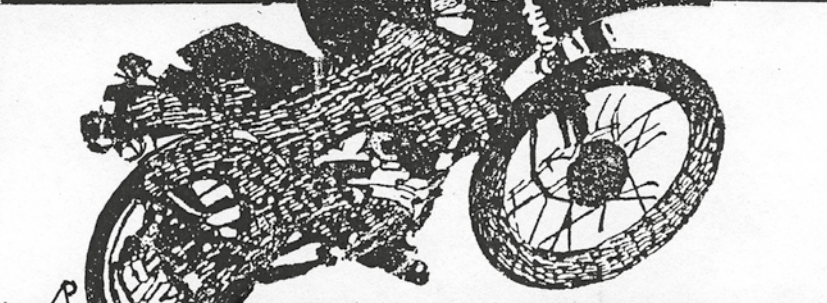
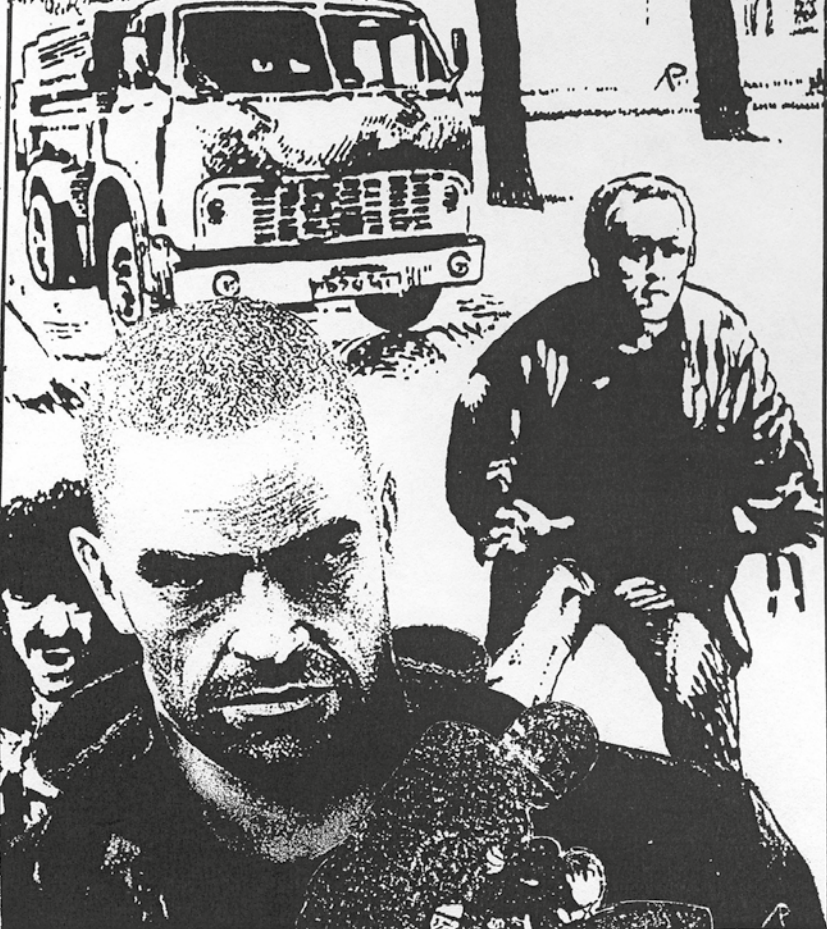
Спустившись в глубокое ущелье по другую сторону хребта, Альпинист долго в молчании сидел на большом рюкзаке. Наконец из трещины в скале, извиваясь и сопя, вылез изрядно помятый Дракон. В зубах он держал чайник, чашку и перочинный нож, а под мышками — свернутые рулонами портреты предков.

— Долго ты, — сказал Альпинист, поднимаясь с рюкзака. — Держи, дружище. Тут вода, сухой паек, карта, компас и маскировочное одеяло. Куда пойдешь?

— Туда! — обрубком хвоста Дракон неопределенно махнул в сторону самых диких гор.

— Эх, хороший был хвост, — с сожалением проговорил Альпинист. — Такой длинный, зеленый, шипастый!

— Ничего, до свадьбы отрастет, — сказал Дракон, смущенно порозовев. — Кое в чем она была права: дракон — это всего лишь гигантская ящерица! □

ПРОСБИТ

Глава 21

Новосибирск, 25 июля
Мы делаем бомбу

Ну, тут такие дела начались, что никогда бы не подумал.

В Новосибирске мы по плану — два дня. И дай Бог, чтобы все было по плану. Потому что есть большие сомнения.

Короче, вчера — а точнее, сегодня утром — мы втроем, вместе с Ефимом и его, ранее мне неизвестным, дружком-азиатом, запалили костерчик за городом и сожгли на нем чуть не тонну героина. На сумму, которую даже озвучить страшно.

Порошок был буквально везде: в трубах багажника и «кенгурятника», в пластиковых бамперах, в скрытых полостях и даже в запасной канистре. Мне пришлось даже перезаряжать дрель, столько дыр насверлили.

Вот такие дела.

Продолжение. Начало в №4, 2012 г.

ПРОБЕГ

Черт, я ведь сразу, как только пулевые следы в дверце нашел, понял, что дело мирно не кончится. Надо было, конечно, не медля, в милицию обратиться, но тогда бы пробег сорвался.

Я думаю, такие же мысли терзали и Береславского. В итоге, мы молча выбрали пробег, но теперь опасаемся, как бы он не завершился слишком скоро.

А утром Ефима — выкрали.

Самурай, дружок его, на десять минут отвлекся, как профессора и след простыл.

Это сейчас можно пошутить, а тогда было не до смеха. Телефон его не отвечал. Решили, если к лекции не придет — поднимаем шум.

К лекции Береславский пришел. Сказал, что все обсудим позже, после чего час с лишним рассказывал про что-то железное, а потом еще отвечал на вопросы.

Когда собрались в номере, он нас и огорошил. Достал пачку долларов, положил на стол.

— Это что? — спрашиваю.

— Мой гонорар.

— За что?

— За доставку героина. От Москвы до Новосибирска.

Самурай за всем этим наблюдал и улыбался. Ему было смешно. А мне — ни капельки.

— Ты чего, озверел? — обратился я к Ефиму.

— Да нет, все так и есть. Доставил же. Я и расписку им написал.

— Когда героин надо отдавать? — вступил Самурай.

— Завтра утром.

У меня совсем крыша поехала. Точно срочно бежать надо. Это если еще дадут. Наверняка они за нами соглядатая поставили. И не одного.

Но бежать мои товарищи отказались.

Может, в этом они как раз правы. За такие деньги найдут где угодно. Да и не привыкли мы к нелегальной жизни.

Тогда я поинтересовался, что в итоге будем делать.

— Ты просто пересядешь в другую машину, — объяснил Береславский. И начал бубнить какую-то глупость, что вдвоем защищаться проще, чем втроем.

Никуда я не пересяду. Во-первых, это ничего не даст. Слишком большие деньги. Это как в анекдоте про киллера, который, получив бешеные «бабки» и узнав номер дома, пошел взрывать клиента, даже не спросив номера квартиры.

А во-вторых, мне 51 год, и я еще ни разу не бросал друзей в беде. И начинать новую традицию в моем возрасте вряд ли стоит.

Есть еще — в-третьих. Сильно опасаясь, что моя профессиональная помощь тоже может скоро понадобится.

— Так что делать будем? — теперь уже спросил Самурай.

— Давайте думать, — предложил Береславский.

И мы начали думать.

Попутно Ефим рассказал про свое утрешнее пленение и подробно нарисовал схему дома на воде.

В общем, решили идти поэтапно.

Сначала Ефим звонил своим друзьям из разных органов. Здесь нам крупно не повезло. Кого-то — самого крутого — не было на месте, кто-то — в отпуске. А один, выяснив, с кем мы имеем дело, перезвонил через двадцать минут и сказал, чтобы мы бежали в ФСБ, причем срочно.

На это ушел один час. Результат — ноль.

Потом он позвонил своему местному другу, но — штатскому. Попросил максимум информации о Гнедышеве. Тот обещал раздобыть все, что сможет.

— Есть еще предложения? — спросил наконец Береславский.

— А что значит — еще? — ответил я. — Разве какие-то были?

— Да. Бежать в ФСБ.

— А потом всю жизнь отмываться от героина.

— У тебя есть другие предложения?

У меня не было других предложений.

Зато у Самурая были.

Он предложил убить Гнедышева и похитить недобитого хозяина нашей «Нивы». Всего ничего.

— А зачем тебе хозяин «Нивы»? — поинтересовался я. Просто из любопытства.

— Мне нужны деньги, — честно ответил Самурай. — А у него они, наверное, есть. Вон, Ефиму в легкую десятку дали. Он ведь продал героин Гнедышеву?

— Не знаю, — ответил ему Ефим. — Может, и продал. А как ты хочешь убить Гнедышева?

Тот показал Береславскому пистолет. Ефим взял его, ловко перекинул из руки в руку и с явным сожалением вернул оружие другу.

— Нет, это не вариант, — сказал он. — Такой штукой их не пробить. Нужно придумать другое.

Я просто обалдевал от них. Сидят два штатских придурка, — пусть даже и с пистолетом, — и на полном серьезе обсуждают, как им лучше убить одного профессионального преступного «авторитета» и захватить другого.

Правда, потом от захвата отказались. А вот от ликвидации Гнедышева — нет.

— Ребят, может, вам лед к башке приложить?

— Видишь ли, Док, — спокойно ответил Береславский. — Либо мы сделаем это, либо они сделают нас. И срок — сутки. Двадцать четыре часа. А может — меньше.

Нет, я не мог это слушать. Меня не покидало ощущение, что я присутствую на сюрреалистическом спектакле, где смысл вовсе не интересен ни участникам, ни зрителям. Но моих поделльников — теперь их правильно так называть — это ни в малой мере не смущало.

Они долго изучали схему расположения дома.

— Из винтовки я бы достал, — сказал Самурай. — Это я только из пистолета не умею.

— Есть винтовка, — обрадовался Береславский. — СВДэшка. У часовых на пристани.

— Тогда надо будет «мочить» и ту четверку, на КПП, — отверг этот план Самурай.

О, Господи, больше не могу все это выслушивать! Я пошел к мини-бару и в раз «уговорил» бутылку пива.

Вернулся в тот момент, когда Береславский разговаривал по телефону со своим новосибирским другом. Он говорил минут десять, не меньше. Только как-то тихо и печально. И односложно. Не как обычно.

— Ну и что сказал друг? — спросил я.

— Предложил нас спрятать. У него в деревне. Сто километров отсюда. И ружья есть, охотничьи. В лесу это серьезно.

— Не выйдет, — возразил Самурай. — Нам вряд ли дадут уехать. А что он еще говорил про Гнедышева?

— Плохо говорил, — вздохнул Ефим. — Широко известен в узких кругах. Множественные связи в силовых и властных структурах. Очень дерзок и слишком педантичен. И еще — он все время торчит на своей даче. К нему туда на поклон разные личности ездят. А он их на троне принимает. Все дни, кроме среды.

— А что по средам?

— По средам не принимает. По средам он там один, не считая охраны.

— Значит, если его взорвать в среду, совесть нас мучить не будет, — подвел итог Самурай.

— Ладно, — подвел промежуточный итог Береславский. — С винтовкой вариант рассматриваем?

— Нет, — отрицательно покачал головой Самурай. — Четыре непричастных трупа — это много.

— А если взрывать — меньше будет?

— Если в среду — то меньше, ты же сам сказал. А среда завтра. Не зря же такое совпадение. Шаман говорит, таких совпадений без ведома, — он показал пальцем вверх, — не бывает.

Господи, мой друг и его странный приятель — точно психи! Шаман их консультирует, надо же...

— Значит, будем взрывать, — подвел черту Ефим.

— А где возьмешь тротил? — спросил я. Просто так, для поддержания разговора.

— Надеюсь, это будет не тротил. Если получится.

— А если не получится?

— Тогда — тротил. Или еще что-нибудь: аммонит, аммонал, ксилит, мелнит, гексоген, диацетат — этой хрени наделать недолго. Тебе достаточно, Док?

— Достаточно. А реторты свои будешь прямо в номере устанавливать?

— Лабораторию найдем, — задумчиво ответил Береславский, уже, похоже, погруженный в тонкости технологических процессов. — У меня тетки знакомые в здешнем «универе». Пронитровать толуол я уж как-нибудь сумею. Отожмем бляшки, высушим и спрессуем. Но это, конечно, морока долгая. И опасная. Особенно с самодельными взрывателями. Проще с диацетатом повозиться. Он взорвется от огня, без детонатора.

— Никогда не думал, что сделать взрывчатку — так просто, — усомнился я.

— Гораздо проще, чем тебе кажется, — неуместно хохотнул Береславский и снова занялся телефонными переговорами.

Сначала — московскому другу-отставнику, большому спецу, как он объяснил.

Потом, по наводке, его сослуживцу из Новосибирска.

Затем позвонил водителю первого экипажа, Василию, здоровому детине угрожающего вида, и попросил что-то дикое: забрать записку из пустой пивной бутылки, которую сейчас Док выкинет в урну перед входом, и посмотреть, не идет ли кто за Доком. А потом, если не трудно, выполнить то, о чем он попросит в записке. А если трудно — можно не выполнять.

— Ты там не перегрелся? — забасил из трубки Вася. — Я сейчас к вам зайду.

— Ни в коем случае, — спокойно проговорил Береславский. — Через 10 минут Док выбросит бутылку. Сделай, пожалуйста, как я сказал. Или не делай никак, — и дал отбой.

Потом написал записку, довольно длинную, завернул ее в полиэтиленовый пакетик, засунул в пустую тару и, протянув мне, хмыкнул:

— Попутного ветра, Док!

Маразм, конечно, но я пошел и все сделал, как мне сказали.

Звонок раздался через пять минут после моего возвращения. Звонил наш Василий. Его встревоженный голос был хорошо слышен.

— За ним шел мужик. Еще за вами следят двое. Что у вас там творится? Убрать этих козлов?

— Вась, ради Бога, ничего не предпринимай. Ты все испортишь. Если сделаешь, что в записке, — огромное спасибо. Откажешься — тоже не обижусь. А к утру надо будет действительно отвлечь этих. А может, раньше. Но только по команде.

— Ладно. Ты старше, тебе виднее, — пробурчал Василий. — Сейчас поеду.

— А куда мне заложить бомбу? — спросил Самурай.

— Тебе — никуда, — ответил Ефим. — Там весь периметр под лучами. А быть она должна под его тронем, где же еще. Вовка говорит, он там всю среду с удочкой просидит. Он же шизик, они часто по ритуалам живут.

— А кто такой Вовка? — поинтересовался я.

— Я же с ним только что при тебе разговаривал, — начал злиться Берславский. Нет, лучше его сейчас не трогать.

— Так как заложить-то? — еще раз спросил Самурай.

— Либо с воздуха ударить, либо с воды, — раздумчиво ответил Ефим. — Другого варианта не вижу. Смотря что нам принесут. Док, для тебя есть дело.

— Какое?

— Сейчас поедешь в город, купишь удочки, только подлиннее, ну и прочую рыболовную хрень. Потом — в «Детский мир», купишь самые большие модели радиоуправляемого самолета и катера. Если там нет, узнаешь, где есть, и купишь там.

— Может, еще подводную лодку купить? — издевательски спросил я.

— Хорошая идея, — сначала обрадовался наш академик. Потом отврег: — Мы ее не отследим на расстоянии. Давай самолет и катер.

— А деньги? Они же дорогущие.

— Вон, на столе, пачка целая. Поменяешь в обменнике внизу.

— А можно ему? — забеспокоился за меня Самурай. — За ним же следом чувак пойдет.

— Пусть идет. Покупает мужик игрушки. Кому-нибудь придет в голову — для чего?

— Уж точно никому не придет, — с чистой совестью заверил я.

Кому же такое может прийти в голову?

Глава 22

Новосибирск, 25 июля
Пльиви, пльиви, кораблик

Как и предполагал Ефим, за Доком даже шли недолго. А уж когда он зашел в «Детский мир», «топтун», видимо, получил приказ заняться более важными делами.

В «Детском мире» больших моделей не оказалось — они продавались в специализированном магазине, который так и назывался — «Радио-управляемые модели». Об этом ему любезно сообщил продавец, он же и адресок дал.

В специализированном магазине выбор был не просто большой — он был чудовищный.

— А вам для какой цели? — поинтересовался желающий помочь продавец-консультант.

Док даже вздрогнул. Мужика одного взорвать! Интересно, если бы он так ответил, что бы посоветовал консультант?

— А какие бывают цели? — вместо этого хрипло спросил Док.

— Ну, в основном, развлекательные. Я знаю, один чудака морские бои устраивает, а другой — катера из «снайперки» расстреливает, оттягивается таким образом. Большой самолет можно камерой снабдить, есть усадьбы громадные — осматривать можно.

— Вот мне такой самолет, пожалуйста, и катер, большой.

Катер Док выбрал пожарный. Он, кроме того, что умел двигаться вправо-влево и добавлять и убирать «газ», обладал еще одной прикольной особенностью: при нажатии отдельной красной кнопки из его крошечного брандспойта вылетала довольно-таки ощутимая струя воды!

Забирая огромные коробки, Док поинтересовался, на каком бензине работают движки моделей, и был очень удивлен, что не только у катера, но и у самолета двигатели электрические. И здесь, похоже, он отстал от жизни...

Затем, как и было велено, Док купил длинные удочки и подсачки, домой доехал без приключений и прибыл как раз к развороту событий — Ефим аккуратно разобрал доставленную Василием объемистую посылку.

Она состояла из трех частей, сложенных строго отдельно.

В первом пластиковом пакете лежали небольшой паяльник, припой, скрученные в моточки разноцветные провода, бухточка огнепроводного шнура, изолента, герметик, универсальный клей в тубике, маленькие кушачки и ножницы, дешевые электронные часы, крохотная отвертка со сменными лезвиями (она же — электропробник), скобы с отверстиями и шурупчиками и несколько разного вида батарей, включая девятивольтовые аккумуляторы.

— Отлично, — вслух сказал Береславский. Разве что ручки не потер от удовольствия. — Набор юного вредителя. Ничего лишнего, ничего не забыто.

Он аккуратно открыл вторую коробочку с плотно закрывающейся крышкой. Там в специально вырезанных в поролоне гнездах лежали четыре совсем небольших продолговатых предмета, три — беленьких, и один — желтенький. Из беленьких торчали проводочки.

— Вообще супер, — прокомментировал Ефим. — Самому делать взрыватель — это уже перебор. Пробовал в детстве, из пороха и лампочки от карманного фонарика.

— Чего только ты не пробовал, — пробурчал Док.

— А что — взрывчатку проще? — поинтересовался Самурай.

— Несравнимо, — с удовольствием объяснил Береславский, нежно поглаживая пухлыми пальцами мирно лежавшие цилиндрики. — И без особых проблем. Взрывчатка спит, пока цепная реакция не инициирована.

— Какая еще цепная реакция? — встрепенулся Док. — Ты что, атомную бомбу собрался строить?

— Химическая цепная реакция, — снисходительно объяснил Ефим. — Я, вообще-то, по первому образованию, инженер-химик.

— Это многое объясняет, — улыбнулся Самурай, внимательно наблюдавший за всеми его манипуляциями.

— Так вот, — привычным лекторским тоном продолжал рекламист, — сделать взрывчатку не слишком сложно — даже из самых распространенных в сельском хозяйстве материалов. И довольно безопасно к тому же. А вот с инициирующими взрывчатыми веществами — дело совсем другого рода. Они потому так и называются, что взрываются от любого щелчка. Ну, почти любого, — поправился он. — Поэтому большинство любителей подрываются либо при возне с капсулом-детонатором — их легко опознать по отсутствию пальцев и одного глаза, — либо при установке его в бомбу. Последние обычно опознанию не поддаются.

— Слушай, а почему — одного глаза? — спросил Док. — Почему не двух?

— Не знаю, — честно ответил профессор. — Мне один сапер рассказывал.

Док с опасением посмотрел на неприятные цилиндрики.

— А не рванут они сами по себе? — опасливо спросил он.

— Не бойсь, — успокоил его Ефим. — Фабричная работа. Никакой самопальщины. Вот видишь, желтенький — это КД-8М. А беленькие с проводками — это ЭД. Но внутри у них — все тот же КД-8, только — А, — и потянулся толстыми пальцами к коробке.

— Убери руки, черт побери! — взвился Док, мало что понявший, но уже полностью поверивший в проблемы, которые могли проистечь от этих аккуратненьких цилиндриков.

— Ладно, ладно, — успокоил его профессор. — Давай дальше подарки смотреть.

Так, что у нас в третьем мешочке? Высший класс!! — чуть не заорал он, разворачивая третий, черный и довольно большой пластиковый пакет.

— Что там? — заглянул из-за его плеча Самурай. — Замазка какая-то.

— Ага, — радостно подтвердил Береславский. — Очень пластичная штука. Можно даже в письмо вмазать. Она так и называется — пластид. Я на это даже не рассчитывал. Максимум — толстые шашки, а то и аммонит промышленный, россыпью. А тут — такая конфетка.

— Слушай, а ты гостиницу нечаянно не взорвешь? — спросил Док.

— Исключено. Я же объяснил: пока они отдельно, — показал Ефим на взрыватели и взрывчатку — ничего не будет. А снаряжу я все уже на улице.

Потом началось разглядывание покупок Дока. Самолетом полюбовались, но оставили в сторону. По нескольким причинам сразу: отсутствуют навыки пилотирования таких моделей; невозможно взять на борт — и удобно разместить — большое количество взрывчатки. И, наконец, третье соображение заключалось в том, что разрыв на

открытом воздухе такого легкого снаряда — в основе модели были пластик и бальсовое дерево — не даст ни серьезной ударной волны, ни опасных для жизни осколков.

В то время как катер, зашедший под деревянный настил пристани, несомненно, всю ее и поднимет в воздух: вода — среда практически несжигаемая.

— А взрывчатки хватит?

— С верхом, — заверил Береславский. — Тут перебор тоже ни к чему. Вопрос только один — сколько мы сможем этого добра запихать в катер?

С этим как раз вышла проблема. Грузоподъемность катера была небольшая, да и внутреннего пространства в его корпусе почти не было. Если б взрывчатка не была пластичной, то даже пара двухсотграммовых шашек вряд ли бы вошла. А так — вмазали довольно прилично.

И все равно Ефим сомневался.

Идею родил, как ни странно, Док. Он предложил сделать из катера тримаран, приспособив по бокам пустые пластиковые бутылки в качестве поплавков.

В итоге появилась смешанная конструкция, где бутылки были одновременно и поплавками, и носителями заряда, благо, взрывателей хватало.

Готовую конструкцию — но без взрывателей — испытали в ванной. Она была вполне устойчивой и управляемой. Единственное, что не имело ответа — сможет ли это чудо идти против быстрого течения. Поэтому решили запускать его сверху, чтобы с течением не пришлось бороться.

На всю возню у Ефима ушло почти четыре часа. Опытный человек сделал бы это втрое быстрее, но Береславский торопиться не собирался, время еще оставалось. Все соединения были тщательно пропаяны и изолированы. Все контакты проверены. Все технологические отверстия заклеены или закрыты герметиком, кроме, разумеется, мест установки взрывателей. Это предполагалось сделать в последнюю очередь.

Затем Ефим, не таясь, пошел к друзьям — «пробежникам». За ним мгновенно пристроились два «топтуна», до этого сидевшие в холле.

У ребят он взял три рации, распахал их по карманам и тут же, в киоске внизу, купил свежие батарейки — от связи в завтрашнем мероприятии зависело если не все, то — многое.

Потом подошел к окну в холле — окна его с Доком номера выходили на другую сторону — и убедился, что все пять «Нив», в том числе и злополучную «Стройдиновскую», уже пригнали с профилактики. Они рядком стояли на хорошо охраняемой площадке рядом с отелем.

«Как бы Гнедышев ночью не решил ее проверить», — подумал он. Но отогнал опасение, как беспочвенное. Сила Гнедышева как раз и заключа-

лась в том, что он никогда не сомневался в себе и своих возможностях. Но в этом же заключалась и его слабость. По крайней мере, Ефим очень надеялся завтрашним утром это доказать.

В данной ситуации его напрягала лишь одна мысль — он не знал, сколько людей будет рядом с пристанью в момент взрыва.

По расчету, особых жертв не предвиделось: взлететь на воздух должен был самый слабый элемент — закрытая дорогой древесиной плоскость с треном. Но — расчеты одно, а жизнь — другое.

Ефим даже присел в кресло, в последний раз «прогоняя» в голове всю цепочку предстоящих событий.

Если не сделать того, к чему он так кропотливо готовился, то жить ему и Доку недолго. А, может, и не только им. Гнедышев просто так не отступит, это в нем заложено генетически, так же, как глупое презрение к чужим жизням.

Это — одна чаша весов.

На второй — жизни тех, кто может случайно оказаться рядом: его близких, его солдат, его гостей.

Но ведь они должны четко понимать, что, встав рядом с таким... — даже не знаешь, как назвать, — рискуешь принять часть справедливого гнева на себя.

И у каждого есть выбор...

Глава 23

**Новосибирская область, 26 июля
Путру, на реке**

Выехали, еще только светало. Вот тут пригодилась отвлекающая операция, которую Васи-

лий, и так обиженный, что его держат в неведении, провел вместе с товарищами прямо-таки с удовольствием.

«Топтуны» были слегка помяты, затем некоторое время удерживаемы. А потом от них уже ничего и не зависело.

За рулем сидел Ефим. На посту, на выезде из города, их остановили. У Дока чуть сердце не остановилось, когда к ним подошли три милиционера — офицер и двое с автоматами.

Но Ефим объяснил, что машина пришла с профилактики, и ее хотят немного обкатать. А заодно и порыбачить — показал он на торчащие из окна удочки. Всерьез обыскивать «Ниву» никто не стал.

Приехали на выбранное по карте место заранее. Спокойно вытащили припасы. Самурай с Доком должны были определить скорость течения и выбрать, так сказать, фарватер. Кроме того, Самураю предстояло вплавь доставить катер на середину реки, чтоб не тратить на это энергию аккумулятора, после чего скрытно подобраться поближе к берлоге Гнедышева.

Дальше его роль сводилась к почти созерцательной — смотреть в свою трубищу и сообщать Ефиму обо всем, что происходит на пристани.

Док же должен был по берегу следовать за корабликом до виртуальной передачи Ефиму управления. Потом ему надлежало испариться в любую сторону, держать рацию по-прежнему включенной и ждать дальнейших указаний.

Ефим аккуратнейшим образом установил в заранее сформованные гнезда взрыватели, соединил контакты, обмазал края клеем и герметиком, зачем-то осторожно на это подул и бережно передал корабль Самураю, напутствуя его:

— Как получишь мину — береги ее.

— Господи, ничего святого! — простонал Док.

Самурай же, затаив дыхание, нежно перенял в свои руки довольно увесистый теперь корпус катера с прикрепленными к нему поплавками-бутылками.

Сейчас ему уже не казалась пустяшной затея доставить это сооружение на середину реки.

— Ну, что, мужики, с Богом? — то ли спросил, то ли дал руководящее указание Береславский.

— Да вроде все ясно, — ответил Док.

Самурай ничего не сказал, он уже раздевался.

Далее предстояло следующее. Ефим в объезд должен был проследовать к пристани на «этом» берегу, с блокпостом, а Док — срезать петлю,

которую делала река, и «принять» кораблик, который должен был приплыть с течением.

Береславский остановил машину в пяти минутах езды от блокпоста. Рация, рассчитанная на десятикилометровую дистанцию переговоров, работала отменно.

— Объект плывет, — сообщил Самурай. Потом радостно добавил: — Объект на пристани.

«Так плывет или на пристани?» — успел ужаснуться Береславский, пока не сообразил, что сначала речь шла о катере, а потом — о Гнедышеве.

— Корабль принял. — Это было уже гордое сообщение Дока.

— Сколько ему плыть, Док? — спросил Ефим.

— Минут девять-десять, — ответил Док, уже освоившийся с управлением и рекой.

— Скажи, когда останется шесть. Постарайся точнее.

— Попробую, — отозвался Док. Он понимал, сколько от него сейчас зависит.

Потекли тягостные минуты ожидания. Утешало лишь то, что уже дважды Самурай докладывал о наличии объекта на пристани — утро среды он, как и предположили источники информации, собирался посвятить рыбной ловле. И особая удача — рядом с ним никого не было. Хоть и обдумал все заранее Береславский, а вовсе не был уверен, что нажмет кнопку, если рядом окажутся посторонние люди.

— Думаю, пора, — прозвучало, наконец, в динамике.

Ну, пора так пора.

Ефим включил передачу и потихоньку начал движение.

Одиноким охранник лениво двинулся в его сторону.

«Почему он один?» — зачем-то подумал Ефим.

И катерок уже был хорошо виден: слева от пристани, гораздо ближе к ней, чем к этому берегу. На него никто не обращал никакого внима-

ния: слишком низко сидел. Да и мал был для такой реки. Если заранее не знать — вряд ли заметишь.

И в этот момент...

— Он уходит! Внимание, он уходит! — чуть не в голос заорал Самурай. А Ефим уже и без бинокля видел, что Гнедышев встал с небольшого стульчика и медленно пошел к дому.

Это и называется провал.

Хотя нельзя назвать провалом не сложившихся в цепь несколько маловероятных событий.

Оставалось последнее средство, которое Ефим не замедлил применить. Новосибирский друг Вовка сделал действительно очень много. И, в частности, — достал номер сотового телефона Гнедышева.

Гнедышев ответил сразу и коротко:

— Да.

— Это профессор Береславский, — представился Ефим.

— Мы же обо всем договорились, — сухо заметил собеседник.

Теперь перед Ефимом стояла нелегкая задача — и катером управлять, и с Гнедышевым разговаривать. Да так разговаривать, чтобы потом по записи к нему не было претензий. А что все гнедышевские разговоры будут тщательно препарированы — в этом он не сомневался. Тем более — последний разговор.

А тут еще охранник все-таки проявил активность, в окно начал стучать.

Ефим приоткрыл окошко и зло гавкнул:

— Вали отсюда!

Ошарашенный боец так и остался стоять.

— Это ты мне? — удивился Гнедышев.

— Нет, не вам. Охраннику на автостоянке, — быстро сообразил Береславский.

Красный кораблик был уже совсем близко от пристани, но шел чуть не зигзагами — управлять им и общаться одновременно с бандитом становилось невозможно.

— Док, можешь взять руль? — шепотом взмолился он в рацию.

— Могу, — даже с каким-то удовольствием согласился Док — в острой ситуации быть «не при делах» трудно.

Ефим выключил пульт, и кораблик сразу пошел ровнее.

— Зачем приехал? — зло спросил Гнедышев.

— Так автопробег у нас, — Ефим старательно работал на будущую «прослушку», — лекции, семинары.

— Что ты несешь?!

— Но мы же с вами собирались заключить договор. Реклама — двигатель торговли.

— Послушай, рекламист, — отбросил условности Гнедышев. Кораблику оставалось проплыть всего несколько метров до края пристани. — Ты поутру не в себе, что ли? Мы как договаривались?

— Очень даже в себе, — обиделся Береславский. — Сейчас с рыбалки едем. Потом собирался к вам в офис заехать, по делам рекламы.

— Вот и заезжай в офис. Только, думаю, у меня с тобой бизнеса не получится. — Гнедышев уже взял себя в руки.

— Ну и не надо, у меня и без вас клиентов куча. А вы — очень неприятный в общении человек.

Кораблик приблизился к краю пристани и подплыл под красные доски.

— Что ты сказал?! — снова переклинило Гнедышева. — Повтори, что ты сказал?

Ефим тщательно отсчитал про себя: «Пятьсот пятнадцать. Пятьсот шестнадцать. Пятьсот семнадцать». Потом ответил:

— Что слышал. Пока. — И нажал кнопку отбоя на телефоне. Затем — красную кнопку на пульте. И — ничего.

Черт! Он же сам выключил пульт!

Судорожно дернув рычажок, Ефим нажал кнопку еще и еще раз, наблюдая за беснующимся на той стороне Гнедышевым.

«Облажался», — только и успел подумать Береславский, как пристань с его недавним собеседником выгнулась горой, напряглась и бесшумно растрескалась сразу по всей поверхности. Потом гора лопнула, оттуда вылился желтый огонь, за ним вверх поднялся водяной столб, а обломки красных досок, взвившиеся высоко в воздух, начали медленно падать вниз.

Гнедышев исчез в этом хаосе мгновенно. Исчез так, будто его и не было никогда.

До Ефима донесся звук, очень похожий на раскат грома, а вслед за ним пришла ударная волна, да такая, что «Ниву» даже чуть приподняло, а когда она опустилась, то аж внутренности зазвенели.

— Ну, вот, можно ехать, — вслух сказал Ефим. Но его остановил совсем очумевший охранник:

— Что это было?

— А ты что, один тут сегодня? — вопросом на вопрос ответил Береславский.

— Да. Один вчера уволился, а двоих Хозяин выгнал. За пьянку.

— А тебя что не выгнали?

— Я Хозяину денег должен.

— Ты? — не понял Ефим.

— Да. Тысячу баксов. В карты проиграл. Он, когда пьяный, любил с нами в карты играть.

— Знаешь, я думаю, ты его и взорвал. За долг.

— Да вы что?! — чуть не заорал боец. — Да вы что говорите?

— Шучу, — успокоил его Ефим. — Но тебе надо стоять твердо. О чем бы тебя ни спрашивали, как бы на тебя ни жали — никого не видел, ничего не слышал. Меня тоже. А иначе точно окажешься виноватым, ты же меня сюда пустил.

— Понял, — сказал парень.

— Короче, тебе ничего не будет, пока ты в полной «несознанке», — повторил Береславский. — И, кстати, ты ему больше ничего не должен.

Вот это парня заметно утешило. Еще раз пообещав «молчать твердо», он пошел в блокпост звонить начальству.

А Ефим развернулся и поехал собирать своих товарищей.

Главное, что внушало надежды на будущее: он понимал, что «ж...у рвать», как говорят милицейские ребята, за этого человека никто не будет. Был жив — боялись. Сдох — да и черт с ним.

Глава 24

Новосибирск, 26 июля
Еще один гонорар

Скрепов проснулся в отвратительном настроении.

Его больше не били, но сильнее физической боли угнетала мысль о предстоящем. Сегодня у него еще есть, а вот завтра, скорее всего, уже не будет.

И самое обидное, что все это, по большому счету, по его собственной дурости.

Нельзя все время идти ва-банк. Когда-то удача все равно отвернется. Да и не было никакой нужды идти на такой опасный блеф с Гнедышевым.

Скрепер просто недооценил своего противника, ориентируясь только на свои давние воспоминания. А ведь время на месте не стоит. Раз тот сумел стать таким забуревшим, да и просто, коли сумел пройти живым через все эти годы, к нему надо было отнестись серьезнее.

Послышался шум отодвигаемого засова, дверь скрипнула, и вошел вчерашний сторож. Принес тарелку с большим куском вареной курицы и двумя кусками «черняшки».

— Жри, — не зло произнес он.

Он действительно не злился на Скрепова. Это — бизнес. И Виктор имел еще маленькую надежду на том сыграть.

Боец снял ему «браслеты», но лишь на секунду, — Скрепер даже кисти размять не успел, только перевел руки из-за спины вперед, чтоб можно было есть, и снова в наручники.

Если после еды будет обратная операция — можно попытаться напасть. Хотя вряд ли это нападение станет успешным, оценил узник не столько мощную фигуру охранника, сколько измученного себя.

— Не похоже на последнюю трапезу, — заметил он, скованными руками неловко отдирая кусок курицы.

Скрепер был близок к панике. Никогда еще ему не приходилось ждать своего конца, не имея возможности ничего предпринять. И это очень страшно.

Он понимал, что еще немного — и его казавшаяся железной воля будет окончательно сломлена. Еще одна радость подонку Гнедышеву.

Нет, надо решаться сейчас. Пусть шансы маленькие, но он попытается.

Если удастся сломать охранника, тогда шансы появятся точно: несмотря на чуть приоткрытую

фрамугу, до него не доносилось ни звука, значит, людей в доме либо нет, либо очень мало.

Что ж, решение принято. Теперь только не упустить момент с переодеванием наручников. А, может, ему прямо в наручниках, двумя руками врезать, когда не ждет?

... И в этот момент дом так тряхнуло, что оба свалились на пол. Потом раздался ужасающий громовой раскат, и хрястнули из окон разбитые стекла. Когда Скрепер пришел в себя, его переполнила страстная надежда.

— Теперь глянь, чудило! — попросил он охранника. — Может, и нет уже твоего начальника?

Тот, как замороженный, отвел жалюзи. В окно без стекол сильно задуло, но это не мешало увидеть черную холодную воду там, где недавно изволило удить рыбу Его Величество.

— Ну, что, парень, умею работать? — зло проговорил Скрепер. — Кто круче, я или твой хозяин? — На секунду ему и в самом деле показалось, что Гнедышева взорвал именно он, взорвал всей силой своей сконцентрированной ненависти. — Давай, снимай свои железки. Будешь делать, что я скажу, станешь богатым и счастливым.

Парень секунду подумал и достал ключи...

Еще через час Скрепов уже подъезжал к городу на заднем сиденье мотоцикла. Шоссе еще было по-утреннему пустынным.

Теплый ветер приятно обвевал непокрытую голову — второго шлема у хозяина мотоцикла не оказалось.

Виктор держался за своего водителя-спасителя, а сам думал, что делать дальше.

В доме Гнедышева и в самом деле больше никого не оказалось. «Среда — священный день», — не слишком понятно объяснил его бывший телохранитель.

Мимо сторожа на пристани вообще промчались мгновенно.

— Ты ничего не видел, — сказал Скрепер, и охранник замотал головой. Ему так тоже было спокойнее.

Про порошок знали только Скрепер, покойный Гнедышев и Али. И еще парень, за чьи бока сейчас держался Виктор.

Боец мог бы пригодиться в будущем — в схватке с тем же Али. Но если уж он с Пашкой не стал делиться, то есть ли смысл брать в долю чужого? Да еще со связями местными?

— Притормози, мне отлить надо! — крикнул он в ухо водителю.

Тот сбросил газ и через несколько метров остановился, а Скрепер отошел по пыльной траве в кусты и стал сквозь ветки наблюдать за бойцом.

Тот сначала сидел в шлеме, потом, устав ждать, снял его и заорал:

— Ты там не заснул?

— Тут хрен заснешь! — откликнулся Скрепер. — И в самом деле, Сибирь — страна чудес.

— Клад, что ли, нашел? — заинтересовался боец и повернул голову, пытаясь разглядеть через листья, чем там занимается его новый хозяин.

— Не то слово, — намеренно тихо ответил Скрепер.

Парень слез с мотоцикла и быстро направился на голос.

Скреперу совсем не сложно было зайти сзади и нанести удар крепкой корягой. Тот упал сразу, без крика.

Скрепер же бил до тех пор, пока не убедился, что его вновь приобретенный союзник уже покинул этот мир. После чего забрал бумажник с документами и деньгами, а мобильный телефон закинул подальше, предварительно вытащив сим-карту и батарею. Потом пошел к мотоциклу, наддел шлем, включил мотор — и умчался.

Дорожный пост на въезде Виктор проехал под прикрытием фуры — так спокойнее. Доехав до знакомых мест, он поставил мотоцикл в глухом переулке, предварительно протерев перчаткой те части, за которые мог хвататься голой рукой, снял шлем, а на ближайшей помойке избавился и от него.

Все. Это эпизод тоже закрыт и забыт.

Теперь предстояла пара рутинных дел. По счастью, Гнедышев, не научившись сомневаться в собственных силах, даже не отобрал у него документов.

Он зашел в офис курьерской почтовой службы, предъявил паспорт и спокойно забрал объемистый серебристый чемоданчик, в котором профессионалы обычно перевозят приборы.

Затем заехал в свою неказистую гостиницу, где его суточному отсутствию никто не удивился,

потому что — оплачено. Взял из камеры хранения три конверта, рассовал по карманам, а большой продолговатый сверток сдал обратно.

Далее путь его лежал через весь город, и проделал он его честно, на общественном транспорте.

В итоге оказался в офисе, как две капли воды похожем на первый, поскольку эта фирма также оказывала почтовые и курьерские услуги гарантированной доставки мелких грузов.

Серебристый чемоданчик был взвешен и опечатан. По особому указанию Скрепова на бок кейса наклеили бирку с отметкой о хрупкости груза. И все. Поехал чемоданчик в город Владивосток.

Это решение было ранее не запланированным. Порошок должен был осесть в центре Сибири, где его по достаточно выгодной цене купил бы Гнедышев. Он же — на втором этапе — мог за процент и деньги за границу перекинуть.

Но покойники героинном не торгуют, и нал в безнал не переводят. А относительно надежные партнеры по этой части — полностью надежных в подобном бизнесе по определению не бывает — у Скрепера имелись только в Приморье.

Все это было морокой, конечно. Еще черт-те сколько ехать. Часть пути — на железнодорожных платформах. И Али со своей бандой рыщет где-то поблизости. Но, можно подумать, у Скрепера был выбор.

Вариант с отказом от кучи чистейшего порошка Виктор Александрович даже не рассматривал. Не так он устроен, чтоб выбросить — ну, пусть не полтора миллиона, а всего один, во Владике цены наверняка будут меньше. Нет, такие деньжищи не бросают. Тем более, что после этой операции он намерен заняться обычным бизнесом, где к нынешней рентабельности даже и близко не подойдешь.

Нет, пока все идет нормально. Хоть и подгадил ему Гнедышев, но не смертельно. В отличие от себя самого, с чувством глубокого удовлетворения отметил Скрепов.

На сегодня оставалось последнее серьезное дело.

Этот урод, покойник, пригнал к нему на свидание тупого водителя нафаршированной «Нивы».

Плохая была идея. Тот так славно воплощал замыслы Скрепера, уже полстраны проехал, ан нет, теперь перешел из разряда «болванчиков» в разряд игроков.

Да и не такой уж он тупой, этот водитель. Жадный — да. Вон как клюнул на халявную «тачку», красная цена которой — пять тонн баксов. Но не тупой. И, к сожалению, не самый трусливый — это было понятно по репликам, которые прозвучали на их импровизированной очной ставке.

Так что тут тоже надо было хорошо подумать, что говорить и как говорить.

Встреча с Береславским состоялась через полтора часа. Кафешка на пересечении двух центральных улиц была достаточно оживленная. Место самое подходящее — никто не вспомнит.

Скрепер уже успел подготовиться к беседе, а вот рекламный профессор, похоже, — нет. Пальчики подрагивали, в голосе слабость прорезывалась.

— Что, не ожидали увидеть? — подчеркнуто вежливо спросил Скрепер.

— Не ожидал, — согласился Береславский, так и не сумев взять себя в руки.

— Вам мое появление ничем не грозит, я — не Петр Николаевич, умею ценить соратников.

— А мы уже соратники? — уточнил Ефим.

— А как же. Полстраны провезли груз, полстраны осталось.

— А Гнедышев — не против?

— Я его грохнул, — просто объяснил Скрепер.

— Тоже хорошо, — улыбнулся Береславский.

Его такая версия более чем устраивала.

— Так что, продолжаем отношения?

— А у меня есть выбор?

— К сожалению, нет, — спокойно констатировал Скрепер. — Вопрос риторический.

— Ладно, согласен, — после долгой паузы произнес рекламист. — С вас двадцать тысяч долларов.

— Что? — чуть не подавился слюной Скрепер. — Что?!

— Что слышал. — Вот теперь профессор точно взял себя в руки.

Настал черед задуматься Скреперу. Что-то глубинное подсказывало ему, что забесплатно этот товарищ работать не будет. Но решил на всякий случай поддавить.

— Кстати, расписка ваша, которую вы писали Гнедышеву, находится у меня.

— Можешь ею подтереться, — ласково улыбнувшись, перешел на дружеское «ты» Ефим.

— Не понял, — с угрозой выдохнул Скрепер. Но как-то неубедительно.

— У тебя — расписка, у меня — груз.

Вот теперь Скрепер понял.

— Хорошо, — едва сдерживаясь, выдохнул он. — Но двадцать не пойдет. Есть только пять.

— «Я думаю, торг здесь неуместен», — поправив очки, строго процитировал профессор.

Эта сволочь явно издевалась над ним. Злоба начинала душить Скрепера.

— Есть еще вариант, — сказал он.

— Какой же? — поинтересовался Береславский.

— Пришить тебя прямо здесь. Как Гнедышева.

— Ну, с Гнедышевым вы уже один раз ошиблись. — И куда девалась его трусость? Похоже, действительно возомнил себя гангстером.

— Хорошо, давай хоть сумму разобьем. Дам тебе в аванс десятку, у меня с собой больше нет. А во Владике полностью рассчитаюсь.

— Во Владике я постараюсь тебя не увидеть, — честно сказал Ефим, — так что ищи деньги, где хочешь.

— Ну, ты и сволочь! — процедил сквозь зубы Скрепер.

— Сам такой, — меланхолично ответил Береславский и начал деловито протирать очки.

Скрепов залез в карманы и вытащил оттуда два конверта:

— На, жри!

Ефим спокойно забрал деньги и, сунув в конверты толстые пальцы, проверил содержимое. Пересчитывать не стал.

— Я тебе доверяю, — сказал он. — Расписку писать? Потом в арбитраж подашь, в случае чего.

Все, подумал Скрепер, он — покойник. Но только по приезде в столицу Приморья.

Глава 25

Красноярск, 28 июля
Гульба, пальба, экскурсии

Марат смотрел, как ловко и спокойно Али чистил оружие. Мощный «стечкин» был быстро полуразобран, после чего обработан экономными

и точными движениями. Даже магазины заново зарядил Али — инструкции советовали не держать их снаряженными долго, дабы не уставали пружины.

«Вот уж точно — экономные движения», — сочувственно подумал Марат, глядя на осунувшегося и явно нездорового шефа.

Если бы не великая идея — наверняка в таком состоянии лежал бы в госпитале. А то бы уже и не в госпитале...

Держится его начальник только мезтью да Джихадом.

— Хорошая штука — «стечкин», — желая разрушить надоевшую тишину, сказал Марат.

— Хотя что-то хорошее от неверных, — невесело усмехнулся Али, оглядывая последнюю горстку желтеньких девятимиллиметровых патронов, лежавших на аккуратно расстеленной газетке. Невелик труд снарядить обойму — двадцать смертельных «зернышек» в шахматном порядке, но в его состоянии и это утомляло.

— Давай я сделаю, — предложил Марат.

— Сам, — односложно ответил Али, в правую руку взяв магазин, а пальцами левой четко вщелкивая в него патроны.

Все. Патроны вставлены. Али собрал пистолет и привинтил к стволу штатный глушитель. Все же это был не совсем тот старый добрый «стечкин», а его модификация конца 70-х: с чуть удлиненным стволом и с очень эффективным глушителем. Не только «убирающим» звук стрельбы, но и — за счет смещения центра тяжести и уменьшения отдачи — делающим пистолет более метким.

Это было весьма актуально, ведь «стечкин» изначально проектировался как некая помесь пистолета и автомата. А в результате, кроме достоинств, унаследовал и недостатки обоих видов оружия: тяжел, громоздок, а кучность боя оставляла желать лучшего.

Впрочем, в жестких условиях городского огнестрельного контакта эта машина была почти идеальной.

— Надо держаться ближе к Очкастому, — тихо сказал Али.

После неудачной операции, в которой они непонятно каким образом потеряли Володу, — удар ножом Али причиной смерти не считал, — выемка порошка из машины была отложена.

По самым житейским и печальным обстоятельствам.

На следующее утро после омских событий Али стало настолько плохо, что только решительный запрет заставил Марата отказаться от вызова «скорой». А когда начальник немного оклемался, колонна уже была в Новосибирске.

Поэтому догоняли их по дороге к Красноярску, и то Марату пришлось практически сутки не вылезать из-за руля.

— А не могли уже разгрузить машину? — спросил он у Али. Гоняться за тенью ему начинало надоедать.

— Могли, — ответил тот. — Но ты же сам видел Скрепера.

Да, это так. Марат лично его видел. Тот подъехал на встречу колонны в Красноярске. Тоже, наверное, убедиться, что его добыча цела.

Марат отметил, что Скрепов, уезжая, сел за руль небольшой, не новой и вновь голубой «тойоты». Значит, теперь нужно следить не за «хондой лого», а за маленькими «тойотами». Хорошо, хоть цвет сохранил. Наверное, это у него какая-то примета.

На самом деле, Марата и это обстоятельство не порадовало. Противник у них сильный. Не раненый, как Али, и не уставший за пять лет войны, как Марат. И, кстати, не бедный — он-то ищет деньги и порошок для себя, любимого, а не для Джихада. А у них с Али даже средств нет сменить «опель». Хотя уже давно пора: в этих краях их номера сразу вызывают интерес гаишников. Слава Аллаху, документы сделаны хорошо. Они даже не совсем липовые — по документам мужчины работали в силовом ведомстве родной республики.

— А, может, ускорим события? — спросил Марат. Он был готов на все, лишь бы скорее закончить это дело. Устал. Причем — не только физически.

— С порошком решим во Владивостоке, — ответил Али. — Там у нас, возможно, есть люди, здесь же — точно нет.

— А со Скреповым?

— Как только увидим, так и решим, — недобро усмехнулся Али.

— Что сегодня будем делать? — поинтересовался Марат.

— Утром у них групповые программы. Много народу. Машины их — под охраной. А вот после экскурсий надо бы последить за рекламистом.

— Зачем?

— Я бы с ним потолковал. Пригрозить. Денег посулить. Вряд ли он «дуриком» едет, так пусть на нас поработает. И еще, — начал Али, но не закончил — видно, прихватило обожженное место.

— Что — еще? — выждав, спросил подчиненный.

— Сдается мне, Скрепера тоже захочет попасть свои активы. Увидим его — уьем.

«Или он нас», — подумал про себя Марат.

А рекламист, о котором вспоминали Али с Маратом, проснулся сегодня в добром расположении духа.

Не вставая с постели, он попытался разобраться, почему это с ним — и вдруг такое: как правило, по утрам настроение Береславского никак нельзя было назвать хорошим.

Подумав, Ефим Аркадьевич пришел к следующему выводу: хорошо, что Скрепера уже два дня не видно. И тех парней, с которыми в Омске сцепился Самурай — он рассказал Ефиму, откуда взял пистолет — тоже, к счастью, не видно, не слышно.

Ефим предположил, что эти ребята, несомненно, друг с другом связаны и, несомненно, друг друга не любят. Так, может, они просто друг друга и перебили, оставив профессора с миром? И почти с тридцатью тысячами долларов наличных, кстати.

А что, это вовсе не так уж нереально и совсем неплохо.

И тут до него, наконец, дошла затаенная причина утреннего веселья. Даже стыдно стало чуть-чуть, потому что профессор должен был вовсе не радоваться, а расстраиваться.

Ведь в славном городе Красноярске местные рекламисты оказались настолько самодостаточными, что попросту проигнорировали их запланированные мероприятия. Да и еще посчитали на местном же специализированном сайте, сколько жадные москвичи намерены заделать «бабок» на их стремлении к знаниям.

Короче, утренние семинары были отменены за неимением слушателей.

Этот момент вчера разозлил Береславского. «Бабки» он, разумеется, любил, и никогда от них

не отказывался. Но сам пробег примитивным «чесом» никак не являлся. Здесь все было куда тоньше.

Московские профессионалы честно и абсолютно бесплатно — деньги, упомянутые в сайте, видимо, брали уже местные партнеры пробега — делились знаниями с теми, кто в них нуждался. В результате завязывались дружеские отношения сразу с множеством региональных представителей профессионального сообщества. А вот они — связи — уже давали деньги. И неизмеримо большие, чем просто гонорары от консультаций.

И это было хорошо. Вообще, все сегодня было хорошо.

Отвлек его телефонный звонок. Ефим снял трубку и услышал густой, с хрипотцой, голос Дока.

— Ты уже поел? А то через полчаса — у автобуса.

А вот этого — пропустить завтрак — Ефим себе позволить никак не мог. Он с неожиданным проворством оделся и отправился в ресторан на первый этаж.

К поджидавшему у подъезда большому тридцатиместному «неоплану» он вышел еще более довольный, но потерявший значительную долю своей недавней стремительности. С удовольствием сел рядом с Доком — тот, как всегда, припас ему местечко — и вслух выразил надежду, что экскурсия будет исключительно автобусной. В том смысле, чтобы обзирать достопримечательности, не покидая насиженного мягкого кресла.

Еще через несколько минут автобус с участниками пробега взял курс на Красноярскую ГЭС.

Вот теперь стало по-настоящему хорошо.

Ефим всегда любил эти края. Первый раз он посетил Красноярск несколько лет назад, в сентябре. Еще из самолета, глядя вниз, никак не мог понять — что это там за рыжий ландшафт. С уменьшением высоты стали видны сопки и даже отдельные деревья начали угадываться. Но почему все такое желтое?

Ответ пришел уже на земле.

Оказалось, что листья на деревьях к осени — желтеют. Но если в центральной России они параллельно начинают постепенно опадать, то здесь держатся, как спартанцы — до самых холодов. И столь чистой охры, выкрасившей целые склоны, Ефим до этого даже представить себе не мог.

Ехали довольно долго, но, наконец, добрались до места.

Ефим, кряхтя, покинул автобус — Док жестко пресек его попытки остаться внутри.

Парни уже носились вокруг с фотоаппаратами и заигрывали с местными девицами.

Самурай со Смагиной, держась за руки, степенно прогуливались по прибрежной аллее, а Ефим, ускользнув от Дока, спустился к реке.

Опустил ладони в холодную воду. Пошевелил толстыми пальцами. Вытащил из воды гладкий, обкатанный камешек, побросал его из ладони в ладонь — чтобы обсох — и мысленно извинился перед Енисеем за людское недомыслие.

На обратном пути, уже недалеко от города, местный гид показал еще одну достопримечательность — горнолыжный подъемник. Ефим сразу предложил подняться наверх.

Подъемник, как ни странно, работал. Фуникулер был старинный, по два сиденья на палке, подвешенной к канату. Подъезжая к нижней станции, они замедляли ход и плавно плыли вдоль посадочной площадки. В этот момент надо было изловчиться и плюхнуться на сиденье. Потом все это вырывалось на оперативный простор и парило в воздухе, пока не достигало вершины горы.

Народу не было — никого. Непонятно вообще, зачем техника трудилась, но — трудилась. Пустые сиденья неторопливо и бесполезно ползали взад-вперед по склону. На площадке перед нижней станцией, когда отъехал их автобус, осталась лишь одна машина.

— Зеленый «опель», — шепнул Ефиму насторожившийся Самурай. — Он сначала за нами ехал, а потом, когда мы свернули к горе, обогнал.

У Береславского неприятно заняло под ложечкой. А так все хорошо начиналось.

— Может, не поедем? — спросил он у Самурая. И сам же ответил: — Автобус придет только через час. Они нас и тут найдут, когда спустятся.

Затем подошел к «опелю». Тут и проверять не надо было: капот горячий, и даже покрывки. Наверняка, если купить билеты и зайти на станцию,

можно будет увидеть двух одиноких пассажиров. Если, конечно, к ним после Омска никто не присоединился.

— Что делать будем? — спросил Самурай. Он не был испуган, но торопился: Смагина уже возвращалась.

— Где твой «ТТ»? — спросил Ефим.

— Дома. Ты же сам сказал, с собой не таскать.

— Ничего они нам не сделают! — наконец решился Береславский. — Просто хотят пообщаться. Я им нужен живой. Давай, ты останешься здесь с Доком и Таней, а я быстро съезжу.

— Нет, так не пойдет, — ответил Самурай. — Шаман сказал, тебя не оставлять. Ты уверен, что стрельбы не будет?

— По крайней мере, в нас — точно. Но вы можете помешать нашему разговору.

— О чем беседуете, мужчины? — весело спросила подошедшая Смагина. — Там, кстати, несколько обзорных площадок, так что это вы здорово придумали, Ефим Аркадьевич.

— Ну наконец-то оценили, — улыбнулся Береславский. И решившись, скомандовал: — Ладно, поехали.

Самурай, слегка обидев Татьяну Валериановну, пересел к Береславскому. Она вынужденно села с Доком.

Две парные скамейки, кряхтя и поскрипывая, начали медленно взбираться в гору.

Ефим напряженно вглядывался вдаль, пытаясь разглядеть свою судьбу.

И разглядел!

На одной из возвращавшихся пар сидений, только что покинувших верхнюю станцию, он увидел две фигуры и повернулся к Самураю:

— Они?

— Да, — твердо ответил тот, — явно возвращаются.

— Почему? — спросил непонятно кого Ефим. Никто и не ответил.

По-прежнему скрипели канаты, по-прежнему раскачивались кресла. Но сразу стало как-то спокойнее. Если б хотели грохнуть — сделали бы это на верхней станции. Или еще где. Но не на раскачивающихся сиденьях, на полдороге между небом и землей.

И все равно, когда Али и Марат проплывали мимо, было страшно. Слишком близко было до наверняка вооруженного врага.

До них было так близко, что Ефим понял причину отмены «переговоров». Одному из двоих — явно старшему — было плохо. Он старался держаться, но даже на расстоянии было видно, что он едва живой.

Вид человеческих страданий в данном случае Береславского не тронул. Более того, он искренне пожелал больному свалиться, а здоровому — умереть еще каким-либо способом.

Но, желая этого, он даже не помышлял, насколько близок к истине. Потому что из нижней «зеленки» уже выезжали два кресла, одно из которых путовало, а вот на втором — восседал крупный мужчина, которого Береславский знал наверняка.

Скрепер действительно решил «попасти», как выразился Али, «своего» транспортного агента — ведь он отнюдь не забыл о существовании желающих похитить его порошок.

Марат и Али сначала проплыли мимо Ефима с Самураем, потом — мимо Дока со Смагиной. Только после этого Береславский позволил себе обернуться. И вовремя.

Взгляд больного Али сфокусировался на Скрепере, тот тоже мгновенно узнал врага. Чеченец выхватил «стечкина» с наверченным глушителем и начал беззвучно палить в своего «кровника». Беззвучно, но не безрезультатно: Ефим своими глазами увидел, как пуля, — или несколько пуль, — разодрали Скреперу рукав белой рубашки, мгновенно окрасив ткань кровью.

Скрепер ответил выстрелами, и на этот раз — полногласными, наполнившими ущелье грохочущим эхом. Правда, вряд ли кто это услышал, кроме шестерых, висящих в воздухе, людей.

Смертельные враги обменялись множеством пуль, и Ефим очень надеялся, что они убьют друг друга.

Но надеждам не довелось сбыться: сиденья сильно раскачивались, Али был очень болен, а Скрепер вынужден был перехватить оружие и стрелять левой рукой.

Очень скоро у него кончились патроны. Да и «стечкин» чеченца уже был с отброшенным назад затвором — все двадцать пуль покинули обойму, а перезарядиться не было смысла — враги разъехались далеко.

Лишь две пули попали в цель: одна порвала мышцы правой руки Скрепера, вторая — размозила голову Марату. Он даже не успел принять

участие в перестрелке — сначала по причине неудобного расположения, потом — по причине мгновенной смерти.

Теперь все четверо «пробежников» смотрели назад. Там они видели корчащегося от боли Скрепера и...

— Смотри, что он делает! — не выдержал Док.

А Али делал то, что считал нужным. Несмотря на свое состояние, он сумел отстегнуть напарника и столкнуть его тело с сиденья в густую «зеленку».

— Правильно, — оценил Береславский. — Там его сто лет не найдут, особенно, если искать не будут.

На пустой площадке он вежливо подждал Скрепера. Первое, что сделал тот, сойдя на твердую землю, — наставил на Береславского уже перезаряженный пистолет и сказал:

— Даже не думай.

— А я и не думаю, — успокоил его профессор. — Мы же партнеры.

Не выпуская пистолета из рук, Скрепер подошел к ним, забрал у всех мобильные телефоны и выбросил их вниз.

Затем Док его перевязал, — невскрытый бинт оказался у него в кармане пиджака, — причем во время процедуры Скрепер пистолета не опустил. Даже быстрый Самурай ничего не мог сделать, потому что пуля летит еще быстрее.

— Ладно, я поехал, — наконец сказал Скрепов, седлая тележку. — Береги себя. И не делай глупостей, партнер, хорошо?..

Глава 26

Трасса Красноярск — Иркутск, 29 июля
«Бакланы», «стрижи» и докторский чемоданчик

Дорога до Иркутска тоже не показалась короткой. А может, начала сказываться усталость — проехали больше, чем полстраны, почти не вылезая из машины. Короче, я действительно немного устал. А может, и не усталость это вовсе, просто мой возраст сказывается. Конечно, мужик я еще — ого-го, но моторчик начал уже пошаливать. Впрочем, разве не я совсем недавно бегал по берегу, загоня начиненный взрывчаткой катер под нехорошего, хотя и авторитетного человека? Диву даюсь, как вспоминаю. Как будто не со мной было.

— Док, чего ты там приуныл? — спросил Берславский, искоса поглядывая на меня.

— А чего радоваться? — вопросом на вопрос ответил я.

— А тот чувак на «канатке» плохо выглядел, да, Док?

— Это ни о чем не говорит, — пробурчал я.— Иной раз такой румяный мужичка — а в гробу.

— Веселый ты парень, Док, — расстроился Берславский, — умеешь поддержать товарища. Скажи, Док, а у тебя мечта есть?

— Есть, — честно ответил я.

Свою мечту я увидел вчера вечером, в выставочном центре. Красноярские рекламисты пригласили нас на деловой ужин в этот центр. И там, на первом этаже, в закрытых стеклянных витринах остались несколько экспонатов от проходившей здесь выставки медицинской техники.

Я онемел, лишь увидев его.

Объемистый чемоданчик серебристого металла имел не только кучу замочков и ручек для переноски, но даже закрытый резинкой выход для подключения внешнего электропитания. Примерно четверть объема под верхней крышкой было занято чем-то электронным, но три оставшиеся четверти не давали мне оторвать глаз. Там, в углублениях, выдавленных в специальном пористом материале, отсвечивали нержавеющей хирургические инструменты одной хорошо известной мне фирмы. Когда я работал в Ираке, оперировал именно ими.

Я стоял, как мальчишка, уткнувший нос в витрину магазина игрушек. Все наши уже прошли наверх, а я все никак не мог отлипнуть от стекла.

— Сколько же это чудо стоит? — спросил стоявший рядом со мной Ефим.

Самое забавное, что я примерно знал. В Ираке чуть не оставил за похожее все деньги от полугодичной командировки.

— Не меньше пяти тысяч евро, — объяснил я Береславскому. — Моя годовая зарплата.

— Моя — тоже, — хохотнул он.

Потом мы поднялись на второй этаж, где закрутилась пьянка, а дальше уже неинтересно.

...Машину ощутимо трягнуло на выбоине — все же сибирские дороги похуже, чем в европейской части.

Я очнулся и посмотрел вперед.

— Ты уже вернулся? — спросил Ефим. — Я тебя про мечту спрашивал.

— Не скажу, — ответил я насмешнику, — тебе все равно не понять.

— Чего же не понять? — удивился Береславский. — Очень даже все просто. Ты — садюга, тебе бы все резать и пилить. Значит, опять подумал о вчерашнем чемодане. Что? Угадал? — рассмеялся он, но тут же забыл обо мне. Да и я о нем, потому что, не будь пристегнутым, въехал бы в лобовое стекло.

— Смотри, сволочь, что делает! — взвился наш водитель.

«Сволочью» оказался парень на серебристой вазовской «девятке», украшенной сзади кучей фонариков, надписью «Стритрейсер» и двумя огромными глушителями. Он по очереди обогнал наши задние машины, а теперь крайне грязно «сделал» и нас.

— К чему он второй приделал? — заинтересовался я глушителями.

— Я бы тебе объяснил... — сквозь зубы процедил Ефим, хищным взглядом прицеливаясь в нарушителя. Его нога уже мяла газ, а рука — кнопку вызова на рации. — Второй! Говорит третий!

— Слышу тебя, второй! — ответил передний экипаж.

— Давай пацана отрихтуем!

— С удовольствием!

Теперь дорога была совершенно пустая, и «девятка» собралась податься влево, чтобы обогнать второй экипаж.

Но не тут-то было! Второй тоже быстро принял влево, загораживая ему дорогу, а Ефим добавил газу и подвел нашу машину вплотную к багажнику «девятки». Но этого ему показалось мало.

— Банзай! — азартно заорал профессор, давя на газ.

Второй тоже пришпорил. Деваться «девятке» было некуда: обгонять не давали, отстать — тоже. Тащили его так минуты три, не меньше, пока не показалась встречная.

— Третий, отпускаем «баклана», — просипела рация.

— Разрешаю закурить и оправиться, — смилостивился Ефим, сбрасывая скорость и уходя вправо.

«Девятка» не стала искушать судьбу, закивала правым подфарником и пришвартовалась к обочине.

— Ефим, ты уверен, что все сделал правильно? — спросил я.

— Не очень, — неуверенно ответил Береславский.

— Тот парень на «девятке» — хулиган, но и ваши друзья не лучше, — деликатно заметила Смагина.

— Да ладно вам, — вяло отбивался профессор, — ничего же не случилось.

— А зря, — серьезно сказал Самурай, — надо было давить подонка.

В общем, заклевали они командора, и я решил заступиться:

— Все, народ, он не виноват. Это у него от утреннего обжорства.

— И ты, Док... — выкатил на меня глаза Ефим. — Тогда я тебе одну тайну не выдам. А она тебя очень даже касается.

И ведь задел! Не люблю, когда есть тайны, которые меня касаются.

Я уже был готов покаяться в своей дружеской нелояльности, но не успел — мы подкатили к двухэтажной деревянной постройке, на которой гордо сияла надпись: «КАФЕ — БАР».

Моторы умолкли, народ вышел на улицу. Но неожиданно все замолчали. Прямо разом.

Это было что-то удивительное. Раскаленная черная дорога улетала вдаль, сначала спускаясь вниз, а затем снова залезая в гору. А над ней знойно переливался обычно прозрачный воздух. Во все стороны, сколько хватало глаз, тянулись леса. И почему-то пахло не грибами, а медом.

А тишина стояла такая...

Это даже и не тишина была. Птицы пели, кузнечики стрекотали, ветер шелестел. Короче, тишина была нечеловеческая. Или, наоборот, человеческая?

Пока я с этим разбирался, тишина кончилась.

— Есть будете или красотами любоваться? — весело посмотрела на нас с веранды второго этажа толстая тетка в опрятном белом переднике.

— Есть, есть! — радостно загалдели все разом.

Я попрощался с тишиной и пошел мыть руки.

Потом мы долго сидели на веранде под легким теплым ветерком.

И еда была вкусная, и квас чудесен.

Мне вдруг стало страшно, что ребята вполне могли не позвать меня в этот пробег, и я бы никогда всего этого не увидел.

В общем, так хорошо нам было в этом малонаселенном пункте, что потеряли мы здесь целых два часа. А, может, правильнее — нашли?

В Иркутск приехали поздно ночью.

Все водители, в том числе и наш, здорово вымотались.

Я пожалел Береславского, сказал, что захвачу его сумку. А он сказал, чтобы и чемодан прихватил.

Я даже не успел спросить Ефима — что за чемодан, как уже увидел его.

Серебристый красавец стоял, прикрытый какой-то тряпкой, которая лишь подчеркивала его благородство.

У меня аж дыхание перехватило. Чертов рекламист! И как теперь быть?

Принимать такие подарки — не в моих правилах. Но и отказаться от него я был не в силах.

— Что ж ты творишь, буржуин, — только и смог выдавить из себя.

— Не парься, Док, — ответил профессор, — не на мои куплено.

— А на чьи же?

— На бандитские. Мы же с тобой не бесплатно «дурь» по стране развозим.

Ладно, пусть треплет, что хочет. Я не удержался от благодарного взгляда, схватил заветный чемодан и, как упырь, поволок его к себе в номер...

Глава 27

Иркутск, 31 июля
Те же и Рыжий

Утром Ефима ждал сюрприз.

И не малый — килограммов этак за девяносто. А децибел — этак за сто.

Впрочем, сначала Береславский решил, что это происходит у него во сне, но потом взял себя в руки и попробовал материализоваться.

Слава Богу — получилось!

Вон оно, солнышко в окно номера бьет. А еще кто-то бьет в дверь. Да как смачно!

— Ефим, ты тут??? — громогласно орал из коридора до боли знакомый голос.

— Здорово, Игорек! — в ответ заорал Береславский.

— Здорово, Ефимище! — продолжал из-за двери еще невидимый, но уже очень даже слышимый доктор социологических наук Игорь Викторович Птицын.

Ефим стремительно оделся и открыл дверь.

Птицын ворвался как вихрь, успев и по плечу друга похлопать, и воды из горла графинчика испить, и даже предложить культурную программу на день.

— Друг мой, — громогласно вещал он, плюхнувшись в огромное кожаное кресло. — Ты находишься в городе великой культуры, основанной не худшими людьми первой половины девятнадцатого столетия. А назывались они — декабристы. Прилагательное — сосланные.

Вот это Птицын любил. И стихи, и живопись, и архитектуру — даже не любил, а обожал. И знал великолепно, разумеется.

Но вторая половина его увлечения прекрасным состояла в том, чтобы донести свои энциклопедические знания до всех, без исключения, окружающих. Особенно — до таких сырых и убогих, как Береславский.

— Что будем смотреть? — уныло спросил Ефим, с одной стороны, понимая, что массажированного культпросвета все равно не избежать, а с другой — заранее зная, что потом, когда лень отступит, все будет просто замечательно.

— Картинная галерея — раз, спектакль в «Красном факеле» — два...

— Нет, два — это Байкал, — заспорил Ефим. Он и на «Таганку»-то в лучшие ее годы не ходил, а тут — «Красный факел».

— Байкал? — засомневался Птицын. Озеро явно не являлось продуктом человеческого гения, а доктор наук обычно специализировался именно на нем.

— Там Лимнологический музей, — кинул ему наживку рекламный профессор. — В Листвянке.

— Ну, музей, тогда ладно, — согласился тот.

В этот момент в номер вошел Док, как обычно, честно будивший Береславского до завтрака.

— Док, знакомься, это Птицын. Птицын, это — Док, — представил Береславский друг другу своих «мучителей и гонителей».

— Ефим — самый ленивый человек в мире, — вместо приветствия пожаловался Доку Птицын.

— И самый прожорливый, — согласился Док, мгновенно почувствовавший к доктору социологических наук симпатию.

— Ну, вы, кажется, нашли друг друга, — пробормотал Береславский, аккуратно выскальзывая в гостиничный коридор. В картинную галерею, похоже, идти придется, но завтрак — это святое.

Все иркутские семинары отчитали вчера, а на сегодня была запланирована только культурная программа — конечно же, с выездом на «славное море, священный Байкал». Птицын вчера тоже выступал, докладывал местным рекламистам методики социологических измерений, но с Ефимом они так и не пересеклись — он сразу после своего выступления поехал отмечать приезд с местными товарищами и вернулся — точнее, был возвращен — очень поздно.

Духовное возрождение Береславского начали с художественного музея.

Коллекция там, как и ожидалось, оказалась весьма впечатляющей, и Птицын мог быть доволен. Искусство оказало-таки облагораживающее действие на рекламного профессора: из галереи тот вышел тихий, не пытался переспорить друзей по каждому затронутому вопросу и даже не потребовал второй завтрак перед дорогой к Байкалу.

На море — как-то неловко называть Байкал озером — поехали в автобусе: их машины снова отогнали на профилактический осмотр. На этот раз помощь путешественникам предложил большой гаишный начальник, и глупо было отказываться, тем более, что устроители с самого начала предложили им маленький, но вместительный корейский микроавтобус «дэу».

В музейной деревушке сделали остановку. Она оказалась похожей на ту, что Док и Береславский видели в Перми, но строения здесь были совсем другие. Ефим ограничился осмотром лишь первого домика музейной

деревни, в отличие от Дока с Птицыным, которые скрупулезно исследовали ее всю.

Дождаясь друзей, он присел в тенечке, на резной деревянной лавочке. Расслабился, облокотился на удобную спинку, даже очки уже собирался снять, как вдруг боковым зрением разглядел идущего к нему мужчину и машинально полез за пояс, но самурайского пистолета там не было.

Да и откуда ему там взяться, если вчера, возвращаясь с ужина, Ефим позорно выронил оружие на пол, прямо под ноги гостиничному милиционеру.

Сержант аж онемел, услышав стук и увидев «тэтэшник».

— Это ваш? — растерянно спросил он.

— Нет, ваш, — ответил Береславский.

А что еще оставалось делать? И для убедительности положил на «пушку» три зеленые сто-долларовые бумажки.

Сержант осмотрелся по сторонам — в пустом коридоре были только они.

— Больше ничего такого нет?

— Вот такое есть, — усилил давление Ефим и положил еще две бумажки. — А другого нет.

— Ладно, — вздохнул сержант, нагнулся, поднял с пола пистолет и пошел к выходу.

Тревога оказалась ложной — предполагаемый злодей, крупный мужчина лет сорока, чем-то и впрямь похожий на Скрепова, не сбавляя темпа и не делая каких-либо попыток завязать общение, просто прошел мимо.

Но настроение все равно испортилось: Ефим ни на минуту не забывал о случившихся, а главное — предстоящих событиях.

— Чего такой кислый? — спросил его Птицын по дороге к автобусу. — Смотри, как все вокруг замечательно.

«Знал бы ты, какие у нас тут события разворачиваются», — подумал про себя Береславский, однако вслух ничего не сказал.

Да и что тут скажешь?

К морю подъехали очень скоро. Но еще раньше почувствовали его холодное дыхание: если в Иркутске температура воздуха доходила до +30, то на побережье было всего +22. Ефим представил себе невероятно гигантскую чашу, заполненную ледяной, даже летом, водой.

Ее температуру он знал не по рассказам. Лично купался в восьмиградусной бодрящей байкальской водичке, чтоб показать потом фото своей московской девчонке — дело было на студенческой практике.

От ближайшего мангала — которых здесь было во множестве — пахло дымком, а вместе с ним — восхитительным запахом закопченного омуля.

О, какой это был запах!

Омули лежали стройными рядками на цветных подносах: красивые, ладные, медно-коричневого цвета. И в каждый омулиный рот была вставлена маленькая щепочка, не дававшая ему закрываться во время копчения.

Пережив муки выбора, Ефим заплатил за товар и впился зубами в нежный, сочный, еще горячий омулиный бок. Это было фантастически вкусно.

Друзья не отставали. Рядом, аккуратно, стараясь не испачкать усы, жевал Док. Здесь же, наслаждаясь физически, смачно чавкал Птицын.

Первым, как и следовало ожидать, насытился Док. Вторым — Птицын. Береславский бы не насытился никогда, но его буквально за руки оттащили от рыбы.

— Ну, что, пошли в музей? — деловито спросил Птицын.

Док, как интеллигентный человек, не возражал.

Возражал только Береславский, и то — мысленно. Он уже искал благовидный предлог, чтоб улизнуть от культурной программы, как все вдруг решилось само собой. По радио объявили, что «Ракета», только что пришедшая по Ангаре из Иркутска, готовится отплыть в Большие Коты.

— Большие Коты! — возбудился профессор. — Это не место рождения великого Семенова?

— Какого Семенова? — с энтузиазмом спросил Птицын, неустанно пополняющий свои запасы знаний.

— О, это был настоящий гений, — благоговейно закатил глаза Ефим Аркадьевич. — Нобелевский лауреат, между прочим. Один из лучших в мире химиков, открыватель цепных химических реакций.

— Не знаю такого, — сознался Птицын.

— Я должен ему поклониться, — серьезно произнес Ефим. — Это был гениальный человек.

— Ну, давай поделимся, — неохотно согласился Игорь Викторович, не испытывавший пиетета к техническим наукам. — Только к пяти будь здесь. А вечером у меня запланирована поэзия.

— Лады! — обрадовался Береславский и затрусил к пристани, пока Птицын не передумал.

Все короткое путешествие на «Ракете» он просидел в закрытом салоне: снаружи, в кормовом закутке, ужасно дуло. Кроме того, Береславский все же побаивался Байкала, никак не считая его обычным озером. А внутри было спокойно.

В Больших Котах оказалось даже спокойнее, чем в «Ракете».

Пристань из деревянных свай и деревянных же досок настила с поскрипыванием приняла четырех пассажиров, после чего людское движение полностью прекратилось.

Здесь было потрясающе тихо. Ни людей, ни машин. Ни копченого омуля.

Ефим пошел по берегу, отошел от причала метров на двести и присел на перевернутую рыбацкую лодку.

В пяти метрах от него Байкал накатывал на берег небольшие, с белой пеной, волны. Солнце палило прилично, однако жарко не было, скорее даже прохладно: Береславский быстро вернул на плечи опрометчиво снятый пиджак.

Из живых существ неподалеку бродили лишь большой красно-белый петух и три грязно-белых курицы. Петух поначалу недоверчиво и недобро посматривал в сторону профессора, но потом, убедившись в полной сексуальной беспомощности потенциального соперника, успокоился окончательно.

Береславский вдруг понял, что эту картину он когда-то уже видел.

Даже не видел, а — чувствовал.

И лодка перевернутая, и бдительный петух. И тишина.

И Байкал, конечно.

Только не помнил — когда это было: жизнь за спиной длинная.

Ефим прикрыл глаза. Вокруг — ни звука. Лишь шипение набегающих на обкатанную гальку волн.

До обратного отхода «Ракеты» оставалось полчаса.
И это были хорошие полчаса...

Глава 28

Трасса Иркутск — Улан-Удэ, 1 августа
Дорога, стихи, авария

Обещанный местными водителями серпантин за Иркутском Ефима не впечатлил. Может, зимой это и было бы испытанием. А так — он видал и покруче.

В сторону Улан-Удэ шло вполне приличное шоссе, с вполне приличными поворотами. Да и высота сопок, по которым извивалась трасса, никак не тянула на настоящие горы. Правда, ее оказалось достаточной для того, чтобы на одном из изгибов серпантина создать великолепнейший вид на Байкал. Даже выемку сделали специальную, чтоб люди могли остановиться и поглазеть на это чудо.

Все участники пробега высыпали из машин. Кроме Береславского, понятно, который лишь открыл окно и извернулся так, чтоб захватить своей камерой наиболее шикарный ракурс. Была бы «Нива» на метр шире — ракурс был бы еще шикарней.

Вскоре попрощались и с горами, и с Байкалом.

Пошел чудесный восточносибирский пейзаж: леса сменялись огромными открытыми пространствами, перечеркнутыми глубокими руслами рек.

Ефима еще поразили мосты: речка-то — слова доброго не стоит. Курица вброд перейдет. А мосты здоровенные, с мощными металлическими фермами.

Зачем — поняли только в Хабаровске, через несколько дней, когда ждали свои «Нивы», медленно ползущие на железнодорожных платформах-«сетках».

По телевизору показывали природные катаклизмы, происходившие как раз на этих, только что ими пройденных, участках. Мгновенно вспухшие от пролившихся ливней речонки и речушки смывали на своем пути не только казавшиеся вечными мосты, но, подмывая берега, обрушивали в поток целые деревни. А, насытив воду прибрежной глиной, устраивали настоящий селевой поток.

Вот такие малюсенькие речки...

Но не только мощью славились вышеуказанные мосты. «Пробегники» вскоре обнаружили еще одно неоценимое их качество.

Оказывается, многие из них были построены с «трамплином». Предмостное дорожное покрытие было выше, чем на мосту. Иногда трамплинчик был устроен наоборот — уже на съезде с моста.

Для чего это было задумано — неизвестно: Ефим, по простоте душевной, склонялся к мнению, что никто ничего и не задумывал — само вышло. Однако ситуация народу понравилась. Сильно разогнавшись, можно было добиться от «Нив» нескольких секунд настоящего полета.

Удовольствие настолько понравилось, что на одном, — наиболее «трамплинном», — мосте решили посоревноваться — кто прыгнет выше и дальше?

Вот здесь Береславскому совсем было не лень. Он старался изо всех сил, но все равно занял последнее, пятое, место, потому что инстинктивно притормаживал, жалея машину. Победу же одержал — во всех смыслах, с большим отрывом — первый экипаж, являвший собой редкую смесь водительских умений и полной безбашенности.

Угомонившись и залив под завязку топливо на одной из заправок, помчались дальше.

Интересно, что ни серпантин, ни «прыжки в высоту» не разбудили внепланового пассажира третьего экипажа. Он сладко спал, то приваливаясь к плечу Дока, то мощно упираясь в правую дверь. Самурай со Смагиной ехали в концевой машине, потому что они просто бы не влезли в свою: и Док был немаленьким, и Рыжий был здоровенным.

Да, как ни удивительно, но доктор социологических наук Птицын вовсе не подлетал в данный момент к столице нашей Родины, а болтался на неровностях трассы где-то посередине между Иркутском и Улан-Удэ.

Самолет улетел ранним утром без него. И даже поздним утром разбудить его удалось лишь на десять минут, за которые его успели свести вниз и посадить в машину №3.

В принципе — ничего страшного: Ефим уже договорился о билете для Рыжего из столицы Бурятии. Но совесть слегка терзала: в глубоком сне Птицына была и его, Береславского, вина.

Ефим вспомнил вчерашний «поэтический вечер». Зашли в абсолютно пустую кафешку, — в их же гостинице, — на пять минут, а задержались на полтора часа.

Начал, как обычно, Птицын. Сначала — любимый Мандельштам.

Нет, начали, как обычно, вместе: смаковали портвейн, закусывали бедой. Сначала — об искусстве, потом — о женщинах.

Потом темы смешались.

Но — опять не по порядку.

Об искусстве все-таки начали с Мандельштама. И начал, как уже было сказано, Птицын. Задрав сверху свою рыжую бороду и прикрыв выпуклые, обрамленные рыжими же ресничками, глазки — он даже очки свои круглые по такому поводу снял — доктор социологических наук приступил к декламации:

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю,
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

— Тебе не кажется, Ефим, что мы подходим к возрасту, когда такой Осип Эмильевич становится просто необходимым? — спросил он, закончив. — Хотя раньше мне больше нравилось другое. — И, не дожидаясь ответа, прочитал второе стихотворение:

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,

От мира целого
Ты далека,
И все твое —
От неизбежного.

После чего надолго замолчал: стихи производили на Птицына сильное впечатление, и ему нужно было время, чтобы пережить их действие.

— Мне нравится Мандельштам, несомненно, — чуть выждав, согласился Ефим. — Но там, где он не вполне правильный, чтоб тонкость и деликатность была.

— У него везде тонкость и деликатность. — Рыжий, не надевая очков, посмотрел на Ефима недобрым взглядом.

Это был нехороший признак.

Кроме того, Береславский мысленно пересчитал выпитые рюмки. Получалось немало.

— А слабо самому что-нибудь прочесть? — с такой же недоброй ухмылкой спросил вдруг социолог.

— Легко, — миролюбиво ответил Ефим. — Павел Васильев. Целиком.

— Ну, давай своего Васильева, — благодушно махнул рукой Рыжий. — Кстати, нам нужны слушатели, не может быть поэзия без слушателей.

— Где мы их возьмем? — усомнился Береславский. Что-то подсказывало ему, что с этим будет непросто.

— Где хочешь, ищи, — заявил Рыжий. — Я намерен сегодня читать стихи. В конце концов, ты здесь командор. Не будет аудитории — обижусь.

Он взял у Ефима ключ и поднялся наверх, в номер Береславского, а Ефим вышел на улицу искать публику. Машины стояли на охраняемой стоянке, но ни механика Саши, ни Женьки-фотографа, ни водителей около них не оказалось. Положение становилось безвыходным.

«А куплю-ка я водки», — вдруг решил Береславский. В конце концов, водка, легшая на портьейн, способна замаскировать отсутствие народа. И пошел обратно в гостиничное кафе.

Там все было по-прежнему: недобрая тетка за стойкой, в белом переднике и в белом же колпаке, три маленьких столика, прикрытых серыми несвежими скатертями. И стол был занят опять только один. Но на этот раз за ним сидели четыре девчонки.

«А почему бы и нет?» — подумал Ефим и подошел к ним:

— Девчонки, вы стихи любите?

Девчонки смущенно хихикнули.

— Смотря какие, — сказала одна, симпатичная полногрудая шатенка. Лет ей было под тридцать, остальные — значительно моложе

— Так какие любите? — допытывался профессор. — Может, прочтете?

— Не про любовь, — усмехнулась девица.

— Давайте не про любовь, — согласился Ефим.

— Борис Пастернак, — начала шатенка голосом диктора Левитана. — «К Пильняку».

Иль я не знаю, что, в потемки тычась,
Вовек не вышла б к свету темнота,
И я — урод, и счастье сотен тысяч
Не ближе мне пустого счастья ста?
.....

Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.

— Блеск! — искренне восхитился Береславский. — А почему Пастернак?

— Потому что нравится, и потому, что я по нему диссертацию писала.

— Вы — то, что мне нужно, — обрадовался Ефим.

— Полторы тысячи за час, десять — за ночь, — расставила точки над і дама.

— Не вопрос, — согласился Береславский. — Плюс три тысячи, если будете читать стихи.

— Не вопрос, — усмехнулась шатенка. — А вас там сколько?

— Двое, — ответил Ефим. И зачем-то добавил: Оба — ученые. Литературоведы.

— Не маньяки? — испуганно спросила одна из девушек.

— Смотря в каком смысле, — не стал кривить душой Ефим. — В сексуальном — нет.

— Двадцать пять — и пойдем все, — решила «филологиня».

— Двадцать — и по рукам, — взыграло в Ефиме бизнесменское начало.

— И три тысячи за стихи.

— Договорились, — согласился Береславский.

Потом все-таки подошел к стойке и купил водки. Две бутылки вполне могли зрительно увеличить численность слушателей в глазах неугомонного Рыжего.

Когда они вошли в номер, Птицын, что-то напевая, рылся в памяти ноутбука Береславского.

— Садитесь, девочки, — пригласил Ефим.

Птицын обернулся. Снял очки. Затем снова надел их и строго спросил:

— Ты кого привел, маньяк?

Ефим нервно взглянул на шатенку:

— Ну, давай, читай!

И она не подвела:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я список кораблей прочел до середины:

Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,

Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи —

На головах царей божественная пена —

Куда плывете вы? Когда бы не Елена,

Что Троя вам одна, ахейские мужи?

— А-бал-деть... — тщательно выговаривая слоги, произнес умилившийся Птицын.

Потом они с шатенкой долго «пели» на два голоса, явно отправив в игнор всех остальных. В репертуаре присутствовали все те же Мандельштам, Ахматова, Пастернак. Потом помянули Васильева, которому советская власть щедро отвалила тюрьму в 23 года и пулю — в 26:

Снегири взлетают красногруды...

Скоро ль, скоро ль на беду мою

Я увижу волчи изумруды

В нелюдимом северном краю...

Много чего прозвучало в номере Береславского. Попутно «уговорили» обе бутылки, так и не озаботясь закуской. Причем выделялись в этом процессе Птицын и филологиня: Ефим лишь пару раз приложился, а другие девчонки и вовсе только пригубили свои рюмки, слегка шокированные происходящим.

Закончил Птицын, как ни странно, коротким, но мрачноватым стихотворением хозяина номера.

Читал он его медленно, с придыханием и подвыванием:

Коль не умеешь петь — молчи.
Коль силы нет терпеть — кричи.
Быть можешь только с ней — люби.
Враг жалит все больней — руби.
В нейтральной полосе — замри.
Не можешь жить, как все — умри.

Произнеся последнюю, наиболее жизнеутверждающую строфу, социологический профессор опустил голову на грудь и заснул.

Благодарные слушательницы перетащили его на диван и вопрошающе посмотрели на «распорядителя праздника».

Береславский быстро достал деньги и расплатился с шатенкой.

— До свиданья, — попрощались девчонки, выходя.

— Это был прекрасный вечер, — тепло сказала шатенка и весело подмигнула Ефиму.

Вот такая проистекла ночка, предшествующая сегодняшней езде.

Береславский бросил взгляд в зеркальце заднего обзора. Обычный доктор был виден, социологический — нет.

— Ну, как там наш Птицын? — спросил Ефим у Дока.

— Один глаз открыл, — ответил Док. — Сейчас голос подаст.

И Птицын подал голос. Заорал как резанный.

Ефим и сам уже все видел: прямо на него со встречной полосы сворачивал грязный трехосный «КамАЗ».

«Господи, за что?» — только и успел подумать он.

Время измерялось секундами, и если бы руки ждали приказа от головы, то через эти секунды Ефим и два его товарища превратились бы в кровавое месиво. Но, к счастью, руки водителей с двадцатипятилетним стажем не ждут приказов от головы. Они действуют сами. Как и ноги, которые не только не давили на бесполезный тормоз, но даже успели нажать на полезный газ.

Выкрученные колеса и дополнительное усилие со стороны двигателя помогли быстрее вывернуть машину к правой обочине.

«Нива» получила-таки свой удар. Но не в лоб, как предполагала дорожная ситуация, а по касательной.

Этого пинка, вкупе с усилием родного мотора, с лихвой хватило на то, чтобы не маленькая, в принципе, машина перелетела через боковой кювет. Причем не «мордой» вперед, а почти боком.

За кюветом она приземлилась на все четыре колеса, несколько раз дико подпрыгнула и понеслась под углом от шоссе, сначала по кустарнику, потом по старой стерне, впрочем, с каждой секундой гася скорость.

Шум и треск при этом стояли ужасные, но и они не смогли заглушить удар, раздавшийся за спиной.

«Четвертый экипаж», — подумал Береславский.

Оглядываться не хотелось. Было так горько, как, пожалуй, никогда до этого.

— Сдай назад, — сказал Док.

— Что? — не понял Ефим.

— Быстрее сдай назад, — уже резче приказал Док. — Там люди.

Ефим заставил себя посмотреть в зеркало заднего вида.

На дороге, перегораживая ее, стоял «КамАЗ». Кабину не было видно, но на остальных частях повреждений не наблюдалось.

Ефим теперь уже целенаправленно искал пострадавшую раскрашенную «Ниву». Не могло же быть, чтобы от машины вообще ничего не осталось!

И обнаружил: «Нива» № 4 стояла, как и его собственная машина, на старом поле, тоже, по-видимому, сумев уйти от прямого столкновения. Присмотревшись, Береславский заметил, что ей все-таки досталось больше: все ветровое стекло в паутине трещин и, наверное, проблемы с «передком».

Однако это явно не могло быть последствиями лобовой встречи с грузовиком. Скорее — с ветками придорожных кустов.

Пятая «Нива» стояла на шоссе поодаль. Совершенно целая.

Но он же слышал отвратительный звук!

— Ничего не понимаю, — вслух произнес Береславский.

— Между нами и «четверкой» влезла «Газель», — объяснил Док. — Я ее видел. Давай назад, может, там есть живые.

Ефим развернул «Ниву» и поехал к месту катастрофы.

«Газель» частично рассыпалась по дороге, частично буквально свернулась в металлический, с торчащими наружу прутьями и слегка дымящийся клубок.

Живых в микроавтобусе не было. Не нужно быть врачом, чтобы понять: скопище окровавленных тряпок и выпирающих белых костей в той части кузова, где сидел шофер, не имело никакого отношения к жизни. Больше никого внутри искореженного железа, к счастью, не наблюдалось.

Как ни странно, Ефиму стало чуть легче.

Да, человек погиб. Но не безвинно — Док сказал, что водитель «Газели» грязно обгонял и влез перед четвертой машиной довольно резко. Может, это и послужило причиной странных действий водителей «КамАЗа»?

— Док, сюда! — вдруг услышали они крики.

Ребята из пятой машины махали руками, находясь не менее чем в десяти метрах от дорожного полотна.

Док, с предусмотрительно прихваченным медицинским чемоданом, быстрой рысцой помчался туда.

Ефим тоже пошел, не желая оставлять его одного. Но идти не хотелось. Четверть века водительского стажа не оставляли надежд на лучшее. Смотреть же лишний раз на трупы — удовольствие не из приятных: Ефим никогда не мог понять радости зевак на месте аварий.

А Док уже всю копошился, встав на колени перед чем-то невидимым в высокой траве.

«Неужели, живой?» — обрадовался Береславский, двигаясь к месту находки.

Там был ребенок, мальчик лет пяти. На вид — практически без повреждений.

— Когда машину разворотило, он просто вылетел в дыру, — объяснял водитель пятой «Нивы».

— Он живой? — спросил Ефим Дока.

— Да, — кратко ответил тот.

— Почему не шевелится?

— Шок. Ефим, ты мне мешаешь.

— Извини. — Ефим не обиделся и отошел в сторону, сев прямо на пожелтевшую траву.

А рядом с «КамАЗом», на дороге, начинался самосуд над шофером, который оказался таким пьяным, что запах перегара учуяли еще из кабины. Он в аварии вообще не пострадал, но сейчас вполне мог разделить участь водителя «Газели». Но тут подлетел «жигуленок» с синими милицейскими полосами и мигалкой, и избиение сразу прекратилось.

— Ефим, — услышал он голос Дока. — Не бойсь, все обойдется.

Мальчик уже был на руках их автолидера, водителя первого экипажа. Пацан что-то говорил Василию, а здоровенный парень старался стоять так, чтоб мальчишка не увидел остатков «Газели».

— Это его отец? — спросил Береславский.

— Говорит — нет, — сразу понял Док. — «Газель» — маршрутка. Его на остановке посадила бабушка, а встретить должна мать. Но сначала надо в больницу, сотрясение-то наверняка имеется. Я пересяду в первую машину, отвезем мальчишку побыстрее.

— Конечно, — согласился Ефим и, подойдя к мальчику, спросил: — А где тебя мама будет ждать?

— В Глебовке, — ответил вполне пришедший в себя пацан.

— А вдруг там не одна остановка? — заметил подошедший Птицын.

— Глебовка — маленькая деревня. И прямо на трассе стоит, — успокоил его Ефим, перед каждым этапом тщательно изучавший карту. — Подберем женщину и довезем до райбольницы.

— Конечно, конечно, — одобрил Птицын. Он был готов опоздать на рейс еще раз, если это кому-то пойдет на пользу.

Гаишники тем временем начали свои измерения. Пьяного водителя увезли, а Василий с Доком и ребенком умчались дальше по трассе.

Глебовку Ефим с Птицыным, пересевшим на переднее сиденье, определили быстро. Молодая женщина уже стояла у остановки. Ефим притормозил, вышел из машины и, стараясь не напугать, объяснил ситуацию, напоирая на то, что мальчуган невинен.

Потом довезли ее до районной больницы. Когда она скрылась в дверях — поехали дальше.

Вообще-то, этот переезд планировался как один из не самых длинных. Но сначала «прыжки», а потом — авария, привели к тому, что в Улан-Удэ попали ближе к вечеру.

Планов на его позднее окончание Ефим не строил — ему еще надо было везти в аэропорт Рыжего.

Так что даже не выпили напоследок.

До аэропорта доехали очень быстро.

Птицын махнул рукой, улыбнулся на прощание, и, пламенея головой, прошел сквозь узкую дверь на спецдосмотр.

А Ефим почему-то еще долго смотрел ему вслед.

Нет, никакого предчувствия у него не было.

Просто грустно, непонятно почему.

А может, так и должно быть? Чтоб было грустно, когда расстаешься с хорошими людьми.

Даже не зная о возможных предстоящих превратностях судьбы. Потому что, если еще и заранее знать, лучше вообще не рождаться, все равно конец известен.

... Что касается доктора социологических наук, то Птицын сначала попал под машину. Это случилось через год, в начале зимы. Шел с рекламного фестиваля, в снегопад, не заметил летящие «Жигули».

Травма была не слишком опасна: пока Ефим собирался его навестить, сломанная нога Рыжего успела срастись.

Береславский позвонил узнать, когда выписывают — а он, оказывается, уже умер от воспаления легких. Объяснили — тучные люди тяжело переносят неподвижность.

Так что свиделись только в церкви, на отпевании. Пришло много народу — горластого и доброго Птицына все любили. А он лежал в гробу, с ленточкой, опоясывающей лоб, нереально тихий, и борода была не рыжей, а серой...

Но тогда, в аэропорту Улан-Удэ, Береславский всего этого не знал. И, слава Богу, что не знал.

Глава 29

Хабаровск, 9 августа

Из дневника Самурая (запись пятая)

Утро началось со звонка на станцию.

Ничего хорошего нам там не сообщили. Наши платформы ожидались только ближе к вечеру. Правда, железнодорожники пообещали отдать

машины сразу, даже если состав прибудет ночью, однако это мало что меняло. Ясно, что на последний этап мы выедем все равно не раньше начала завтрашнего дня.

А этот день нам предстояло провести в уже поднадоевшем Хабаровске.

И тут я решил, что, может, это тоже неспроста складывается. Я давно подумывал о встрече Шамана и Береславского. Ее и вчера можно было при желании организовать. И позавчера. Но что-то меня останавливало. Может, ожидание каких-то неожиданностей: уж слишком разные они люди.

А сейчас — все складывалось само собой.

Я позвонил Ефиму в номер. Он отреагировал на идею мгновенно. Иногда мне кажется, что ему все равно куда ехать — лишь бы ехать.

Док тоже был готов составить компанию.

И Танечка моя не возражала, чему я был очень рад. С первого дня знакомства надеялся когда-нибудь показать ее Шаману, хотя тут уж точно не ожидал никаких неожиданностей. Если и есть некие опасения с Татьяной Валериановной — то лишь в том, что моя маленькая Родина и мой маленький народ могут показаться ей не слишком интересным местом для постоянного обитания. Все же она выросла в большом городе.

Бандитов тоже можно было не бояться — машина-то наша еще не пришла. А весь порошок, как они предполагали, находился в ней. Надо сказать, я по ним не соскучился. Хотя очень надеюсь, что парень из голубого «лого» все же объявится. Он для меня — единственный ориентир на быстрые и большие деньги...

Я планировал ехать на рейсовом автобусе до райцентра, а оттуда — договорится Шаман. Мы, кстати, общаемся с ним по сотовому. И в нашей глуши заработал мобильный телефон. Правда, пока только на одном, ближайшем к райцентру, холме, который сразу потерял прежнее название

и стал — нет, вовсе не телефонным, а — Говорильным. Неисповедимы пути народного эпоса.

Однако Береславский решил иначе. Он сначала позвонил в Москву, а потом, дождавшись ответа, — по-местному.

В итоге, мы поехали...

Никогда бы не подумал, что Ефим Аркадьевич так дружит с «патриотами» — меня они, по ряду причин, всегда немного раздражали. Но именно в результате этой дружбы мы сейчас и едем в зеленом, раскрашенном под камуфляж «УАЗе» в сторону моего родового гнезда.

За рулем тоже сидел их парень, хорошо хоть не в униформе. Но зато с каким-то доморощенным орденом — любят же они себя награждать...

— Надо же, сколько лет живу, ни разу там не был. — Нашего водителя зовут Стас, и он человек вполне общительный — когда без нагайки.

— Вот и посмотришь, — доброжелательно сказал ему Ефим, с которым они сразу подружились — у Береславского, похоже, какие-то совершенно особые телефонные рекомендации.

— Туда из наших никто и не ездит. Местные там больно своеобразные.

— Один из них сзади сидит, — хохотнул Ефим. — Абориген, понимаешь. Может ходить по воде и скакать, как белка.

Вот же неугомонный! Хоть бы при Стасе был чуточку политкорректней. Хоть ждать от него этого неразумно. При первой моей встрече с Татьяной Валериановной, когда я весь трепетал, та спросила, чем я люблю «заниматься по жизни», так Береславский за меня ответил — «недружественным изъятием скальпов». Мне тогда и в самом деле захотелось недружественно изъять его скальп.

— Так ты местный? — обрадовано сказал Стас, чуть развернувшись ко мне.

И чего он так обрадовался? Лично для меня казаки — продолжатели того дела, которое начал Ермак. До сих пор боремся с последствиями.

— Он Ермака не любит, — опять удивил меня Береславский. Иногда мой толстый и веселый друг, горожанин до мозга костей, тоже кажется мне немножко Шаманом. Только попроще, и без лесных корней. — Он считает, что если б не Ермак, то его родичи были бы в шоколаде.

— А ты думаешь — нет? — спросил его я.

— Думаю — нет, — отрезал он. — Свято место пусто не бывает. Пришли бы монголы. Или китайцы. Жечь и резать они тоже умели. Но, в отличие от русских, никогда не строили заведомо многонациональную империю.

— Так ты — империалист? — теперь уже удивился Док.

— Господи, как же вы любите ярлыки, — ухмыльнулся Береславский.

— Кто это — мы? — Это уже моя Танечка.

— Люди, не желающие искать новые пути решения старых вопросов.

— Я желаю, — не согласилась Смагина. — Поделитесь, пожалуйста.

— Интересно, конечно, — услышав про империю, согласился и Стас.

— А все не так сложно, — снизошел до объяснений Ефим. — Конечно, Ермак — завоеватель. И делал он это вовсе не для улаживания местных жителей. Но его интересы и их интересы во многом стратегически совпадали. Хотя во многом и расходились. Однако уже не стратегически.

— В чем же они совпадали?

— А в том, что русские не собирались замещать собой местные народы. Они собирались властвовать над ними, это факт. Но замещать собой — нет.

Более того, местную знать поднимали на самый верх. Она практически имела те же права, что и русское дворянство. И постепенно становилась неотъемлемой частью этого самого русского дворянства. Империи ни в коем случае нельзя делить своих граждан на людей и «не очень».

— Но ты-то, разумеется, понимаешь, в чем главная ошибка Романовых? — не удержался Док.

— Разумеется, понимаю, — согласился Ефим. — Они не заметили дисбаланса. И этот дисбаланс их убил.

— А что о нашем движении скажете? — усмехнулся Стас. — Для меня-то царь — не просто должность.

— Понимаю, — согласился Ефим. — Хотя и не разделяю вашей точки зрения.

— А как же вы с Андреем нашим сдружились? — засмеялся Стас. — Он ведь не столь толерантен, как я. И придушить может.

— Я считаю Андрея умным и порядочным человеком. Даже не принимая его главных идей. И он, возможно, так же думает про меня. Вот и сдружились, — спокойно объяснил Береславский. —

Да и нет проблем в том, что мы мыслим по-разному. У нас — главное желание общее: чтоб страна, в которой мы живем, крепла и развивалась. Или чтоб параллельно ее граждане жили лучше и веселее.

А то в нашей истории, как правило, эти два процесса не совпадали. Танков становилось больше, а еды и свободы — меньше. Или наоборот.

— А что говорит Андрей о свободе в вашем понимании? — не унимался Стас.

— Плохо говорит, — сознался Береславский. — Правда, как человек религиозный, — не матом.

— И это вас устраивает?

— Нет, меня это не устраивает. Но многое из того, что он делает — очень полезно. Например, та же борьба с пьянством. Или культ многодетных семей, причем с детьми, выращенными любовно. Или противодействие тем из гостей страны, которые желали бы избавиться от ее хозяев. Разве подобная его деятельность не полезна?

Я сам, например, очень тепло отношусь к Востоку. Очень люблю Китай и его жителей, не раз там бывал. Но как-то не хотелось бы мне однажды проснуться в пусть и богатой, но китайской Московии.

— Э-э, да вы, батенька, еще и националист... — подначил Док.

— Ничего подобного, — отбился Ефим. — Нет такой нации, которую я бы ненавидел. Значит — не националист.

Но мне действительно хочется, чтобы Россия, при всем своем национальном многообразии, оставалась бы Россией. Ты мне это желание простишь, Док?

— Я-то тебе все прощу, — ухмыльнулся Док, — а вот простят ли тебя любимые либералы?

— И патриоты, — усмехнулся Стас. — Как-то вы опасно по середине прогуливаетесь...

— А мне, по большому счету, безразлично, что скажут о моих воззрениях те или другие. Мне главное, чтобы мои дети считали меня порядочным человеком, остальное — менее важно, — поставил точку Ефим. — И вообще, пора менять тему. Мы нашу Татьяну Валериановну политикой уже замучили.

— Нет, почему же, — немедленно отозвалась та. — Мне даже очень интересно.

Но разговор о политике и в самом деле как-то увял.

Мы давно уже свернули с трассы на более узкую, но еще асфальтовую дорогу. Потом, после того, как проехали райцентр, твердое покрытие как-то незаметно рассосалось. Исчезло оно не сразу, а постепенно — сначала появились редкие грунтовые проплешины, потом они участились и удли-

нились. А потом — уже закономерно — исчез сам асфальт.

Да он бы здесь и не был уместен. Начиналась настоящая тайга. Кое-где посреди дороги встречался низкий подрост, иногда его даже приходилось объезжать по обочине. Дорога явно не была оживленной.

— Никогда сюда не доезжал, — сознался наш водитель. А едем-то от Хабаровска — меньше пяти часов.

Наконец, через полчаса тряски по корням, окончательно победившим бывшее дорожное полотно, мы въехали в наше село.

Это уже не было стойбищем — дома ставили из дерева, а два здания вообще были сложены из привозного кирпича. Зато воздух был потрясающий. А с самого высокого места виднелся — причем по всей диагонали пейзажа, как любят выстраивать кадр фотографы — широкий изгиб нашей небольшой, неторопливой реки.

Вот здесь я и живу. Точнее — хотел бы жить.

Я со страхом посмотрел на Татьяну. Она — на меня. И в ее глазах страха не было. А на губах была улыбка.

Неужели ей понравилось?

Нас прибежала встречать ватага таких же раскосых, как я, мальчишек. Их Таня осмотрела особо внимательно. Представляет, как будут выглядеть наши с ней детки? Ох, как бы я этого хотел.

— Здорово, дядя Володя! — разноголосо заорали они. Их было мало, всего человек восемь. А живых отцов и у пяти не насчитается.

Я прямо из машины с удовольствием протянул им заранее припасенные пряники. Не слишком мытые ручки мгновенно их расхватали.

И тут же потеряли ко мне интерес. Зато обнаружили его к моей любимой Татьяне Валериановне.

Та, со мной не сговариваясь, поступила также. Только вместо пряников оказалось печенье «Юбилейное». А двум девочкам достались крохотные куколки.

Осчастливленные дети тут же невежливо смылись, и мы вылезли из машины, чтобы размять порядком затекшие ноги.

— А воздух тут в самом деле можно в консервные банки закатывать и продавать, — по-своему похвалил природу наш бизнесмен. — Ну, чего, пошли к колдуну?

Я не обиделся. Сейчас он присмирееет. При Шамане все смиряются: и простые граждане, и даже редко забредающая сюда власть.

А вот он и сам.

Шаман. Деда Сережа. Его обступили дети, хвастаясь подарками, и он всех успел кого погладить, кому воротник поправить.

Шаман не казался моложе своих лет, наоборот, он вообще потерял хоть какой-то возраст. В равной мере ему можно было дать и пятьдесят, и сто. Задубевшее темное лицо было почти все покрыто пегой бородой. Смуглые заскорузлые ладони торчали из рукавов ветхого зипуна. Разрез глаз не слишком угадывался под нависшими седыми — а, точнее, пегими, как и борода — бровями.

— Привет, сынок, — сказал он мне.

— Привет, деда Сережа, — ответил я. Больше всего мне хотелось броситься и обнять старика. Да и ему, уверен, тоже. Только не принято у нас таких нежностей. Может, зря?

— Здравствуйте, — уважительно пожал ему руку Береславский, и только рот раскрыл, чтоб представиться...

— Здравствуйте, Ефим Аркадьевич, — четко выговаривая все буквы, поздоровался с ним Шаман. И тоже уважительно — не со всякими он так, далеко не со всякими! — пожал протянутую руку. Это меня удивило и обрадовало. Причем обрадовало больше, чем удивило.

— Здравствуй, девочка, — нежно обнял он Таню. — Осматривайся, привыкай. Тут тебе жить долго и счастливо.

У меня внутри аж заглодело. Если он ошибся, то рухнет сразу все: и моя любовь, и слепая вера в его способности.

Но ведь еще ни разу не ошибся? — меня потихоньку начала заливать теплая замечательная радость. Ведь еще ни разу на моей памяти не ошибся старик!

Потом он пригласил нас в дом, и мы зашли в избушку, в которой прошла добрая половина моего детства. На пороге пришлось на ходу подхватывать Береславского, прицелившегося своим немаленьким носом прямо в чисто выскобленную половицу. Забыл, оказывается, ученый профессор, что в диких краях не только верхний косяк низкий, но и нижний порог высокий. Потому что нам, чукчам типа, и нагнуться, и ножку поднять несложно. Пузо-то — не мешает! Зато зимой гораздо меньше тепла из избушки выходит, когда дверь открываешь.

Внутри тихо и славно пахло сухими травами. Они и сейчас, и раньше были полноправными хозяевами этого жилища, свисая с протянутых под потолком плетей лиан, оккупировав лежанку большой печи и все сколько-нибудь пригодные для хранения плоскости.

Да, Шаман знал толк в травах. Даже воспаление легких убирал у бедолаг без антибиотиков. А воспаления легких бывали часто. И вовсе не из-за тяжелых климатических условий, в основном — из-за банального пьянства.

Он аккуратно сдвинул траву с деревянного, почерневшего от времени, стола и предложил всем чаю.

Народ согласился, и уже через четверть часа с удовольствием хлебал из больших глиняных кружек сваренный в настоящем самоваре теплый ароматный напиток. Опять же — не из индийских, а из дедовых трав.

— Ну, что, — улыбнулся Шаман. — Вовремя доехали. Большой дождь будет скоро.

В Береславском немедленно проснулся ученый.

— А как вы получаете эту информацию? — уважительно спросил он Шамана.

— Обычно по радио, — на полном серьезе ответил тот и кивком показал на стоявший в тени древний транзистор «ВЭФ».

Смагина деликатно фыркнула, Док откровенно заржал, но профессора это никак не задело.

— А что за растение добавлено в напиток? — снова любопытствовал он.

— Листья индийского чая, — опять же честно ответил Шаман.

На самом деле дед почти не шутил, потому что чайный лист был действительно лишь добавлением к сложному составу, из которого лично я знал мелиссу, жень-шень, мяту, золотой корень, элеутерококк. А сколько их знал Шаман? Иногда мне казалось, что он вообще в тайге знает все. И не только в тайге, кстати.

После чаепития Шаман повел гостей еще к одной нашей достопримечательности — термальной грязи. Идти было недолго — минут пятнадцать. Тоже рядом с рекой. Это были две здоровенные — разделенные невысокой скалой — лужи, до краев наполненные черно-бурой густой бурлящей жижей. Бурлило, конечно, не от кипения, а от выходящих из-под земли нагретых газов.

— Мальчики — налево, девочка — направо, — объяснил Шаман. — Лежать по первому разу не более восьми-десяти минут. Потом — в реку. Вот вам, чтоб обтереться — он раздал предусмотрительно прихваченные полотенца. — В воду заходите спокойно, там ни ям, ни коряг.

Татьяна Валериановна сразу взяла полотенце и молча пошла за скалу. Это мне тоже в ней нравится: она всегда торопится жить и боится пропустить что-то интересное.

Мы с Доком и Стасом тоже начали раздеваться.

Лишь Береславский явно не собирался снимать свои объемистые пиджак и штаны.

— Давай-ка, пацан, снимай все, — строго сказал ему Шаман.

Давненько, видно, г-на Береславского не называли пацаном...

Он смешно покрутил шей и попытался отвертеться:

— Да у меня даже плавок нет.

— А где ты тут плавать собрался? — справедливо заметил дед.

В итоге профессор, хоть и нехотя, приступил к раздеванию, похоже, ему как-то не по себе было спорить с дедом.

Еще через две минуты мы все сидели в луже в чем мать родила. Впрочем, даже вынимая из нее какую-либо часть тела, мы уже не рисковали нарушить правил приличия, потому что были украшены ровным, почти черным слоем теплой и довольно-таки вонючей грязи.

Лежать было сначала — никак, а потом — все приятней и приятней. Даже дремота накатывала какая-то умиротворенная.

Однако уже очень скоро дед сначала крикнул Смагиной, чтоб она вылезала, а потом, когда та ответила, что уже ополоснулась, велел и нам бежать в реку.

— А я бы еще полежал. — Теперь уже не хотел выходить Береславский. Он завалился у края лужи на спину, удобно пристроив затылок на мягкую травину, и, пожалуй, только позой отличался от блаженствующего гигантского хряка.

— Помрешь — належишься, — кратко объяснил ему дед. — Вставай, давай.

Ефим, пыхтя и похрюкивая, вылез из «ванны» и неторопливо пошел за Стасом и Доком к реке.

И вот там его ждало большое разочарование! Мы как-то забыли сказать профессору, что температура в нашей реке никогда не поднимается выше 14 градусов.

— Ни за что! — заорал профессор, пощупав воду пяткой. — It is impossible! — От ужаса он даже перешел на иностранный язык.

— Посибол, посибол, — уверил его Шаман. — Или, что, так обратно поедешь?

Береславский оглядел себя, и в его выпуклых карих глазах засветилось отчаяние.

— Тебе помочь? — участливо спросил Док.

— Как? — воздел руки кверху Ефим Аркадьевич.

— А вот так, — объяснил добрый доктор, дав профессору изрядного пинка. Тот шлепнулся в воду и, стеная и фыркая, поплыл против течения.

Потом немного развернулся и направился к противоположному берегу, теперь уже напоминающая не хряка, а безрогого лося.

Наша река никогда не была широкой, но я забеспокоился и собрался плыть за ним.

— Не бойсь, — осадил меня Шаман. — Он не хилее тебя будет. Только с пузом.

И точно. Профессор доплыл до того берега и вернулся. Можно сказать — почти Белоснежкой...

А потом все разделились. Стас с Доком и Татьяной Валериановной пошли гулять по деревне. А Шаман взял меня и Береславского и повел...

Вот этого я точно не ожидал.

Он привел чужака — пусть и моего друга — к родовому капищу.

Огромный камень и много маленьких камней. Большой сухой ствол с несколькими ветками, на которых — сотни белых и розовых тряпочек.

Это место точно не для туристов.

Но Шаман никогда и ничего не делает зря.

Мы постояли немного молча. Ефиму ничего не объясняли, но он и так понял, с уважением отнесшись к чужой святости.

— Так ты думаешь, Ефим Аркадьич, что помогать слабым народам не надо? — спросил дед профессора.

— Помогают больным, — ответил тот. — Чтоб выздоровели.

— А разве мы не болеем? — спросил Шаман.

— Боюсь, что вы не болеете, — вздохнул Ефим. — Боюсь, что вы не отвечаете изменившемуся миру.

— Я тоже этого боюсь, — грустно согласился Шаман.

— Да ты что! — взвился я. — Что же, вся моя деятельность никому не нужна? А как же идея с резервацией?

— Резервация, — задумался Береславский, — как первый шаг, временный, годится. Чтобы просто не потерять этнос.

А дальше все равно нужно перестраивать народ к новой жизни. Потому что перестроить мир под старую жизнь не удастся. Ну не захочет твоя Смагина прокуковать в избе всю молодость. Даже рядом с тобой.

— Значит, все-таки, помощь? — уточнил Шаман.

— Больному — да, — согласился Ефим. — Если начнет поправляться — пусть пашет сам. Система должна быть самоподпитываемой и устойчивой к внешним возмущениям.

— А если не начнет поправляться? — спросил я.

— Похоронить, — со вздохом ответил рекламист.

...Уезжали, когда уже начало темнеть. На прощанье Шаман удивил меня еще раз. Он подарил Ефиму амулет — маленький многоугольник из вылежанной в реке лиственницы. На нем непонятным образом был искусно выведен наш орнамент. Непонятным — потому что я сам пытался резать ножом вымоченную древесину. И топором — тоже бесполезно. Но как-то дед это делает. На то и Шаман.

Не просто подарил. А положил ему в нагрудный карман рубашки и велел всегда носить там. Ефим, что мне понравилось, отнесся ко всему серьезно. Без ухмылки. Уверен — будет амулет носить.

Все уже сели в «УАЗик», а меня задержал Шаман.

— Держись за него, — сказал он мне.

— А что, он уже почти главный чукча? — поинтересовался я. А чего? Пример с губернатором Чукотки уже был.

— Нет, — не принял шутки Шаман. — Он — орудие провидения.

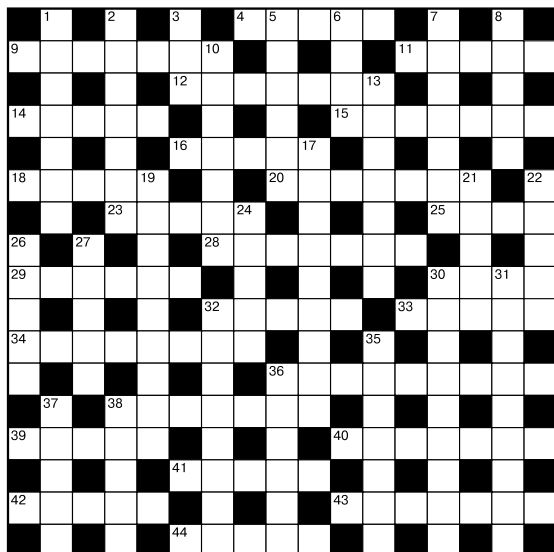
Очень так понятно все объяснил...

— И за нее — тоже держись, — поцеловав меня, — чего раньше никогда не делал, — добавил дед.

И улыбнулся. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Выпускать ... по размерам придумал в 1792 году некий Джеймс Смит. **9.** «Наследственная база». **11.** Драгоценный камень, приносящий счастье тем, кто родился под знаком Весов и Скорпиона. **12.** Что создал Марк Шагал для здания израильского парламента в Иерусалиме? **14.** Под какой духовой инструмент перед концертом настраивается весь оркестр? **15.** «Кто сеет добро, тот пожинает ...». **16.** Каким аллюром бегут пристяжные в русской тройке? **18.** Будущий великий тенор ... Соткилава играл в футбол за тбилисское «Динамо». **20.** Кого болгары называют «огняром»? **23.** В каком городе не нашлось ни одного праведника, кроме Лота? **25.** «Долгая ... — лиш-

няя скорбь» (русская пословица). **28.** Загородная недвижимость. **29.** В каком единоборстве Стивен Сигал имеет седьмой дан? **30.** Из какого города привозил команду КВН ее незабываемый капитан Юлий Гусман? **32.** Чего требуют после отстоя пены? **33.** ..., на котором умер русский писатель Иван Бунин, его наследник сдал в ломбард. **34.** Ученые подсчитали: радио для привлечения постоянной 50-миллионной аудитории понадобилось 38 лет, телевидению — 13. Что справилось с такой задачей за 4 года? **36.** Съедобный гриб, чьи полезные вещества препятствуют жизни стафилококков в нашем организме. **38.** Сказочный герой, принимавший заявки на лечебные пиваки. **39.** Посредник

между скорлупой и желтком. **40.** Профессия киногероя Брюса Уиллиса из фильма «Пятый элемент». **41.** «Неподвижный шарнир». **42.** За произнесение тронной речи в 1715 году французский король Людовик XV получил огромное ... конфет. **43.** Какой цветок в античные времена символизировал бездушие и бесстрашие? **44.** Первый блондин в роли Джеймса Бонда.

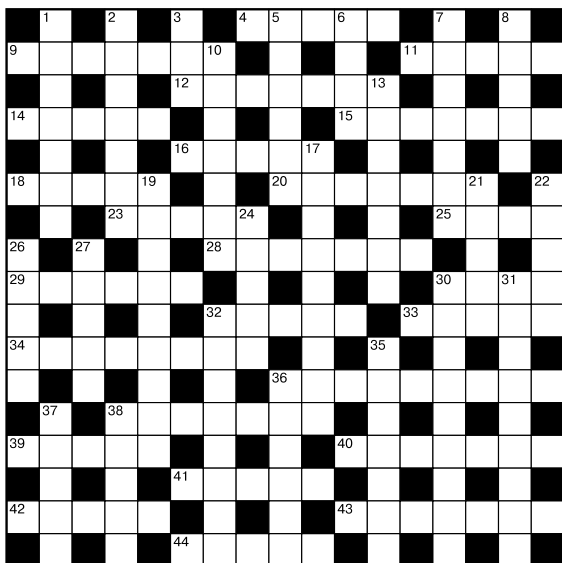
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Инструмент, с помощью которого Рамон Меркадер уколошил Льва Троцкого. **2.** Единственный пахарь среди созвездий. **3.** «Жизнь человека только ..., но сколько неприятностей». **5.** Маленькая штучка, помогающая потерять все ключи сразу. **6.** Какой предмет сообщает о ветренности персонажа в китаяском театре? **7.** Какое лакомство не стоит есть на ночь, чтобы не спровоцировать бессонницу? **8.** На какой пост в общаге ключи сдают? **10.** «Ничто так не разжигает подозрений жены, как неожиданный ... от мужа». **13.** Ожидание лучших времен. **17.** Золотая коробочка, которой рас-

платились Илья Ильф и Евгений Петров с Валентином Катаевым за идею романа про двенадцать стульев. **19.** Постановщик самого дорогого советского фильма «Война и мир», на съемки которого потратили более ста миллионов долларов. **21.** Классический «тайник» фокусника. **22.** «Сизифов камень». **24.** Каким инструментом работал бог Гефест у древних греков? **26.** «... был пьян и фокус не удался». **27.** Каким Вальтером зачитывался Федор Достоевский? **30.** «Простой ... отличается от олигарха тем, что первый стремится занять место под солнцем, а второй — над солнцем». **31.** Кто из декабристов застрелил в спину губернатора Санкт-Петербурга Михаила Милорадовича? **32.** Кто уходит из армии, «не попрощавшись»? **35.** Первый «кассовый ...» запатентовал американец Джеймс Ритти. **36.** Лекарственное растение, чьи листья входят в настой для избавления от стоматита. **37.** Ежегодно наша ... становится из-за метеоритов тяжелее на 10 000 тонн. **38.** «Стоит вымыть машину, как тут же пойдет ...».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Гриль. **10.** Командировка. **11.** Айсберг. **12.** Переговоры. **13.** Рафаэль. **16.** Весна. **18.** Мом. **19.** Камыш. **21.** Омар. **24.** Опор. **25.** Аквамарин. **27.** Лаос. **29.** Домком. **30.** Карлсон. **34.** Катастрофа. **35.** Утконос. **37.** Зальцбург. **40.** Бруно. **41.** Нерон. **42.** Равиоли. **43.** Шайка. **44.** Фазан.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Рейган. **3.** Лабрадор. **4.** Бог. **5.** Балет. **6.** Адлер. **7.** Ортопед. **8.** Автоинспектор. **9.** Сарыч. **10.** Кроль. **11.** Кабачок. **15.** Рыбак. **17.** Долли. **18.** Мазок. **20.** Трамвай. **22.** Сколиоз. **23.** Вид. **26.** Ноктюрн. **28.** Садовник. **31.** Нальчик. **32.** Камбала. **33.** Старка. **36.** Сахар. **38.** Гена. **39.** Доза.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Подлинная героиня» ахматовской «Поэмы без героя». **9.** Серовато-голубой оттенок шелка. **11.** Где в 20-х годах прошлого века взимали налоги за уши и нос? **12.** Британский министр, первым запатентовавший штопор. **14.** Хлебное вино из словаря Даля. **15.** Какая религия довела до самоубийства голландского мыслителя Уриэля Акосту? **16.** Русский инженер, придумавший арифмометр. **18.** Какой шахматный аппарат собрал в 1868 году механик Чарльз Хупер? **20.** Аминокислота, впервые синтезированная немецким химиком Эмилем Эрленмейером. **23.** Что пили и Михаил Лермонтов, и Александр Пушкин на Кавказе, чтобы укрепить здоровье? **25.** Олены ва-

ленки на мокрую погоду. **28.** В какой город назначили губернатором Петра Столыпина в 1903 году? **29.** Тонкий жезл в руках архангела на древнерусских иконах. **30.** Во что играют герои романа «Евгения Гранде» француза Оноре де Бальзака? **32.** «Ничто так не притупляет голод, как...». **33.** Историк, чьи труды помогли русскому художнику Василию Сурикову при написании картины «Боярыня Морозова». **34.** Знаменитый ... Треф за свою жизнь помог раскрыть более 1500 преступлений, состоя на службе в московской полиции. **36.** Из чего добыли яд, чтобы отравить Сократа? **38.** Из какого вещества состоит чешуя крокодила? **39.** Металл в атомных часах. **40.** Украшение на героине картины

«Олимпия» француза Эдуара Мане. **41.** Цветок «большого бокала». **42.** Какое дерево поставляет «немецкую хину» против лихорадки? **43.** Австралийская рыба, поедающая крабов. **44.** Пока я таю ее, она моя пленница; когда — выпускаю, то я ее пленник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Зверь, из меха которого сделаны шапки королевских гвардейцев Великобритании. **2.** В России нижние полицейские чины делились на три группы: первые две — городовые и околоточные, а самым младшим по званию был ... **3.** «Ключ жизни» у древних египтян, ставший символом бессмертия. **5.** Каким яством расплатилась знаменитая певица Аделина Патти за автограф, полученный ею после долгих уговоров от великого композитора Гектора Берлиоза? **6.** Самый яркий и красочный праздник в Индии. **7.** Впервые ... применили во время войны между Францией и Пруссией. **8.** Англичане считают, что это — женщина, но мы, как и арабы, точно знаем, что он —

мужчина. **10.** На берегу какой реки прошло детство Александра Куприна? **13.** Средство передвижения из фильма «Бриллианты навсегда», недавно купленное Шоном Коннери за 54 тысячи долларов. **17.** Кто сочинил самый длинный роман в истории английской литературы? **19.** Турецкий правитель, попавший в пушкинские «Песни западных славян». **21.** Кто основал в Копенгагене «Музей северных древностей»? **22.** Дублер Юрия Гагарина, самый молодой космонавт в истории. **24.** Ангел покоя и богатства. **26.** Чьи письма помогли нашему кинорежиссеру Евгению Матвееву снять фильм «Почтовый роман»? **27.** «Болотные ...» живут на юге Ирака. **30.** Одно из трех озер в нашей стране, где водятся тюлени. **31.** «Витамин деторождения». **32.** Какая змея чаще других кусает бразильцев? **35.** На каком автомобиле разъезжал Шарль де Голль? **36.** Из какого серебра в правление императрицы Елизаветы Петровны чеканили гроши? **37.** «Новый Марадона» мирового футбола. **38.** Тибетский кулан.

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Обувь. **10.** Фенолфталеин. **11.** Сноброд. **12.** Фотоэффект. **13.** Уэзерби. **16.** Элопс. **18.** Хок. **19.** Чугун. **21.** Брак. **24.** Шлях. **25.** Трубочист. **27.** Смит. **29.** Кессон. **30.** Муласен. **34.** Вивисекция. **35.** Премият. **37.** Криоконит. **40.** Абель. **41.** Народ. **42.** Сусанин. **43.** Огонь. **44.** Энзим.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Бинфэй. **3.** Выбленок. **4.** Шед. **5.** Холод. **6.** Эффон. **7.** Гарфилд. **8.** Чересполосица. **9.** Анюта. **10.** «Форбс». **14.** Сумбаев. **15.** Мунча. **17.** Эбоси. **18.** Хашим. **20.** Пхеньян. **22.** Аргамак. **23.** Аск. **26.** Телегин. **28.** Турмалин. **31.** Николай. **32.** Цикорий. **33.** Пробег. **36.** Траур. **38.** Тайн. **39.** Чоли.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С апреля открыта подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Имя этой женщины очень символично для россиян. Оно отождествляется со стремлением к свободе и героической борьбе во имя народа. Известный историк Николай Карамзин написал повесть, где вывел образ этой бесстрашной амазонки, пытавшейся спасти Новгород от захвата его великим князем Московским Иваном Третьим. Но на самом деле жизнь и смерть Марфы Посадницы (Борецкой) была куда более драматичной и куда менее романтической. Впрочем, читатель, судить тебе.

Светлана **Бестужева-Лада** «Марфа Посадница»

«Странно, что об этом человеке широкая публика мало что знает. А ведь именно он стал прообразом генерала Романа Хлудова в пьесе Михаила Булгакова «Бег», именно он является одним из главных героев тетралогии «Адъютант Его Превосходительства», именно он стал одним из второстепенных героев романа Андрея Валентинова «Флегонт», повествующем о Белом движении в Крыму, а современный писатель Игорь Воеводин за книгу «Непрощенный» был удостоен Знака Тернового Венца. И все это — о генерале Якове Слащеве.

Денис **Логин** «Два цвета одного генерала»

«К 105-летию со дня рождения Арсения Тарковского. Арсений Тарковский — поэт негромкий, искренний и бесконечно талантливый. Его стихи словно магия: врезаются в память после первого же прочтения и остаются в ней навсегда. Мастер. Поэт. Шутник с вечно грустными глазами и нележкой судьбой. Как говорил сам поэт: «И тайная меня тревога мучит, — Что сделал я с высокою судьбою, О, Боже мой, что сделал я с собою!»

Майя **Орлова** «И — в аорту, неведомо чью, наугад...»

«Окончание романа Иосифа **Гольмана** «Пробег»